

63.3(2)622

63.3(2)622

HO-74

М. ЮРКИН

У нас
особое
задание

9(C)27
Ю74

Литературная запись
В. П. Беляева

ПРЕДИСЛОВИЕ

В годы Великой Отечественной войны вместе со всем советским народом многие коммунисты и комсомольцы, работавшие в органах государственной безопасности, активно участвовали в борьбе против гитлеровских захватчиков. На оккупированной территории они выполняли ответственные специальные задания, внося тем самым известный вклад в разгром ненавистного врага. Определенную лепту в общую борьбу с фашистскими мракобесами, их пособниками и предателями Родины внесли участники оперативных групп, которыми во время войны руководил автор этой книги — Иван Яковлевич Юркин.

Воспитанный Коммунистической партией, членом которой он состоит с восемнадцати лет, И. Я. Юркин прошел большой жизненный и трудовой путь. До 1920 года работал пастухом, а затем батрачил на кулаков.

В 1920 году он вступил в комсомол и вскоре добровольно ушел на службу в части особого назначения войск ВЧК — ОГПУ. В середине двадцатых годов находился на руководящей комсомольской работе, а затем служил в Красной Армии, а с 1928 года — в органах государственной безопасности.

В августе 1942 года как опытный чекист Иван Яковлевич был направлен в тыл врага в качестве заместителя начальника оперативной группы, которая действовала в составе прославленного партизанского соединения С. А. Ковпака. Здесь, выполняя специальные задания, Юркин одновременно участвовал в боевых операциях против гитлеровцев, будучи командиром роты автоматчиков, начальником штаба Шалыгинского отряда. В бою за местечко Лельчицы в Белоруссии был тяжело ранен. После излечения в ноябре 1943 года его вторично направляют в тыл и снова в соединение ковпаковцев. Являясь начальником оперативной группы и помощником командира соединения по разведке, Юркин принимал участие в рейде на оккупированной территории Польши. После преобразования соединения в Первую Украинскую партизанскую дивизию имени С. А. Ковпака И. Я. Юркин становится начальником Особого отдела этой дивизии.

О соединении С. А. Ковпака и его славных боевых делах написано уже немало. Поэтому автор книги «У нас особое задание» больше рассказывает не о военных операциях партизан, хотя и им в книге отводится немало страниц, а о тех сторонах боевой деятельности, которые непосредственно связаны с нелегким трудом чекистов по борьбе с вражеской агентурой и предателями на

оккупированной фашистами территории, ведению разведывательной работы и выполнению иных специальных заданий в тылу врага. С этой точки зрения книга «У нас особое задание» в какой-то мере дополняет новой страницей рассказы о героической борьбе оперативных групп и партизан в годы войны.

В книге ярко показана советская молодежь: комсомольцы И. Плаксин, А. Зубков, Н. Бреславский, А. Чаповский, М. Рыков и другие, которые, будучи беспредельно преданными своей Родине, Коммунистической партии, проявляли мужество и героизм в борьбе с врагом и, не жалея своей жизни, выполняли порою самые сложные и тяжелые задания.

Несомненный интерес представляют те страницы книги, на которых описывается деятельность опергруппы по установлению в период рейда в Польшу боевых связей и содружества с польскими патриотами.

Думается, что книга «У нас особое задание» будет с интересом встречена читателями.

С. С. БЕЛЬЧЕНКО, генерал-полковник,

бывший заместитель начальника

Центрального штаба партизанского движения
при Ставке Верховного Главнокомандования

**ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Автор

Юноше,
    обдумывающему
  жизнь,
решающему —
  сделать бы жизнь с кого,
скажу
    не задумываясь —
  делай ее
с товарища
    Дзержинского.

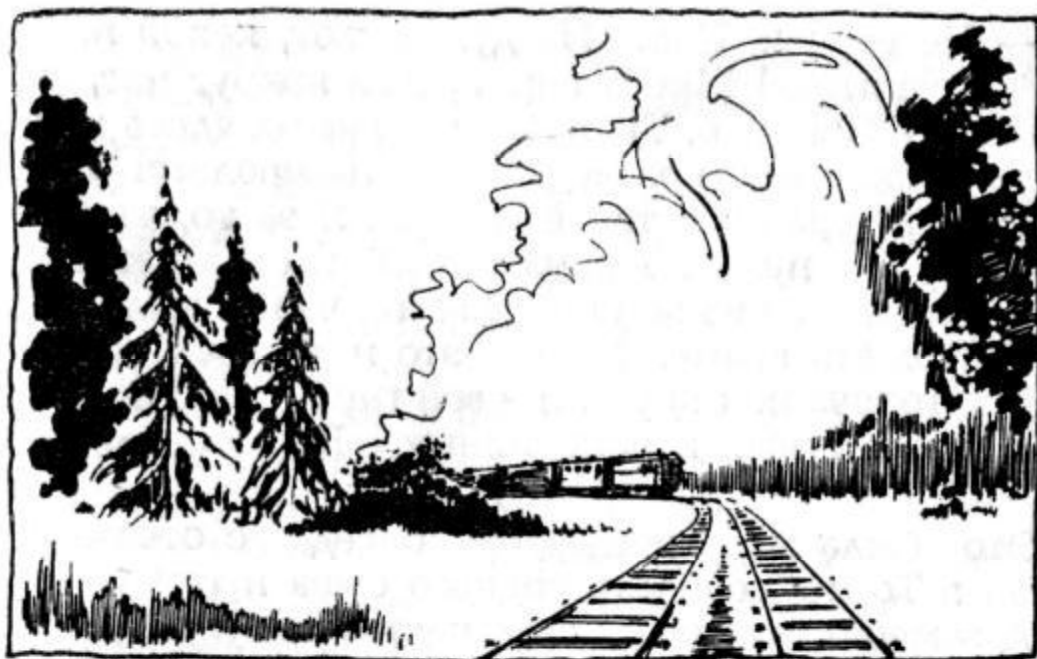
В. Маяковский

1870
1871
1872

1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

1901

СПАСИБО УЧИТЕЛЮ

В молодости я прошел хорошую политическую школу в Кемеровской комсомольской организации. Став военным и решив посвятить жизнь службе в армии, я готовился поступить в академию. Но в 1928 году меня вызвали в окружной комитет партии и направили в органы Объединенного Государственного Политического Управления.

Мой отчим, старый коммунист Никита Сорвин, узнав, что я стал чекистом, приехал из деревни.

— Сам захотел там работать или заставили? — спросил он.

— Не заставили, а предложили. В окружке сказали, что в ОГПУ я нужнее...

Старик задумался, прошелся по комнате:

— Ну что ж, Ваня, быть может, навсегда тебе такой путь определили. Под гимнастеркой чекиста душа должна быть чуткая и тонкая. Загубишь невинного человека — проклинать будут... Подумай об этом, взвесь все...

Как и все в молодости, я не любил поучений, надулся и замолчал, а отчим, заметив мое состояние, сказал:

— Не серчай, Иван. Не думай, вот, какой нашелся ангел-хранитель! Много еще врагов вокруг нас, и бороться с ними надо. Ты помнишь, как гонялась за мной колчаковская контрразведка, как шомполами перебили колчаковцы ноги твоей матери. Я за то, чтобы карать тех, кто прячет в землю хлеб и стреляет в сельских активистов из-за угла. Я за то, чтобы вылавливать и уничтожать врагов. Но все это надо с умом делать, чтобы сгоряча не обрушить свой гнев и кару народную на людей честных и неповинных. Вот так-то, елки-палки...

Это была моя последняя беседа с отчимом. Он уехал в Томск повидать родного сына и там умер.

А заменил мне его и стал наставником и другом на всю жизнь один из старейших чекистов-дзержинцев Иван Александрович Писклин. Спокойный и уравновешенный, никогда не повышающий голоса, человек удивительной выдержки, деликатности и врожденной интеллигентности. Именно он преподавал мне азбуку работы в органах ОГПУ.

— Ты обрати внимание,— говаривал мне его помощник Миша Дятлов,— товарищ Писклин даже самого Кузеванова допрашивает спокойно, не произнося ни одного бранного слова...

Слово «даже» значило много. Всем было известно, что колчаковский каратель Кузеванов уничтожил сотни невинных людей.

Писклин долго и кропотливо разыскивал по всей Сибири Кузеванова, скрывавшегося под чужой фамилией, наконец, с риском для жизни арестовал его и после многих допросов вывел на открытый процесс. Десятки искалеченных и чудом уцелевших жертв садиста Кузеванова выступали свидетелями на процессе.

Мое знакомство с Писклиным началось очень просто. Он положил передо мной на стол несколько папок со следственными делами и сказал:

— Приведете их в порядок, подшейте документы, а попутно изучите существо дел.

Спустя некоторое время он принес книгу воспоминаний о Феликсе Дзержинском.

— Читали?

— Нет.

— Советую прочесть.

Это был его экземпляр. Множество раз читанный

и перечитанный, с подчеркнутыми строчками и пометками на полях. Я открыл наугад, прочел подчеркнутое и запомнил на всю жизнь:

«Настоящее несчастье — это эгоизм. Если любить только себя, то с приходом тяжелых жизненных испытаний человек проклинает свою судьбу и переживает страшные муки. А где есть любовь и забота о других, там нет отчаяния».

После двух месяцев работы Писклин дал мне два следственных дела — бандита Круглякова и братьев Якова и Тихона Астанковых.

— Будем считать, что первый курс «академии» вы закончили, — дружески улыбнулся Иван Александрович, — пора приступить к самостоятельной работе.

Я смутился. Мне показалось, что еще не очень готов к самостоятельной работе, а главное, я хорошо знал Астанковых, они были из одной деревни со мной. Сказал об этом Писклину.

— Тем лучше, — ответил он, — я сознательно даю вам это дело, изучите его и разберитесь. Доказать виновность — это еще не все. Нужно установить причину совершенного преступления. Изучение жизни человека и его окружения — вот ключ к раскрытию сути дела.

С бандитом Кругляковым было все ясно. Сын кулака, пойман с оружием в руках, на его счету убийство сельского активиста и поджог колхозных построек.

Куда более сложным оказалось дело Астанковых.

Авторы нескольких заявлений, подшитых к делу, утверждали, что братья Астанковы выступают против Советской власти, отговаривают мужиков вступать в колхоз, угрожают активистам, и что вообще они эксплуататоры и «прочая гидра».

Вызываю на допрос Тихона Астанкова. Мужик двухметрового роста, большой физической силы и тем не менее в деревне не было смиреннее и скромнее человека, чем Тихон. Я знал его с детства. Мне было двенадцать, когда я стал управлять лошадьми, запряженными в лобогрейку. И великана Астанкова я называл тогда «дядя Тихон».

Он вошел, поздоровался, осторожно сел на стул. Разговор не клеился. Все мои попытки вызвать Тихона на откровенность не увенчались успехом. И тогда я спросил:

— А помните, дядя Тихон, как мы с вами лобогрейкой подрезали крыло перепелке? Вы перевязали ее и отпустили.

Тихон оживился:

— Как же, Иван Яковлевич, помню. Ведь она — перепелка — слабое создание. Кто ее может защитить? Только человек.

— Ну вот видишь, что получается, — сказал я, — перепелку жалко, а активистам угрожаешь. Бить их собираешься.

Тихон встал во весь свой гигантский рост, замахал руками, как будто на него обрушился рой пчел.

— Да што ты, бог с тобой, да разве ты мене не знаешь? Я никому худого слова никогда не сказал.

— Что же было на самом деле? Садись и рассказывай по порядку.

Тихон немного успокоился.

— Пришли ко мне Окунев и Гулебич. Стали меня и братьев Якова и Игната за колхоз агитировать. Я не супротив, но вот беда — с бабой сладу нету. Скажешь, в колхоз пойдём, а она ревет, как корова, да еще норovit схватить скалку или ухват.

Махнув безнадежно рукой, Тихон добавил:

— Тебе этого не понять, жена-то у тебя, наверно, антилигентная и пользу колхоза понимает...

Я поверил ему. Пришлось поехать в деревню и допросить авторов заявлений. И выяснилось, что они оболгали братьев. Так отпал вопрос о кулацкой сущности Астанковых.

Арестованные были освобождены. Однако я никогда не забуду заключительной беседы с Иваном Александровичем. Когда я доложил ему об итогах следствия, он задал только один вопрос:

— Кулаки?

— Нет, — ответил я, — они никогда не пользовались наемным трудом.

— Твое свидетельство — немаловажный факт, — сказал Писклин, — но тебя ведь к делу не приложишь. Письменно изложи все, что сам знаешь об Астанковых.

Постучав пальцами по столу, Писклин добавил:

— Нужно помнить, что мы живем в такое время, когда идет острая классовая борьба. Пройдет несколько лет, нас с тобой здесь не будет, возможно, найдут-

ся еще ретивые писаки — и снова возникнет следствие. Следователи возьмут из архива дело и увидят, что мы с тобой уже занимались Астафковыми, продержали их под арестом три недели, установили невиновность, и не станут больше привлекать их к ответственности. Так-то, Иван Яковлевич!

Осенью 1942 года меня неожиданно вызвали из Новосибирска в Москву. Поезд шел долго, часто останавливался, пропуская эшелоны с грузами для заводов, переброшенных в Сибирь из центральных районов страны: «Как-то решится моя судьба, где придется работать?..»

На Ярославском вокзале меня встретил сотрудник наркомата и проводил на квартиру, а спустя несколько дней меня вызвали на Лубянку.

— Готовьтесь к заброске в тыл врага. Формируйте отряд, будете прыгать с парашютом, — сказал мне генерал.

Так я оказался в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения.

Сборы были недолгими, а подготовка к тренировочному прыжку ограничилась одним занятием.

— Это парашют ПД-41, — сказал полковник Пожаров. — Скорость падения такая-то, складывать парашют вот так. А приземляться на полусогнутых ногах...

Кто-то стал задавать вопросы, но Пожаров махнул рукой:

— Вам надо иметь крепкие нервы, а дальше за вас сработают карабины подвесной системы. Кто не падает, тот не может подняться, — заключил он.

Именно так мы закончили теоретическую часть. Тренировочным прыжком Пожаров остался доволен.

В СОЕДИНЕНИИ С. А. КОВПАКА

Ночью 26 сентября 1942 года наша оперативно-чекистская группа прибыла в распоряжение партизанского соединения С. А. Ковпака. Нас принял дежурный по штабу Федор Карпенко. Указывая то на одно, то на другое дерево, Карпенко с серьезным видом говорил:

— Здесь для вас, командир, будет спальня, там столовая, а вот там зал для танцев... Что касается солдат, то они сами найдут себе место. Предупреждаю, молодых вдовушек здесь немного и все они давно заняты.

Пришлось ответить в том же духе:

— Благодарю вас за информацию. Завтра в отведенном мне дворце состоится бал. Приглашаю и вас. Будет княгиня Марья, которая обеспечит вам быстрое продвижение по служебной лестнице.

Мы разместились под деревьями, а Карпенко пошел докладывать о нас начальству.

Возвратившись из штаба, сказал:

— Завтра утром построите отряд, с вами будет разговаривать Ковпак. Смотри, командир, не подкачай.

Раннее утро 27 сентября. Отряд построен на опуш-

ке леса. Ребята побрились, начистили оружие. Вид бравый, ничего не скажешь. Вдали показались С. А. Ковпак и комиссар соединения С. В. Руднев. Отдаю рапорт Ковпаку. Потом Сидор Артемьевич обратился к бойцам. Слушаем внимательно, стараясь не пропустить ни слова. После команды «вольно» ребята обступили Ковпака и Руднева.

Чекисты резко выделялись среди партизан новой армейской формой, вооружением — автоматами и пистолетами, выправкой. Но не было у нас главного — боевой закалки и опыта партизанской борьбы в тылу врага. Мы понимали, что нужно учиться у партизан, впитывать в себя все полезное, что уже накоплено ковпаковцами в боях.

В деловой суете прошел день. Было далеко за полночь, когда мне удалось заснуть... Проснулся я на рассвете от холода. Осеннее солнце затянуто дымкой, медленно уплывают плотные слои тумана. Шалаши, палатки, повозки, покрытые брезентом, прижимаются к могучим деревьям. Здесь же штабной шалаш Ковпака. Небольшая болотистая низина отделила лагерь партизан от села Старая Гута. Сельские ребяташки выгнали на луг коров, трубы печей выбрасывают клубы дыма, ветерок принес знакомый с детства мирный запах хлеба. Но спокойствие это было только видимое. Я знал, что нас ждут бои, походы, трудная партизанская жизнь...

...Командование поставило перед нашей группой ряд важных задач. Еще многое из того, что делали фашисты на оккупированной территории, не было в полной мере известно Центру. Чтобы прояснить обстановку, наша группа должна была действовать быстро и оперативно. Надо было разведать, все ли свои взаимоотношения с населением фашисты строят на основе грабежа и террора? Применяют ли методы, которые могут обмануть какую-то часть населения? Вероятно, среди врагов есть более дальновидные, которые понимают, что штыками можно убивать, но сидеть на них долго нельзя. Нам предстояло выяснить, какова военная и административная структура фашистских органов на оккупированной территории, среди какой категории людей гитлеровцы создают свою опору. И, наконец, какова деятельность фашистской разведки на оккупированной территории.

Наша оперативная группа располагала крепким ядром разведчиков. Это была молодежь, разная по складу характера, но единая в главном — беззаветной преданности Родине. Уже первые бои с врагом сделали ребят еще более стойкими и укрепили веру в победу.

— Фашист храбрый, пока его не бьют,— говорил Вася Воробьев.

— Не любит немец, когда заходишь ему в тыл,— поддержал Васю Алексей Чаповский.— Почему? Он понимает — до бога высоко, до Берлина далеко, а под ногами чужая земля горит.

Всегда спокойный и медлительный Ваня Сергиенко любой разговор начинал с одной и той же фразы: «Ось яка справа».

На этот раз, выслушав Чаповского, Сергиенко сказал:

— Ну и голова же у тебя, Алексей, объемна та богата, що украинське поле.

Любимцем опергруппы был Миша Рыков, маленького роста и самый молодой, подвижной, всегда готовый оказать помощь другому, он учился боевой хватке у старших.

Чекистская группа нуждалась в помощи партизан. Мы должны были знать, с кем придется воевать и от кого ждать помощи, выполняя оперативные задания.

Третья рота Путивльского отряда партизанского соединения, которой командовал Карпенко, считалась самой боевой. Ее как бы прикрепили к нам. Постепенно мы узнали этих ребят и подружились с ними. На первых порах запомнился веселый парень по прозвищу Мудрый. В один из вечеров он подошел к нашему костру и, став по стойке «смирно», доложил:

— Привет представителям меча, разящего международную буржуазию.

Ребята пожали плечами, но предложили «остряку» присесть у костра. Не торопясь, Мудрый положил на землю автомат, распахнул пиджак и, сняв висевший на шее будильник, поставил его на землю.

— Разрешите представиться,— сказал он,— Колька, по прозвищу Мудрый. Социальное положение сносное...

Я первый раз видел такого странного человека. Вначале казалось, пустой и беспечный парень. Но вот

Мудрый задумался. На лице его появилась едва заметная ироническая улыбка, а взгляд карих глаз сделался глубоким и осмысленным. Но это продолжалось лишь мгновение. Он снова забалагурил, глаза стали пустыми и наглыми. Второй раз я случайно встретил Мудрого в лесу. Он сидел у костра и сушил портянки. Будильник стоял на пне. Мудрый был хмур и, судя по всему, не расположен к беседе.

— Допрашивать будешь или как?

— Брось паясничать, Мудрый,— сказал я.— Гляжу на тебя и думаю: надеть вериги, вполне сойдешь за юродивого. Лицо свое теряешь, а фамилию, как видно, давно забыл. А ведь на самом-то деле ты не такой?

По-видимому, мои слова заделали Мудрого.

— А с какой стати моя персона так вас заинтересовала?

— Хочу знать, с кем вместе буду бить врагов.

— А сам-то ты храбрый?

— Не знаю, не проверял. Но согласен у тебя поучиться мужеству.

Постепенно мы разговорились.

Николай Махлин родился в Могилеве, на Днепре. Перед войной кончил военное училище, был младшим лейтенантом, командовал взводом. Пехотная дивизия, в которой он служил, вступила в бой под Гомелем. Отступая, попали в окружение.

— Был у нас один тип,— рассказывал Николай,— я считал его другом и поделился своими мыслями о нашем отступлении.

Николай машинально собрал хворост и швырнул его в костер. Искры, потрескивая, разлетались веером. Мудрый молчал.

— Что же было дальше?— спросил я.

— Говорят, что один раз в жизни подлец прикидывается порядочным, а скряга добряком. Беседа с приятелем стала известна командованию. Меня обвинили в пораженчестве, должны были судить. Я мог бежать, но не считал себя виноватым и решил: будь что будет, хотя знал, трибунал добром не кончится. Но бежать — значит действительно оказаться предателем. На подходе к Десне остатки дивизии настигли немцы. Наша группа была отрезана. После боя остались вчетвером. Шли, пока в Ямпольском районе не встретили партизан Ковпака...

Самым близким другом Мудрого в отряде был Михаил Косинцев, колхозник из Романовки Камышинского района Сталинградской области. До призыва в армию он работал трактористом.

Махлин и Косинцев стали большими друзьями нашей опергруппы и многое сделали для ее успешной работы. Они не упускали случая привести к нам нужного человека или добыть документы. Участвуя в бою, старались взять пленного. Часто перед тем, как идти на задание, заходили к нам спросить, не могут ли быть чем-нибудь полезны и нам, что нужно узнать специально для нашей опергруппы.

Обстановка в тылу врага для нас была новой и сложной, трудно было пересечь линию вражеской блокады, выбрать правильный маршрут, чтобы избежать встречи с противником. На задание чекистов обычно провожали Коля Махлин и Митя Черемушкин, вологодский колхозник, прославленный разведчик партизанского соединения.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Работа нашей группы постепенно налаживалась. Из Брянского леса потянулись невидимые нити в стан врага. Возвратились из дальней разведки Чаповский, Рыков и Еременко, с ними пришли двое учителей из села Ново-Боровичи. Петренко скрывался в лесу, а Каминская жила на станции Словечно. Оказывается, фашисты начали открывать школы. В августе 1942 года Каминская участвовала в совещании учителей города Олевска.

Выступил с речью гебитскомиссар:

— Вы должны учить ребят писать и читать,— сказал он,— прививайте любовь к новому порядку. Преподавание истории запрещаем...— И далее в том же духе.

Никто не ответил ему. Учителя угрюмо молчали. Многие из них первого сентября на работу не вышли, скрылись кто где мог...

В короткий срок мы подготовили связных и направили их в Киев, Днепропетровск, Минск, Сарны, Немовичи, Лоев, Лельчицы и Пуховичи.

Наш связной Сергей Василенко установил, что на Правобережной Украине фашисты создали торговое

общество «Восток». Проверка показала, что это орудует гестапо. Торговля была лишь прикрытием. Правда, для отвода глаз кое-что заготовляли, но ничего не продавали. Гестаповцы развернули широкую вербовку шоферов, сапожников, портных и других специалистов для отправки их на курсы в Киев или Днепропетровск. Мы беседовали с одним из добровольцев, шофером Меркуленко.

— Хотел поехать в Киев,— сказал он,— но не подошел.

— Почему?

— Разговаривал со мной какой-то представитель торговой фирмы. Он заставил написать заявление, а пишу я плохо. После беседы порвал заявление, назвал меня идиотом, добавив, что я годен только навоз возить...

На некоторое время наше внимание было отвлечено от оперативной работы: 4 октября партизаны широким фронтом повели наступление на гарнизоны противника в Голубовке и Чернацком. Оперативная группа вместе с приданной ей главной разведкой соединения должна была обеспечить тыл и фланги наступающих партизан со стороны сел Лесное и Стегайловка. Это было первое наше боевое крещение.

Завязался упорный бой. Группа автоматчиков противника просочилась в тыл через Лесное. Чекисты Николай Бережной, Миша Рыков, Ваня Архипов, Вася Воробьев и Алексей Чаповский ликвидировали прорыв. Ковпак и Руднев остались довольны действиями нашей группы.

Используя передышку между боями, разведчики ушли на задание. Встречи с доверенными людьми, сообщения очевидцев дали возможность выяснить более подробно, как действуют фашистские органы на оккупированной территории.

В Киевской, Житомирской и Черниговской областях гитлеровцы развернули широкую сеть террористических формирований. Оказалось, что рейхсфюрер СС и гестапо Гиммлер для борьбы с советскими патриотами направил все свои лучшие и самые жестокие карательные силы: СД, СС, ГФП и гестапо¹. Зная функ-

¹ СД — служба безопасности гитлеровской Германии.

СС — охранные отряды гитлеровской партии.

ГФП — тайная полевая полиция.

Г е с т а п о — государственная тайная полиция,

ции этих органов, нам нетрудно было разобраться, для чего их сосредоточили в этих областях.

Главная роль в борьбе с советскими патриотами отводилась СД. Зондеркоманды и эйнзатцгруппы уничтожали всех непокорных и сочувствующих независимо от пола и возраста.

17 октября меня вызвали в штаб Ковпака. На склоченном из досок столе лежала топографическая карта. Ковпак, показывая то на одно, то на другое обозначение, спрашивал:

— Цэ що?

— Хутор либо казармы,— отвечал я.

— А цэ?

— Железная дорога и разъезд Решающий.

— Добре. Бачу, що швыдко можешь читать карту.

Ковпак и Руднев поставили нам задачу: за ночь пройти сорок километров, передневать в лесу около разъезда Решающий. Ночью напасть на гитлеровцев, отбить лошадей и возвратиться в соединение. Перед глубоким рейдом партизаны получили с Большой земли много боеприпасов. Везти же их было не на чем.

— Придадим вам десять разведчиков, проводником будет Митя Черемушкин,— сказал Руднев.— Берегите Митю! Его смерть не может быть оправдана и сотней уничтоженных врагов! Учтите, задание сложное и рискованное.

И вот пятьдесят автоматчиков скрытно подошли к линии блокады, чтобы с наступлением темноты пересечь этот рубеж. Гитлеровцы плотно блокировали партизан Ковпака, разместив большие гарнизоны в прилегающих к Брянскому лесу селах. Сожженное Лесное являлось как бы нейтральной зоной: сюда гитлеровцы боялись показываться.

Сорок километров благополучно прошли за ночь и втянулись в лес, окружающий разъезд Решающий. Но когда наступил рассвет, поняли всю сложность и неприглядность своего положения. Лес просматривался насквозь. Почти рядом виднелись три казармы, в одной из них расположились немцы. Позади крупные гарнизоны гитлеровцев в Голубовке, Чернацком и Каменке. Но выхода у нас не было. И вот в ста пятидесяти метрах от казарм, в маленьком, наполовину вырубленном лесочке пятьдесят автоматчиков заняли круговую оборону. Разве могли гитлеровцы по-

думать, что рядом с ними скрываются партизаны? Целый день пролежали на мокрой и холодной земле. Мы видели, как гитлеровцы вывели из казармы двух немецких овчарок, ребята тихонько поставили автоматы на боевой взвод, но... овчарок повели в противоположную сторону. Я услышал облегченные вздохи. Время двигалось медленно, хотелось уцепиться за стрелки часов и тянуть, тянуть...

Наконец стемнело. И тогда Воробьев, Чаповский, Лазун, Сергиенко бросились вперед, увлекая за собой остальных разведчиков. Схватка была короткой и дерзкой, но считать убитых врагов было некогда.

Не обошлось и без курьезов. Старший полицаи Лепинов пьянствовал на свадьбе. Услышав выстрелы, он выскочил на улицу и оказался лицом к лицу с нашим разведчиком казахом Муралимовым.

Приняв его за полицаю, Лепинов приказал:

— Немедленно собирай людей, бандиты нагрянули.

— Какой такой бандит? — сказал Муралимов. — Мы все хорошие люди...

Полицай сразу протрезвел. Завязалась борьба, исход которой едва ли закончился в пользу Муралимова, если бы не пришел ему на помощь Алексей Чаповский.

Сбор разведчиков после боя был назначен у железнодорожного моста, здесь выставили заслон, чтобы преградить немцам путь к Пироговке, мимо которой нам надо было возвращаться. Мы захватили шестнадцать лошадей, шесть коров и двинулись в обратный путь. На рассвете пришли в лагерь.

Вскоре после этого рейда приказом Ковпака из двух оперативных групп была создана 12-я рота автоматчиков под моим командованием, одновременно я был заместителем начальника опергруппы.

РЕЙД НА УКРАИНУ

Соединение двинулось на запад. В планы командования не входило ввязываться в бой на выходе из Брянского леса. Задача состояла в том, чтобы найти слабое место в обороне врага, тихо и незаметно выйти на просторы Украины и там громить гарнизоны фашистов, разрушать коммуникации.

Ночью линию блокады прошли тихо. Слышно было лишь поскрипывание повозок да редкое ржание лошадей.

Далеко вперед по маршруту соединения ушли два разведчика: Вася Воробьев и Алексей Чаповский. Они сопровождали чекиста, которого мало кто видел в соединении. Ему предстоял ряд встреч с нашими людьми, посланными в различных направлениях. Одной из первых была встреча со связным. Он принес ценные данные об обстановке в оккупированном врагом Киеве. На Бессарабке создана база военной техники. Проживать в Киеве без прописки можно, но, чтобы избежать облавы и угона в Германию, нужна справка с биржи труда. Все решают деньги. Справка гебитскомиссариата

о проезде по железной дороге стоит 2000 марок или килограмм соли.

В Иваньковском районе Киевской области Воробьев и Чаповский встретили четырех вербовщиков, которые стремились пополнить вспомогательные отряды националистов украинской молодежью. Безопасность вербовщиков и свободное их передвижение обеспечивали немцы. Трое суток Воробьев и Чаповский охотились за ними. В результате короткой схватки двое фашистских наймитов остались лежать на земле.

Из их документов узнали, что они прибыли из Львова в качестве уполномоченных генерала австрийской службы Курмановича, который был давно известен нашим разведывательным органам как один из активных украинских буржуазных националистов.

Фашисты напали на след разведчиков. Днем партизаны отсиживались в болотах, ночью шли. Чаповского царапнула шальная пуля, но в конце концов все закончилось благополучно: в селе Корма разведчики нагнали отряд.

Двадцатилетние юнцы обросли бородами, смертельно устали.

28 октября 1942 года соединение остановилось на дневной отдых после утомительного перехода. Было часов шесть утра. Хотелось спать, но меня вызвали Ковпак и Руднев.

— В четырех километрах отсюда,— сказал Ковпак,— фашисты силами военнопленных заготавливают лес. Надо освободить военнопленных.

Руднев добавил:

— Проводником будет разведчик Николай Бордаков. В помощь вам придадим 11-ю роту старшего лейтенанта Сарапулова...

Возвратившись в расположение своей группы, я увидел умирительную картину. Бодрствовал только часовой Ваня Сергиенко. Все остальные крепко спали. Слабый ветерок перебирал листья берез и тихо, тихо убаюкивал уставших разведчиков. На их молодых лицах не было ни тревоги, ни заботы. И я подумал, что такое можно увидеть только один раз в жизни.

Жаль было будить ребят, но приказ есть приказ, и через десять минут разведчики шагали к цели.

Впереди шли самые молодые бойцы опергруппы: Сергиенко, Лазун, Бережной, Алексеенко и Рыков. На

четвертом километре проселочной дороги мы неожиданно напоролась на эсэсовцев. Бой в лесу ставит в одинаковое положение обе стороны и победа зависит от находчивости, боевой подготовки и мужества.

Высокий здоровяк Сарапулов выскочил на дорогу, не заметив лежащего за корнями дуба гитлеровца. Все произошло как будто во сне. Я видел глаза гитлеровца, он готовился выстрелить. На какую-то долю секунды я опередил его, и он, выпустив из рук автомат, уткнулся лицом в землю.

Спасая Сарапулова, я не заметил опасности сзади. Оглянулся на звук автоматной очереди: в двадцати метрах от меня стоял Вася Лазун и валялся убитый им офицер. Лазун вытирал пот с лица и что-то пытался сказать. Он вел себя так, как будто не он, а я спас ему жизнь. Вася застрелил капитана СС. Он со своими головорезами ехал грабить колхозников. Стрельба напугала конвоиров, и они с половины дороги от места заготовок возвратили военнопленных в казармы.

Отгремели автоматные очереди, на дороге догорали две грузовые автомашины, валялись убитые гитлеровцы. Но у нас не обошлось без потерь. На небольшой поляне лежал смертельно раненый Коля Бордаков. Бойцы окружили его. Он лежал на спине, тяжело дыша.

Туманное осеннее небо все больше сближалось с землей. Черные, густые тучи плыли над нами. Что-то вспоминая, Коля сказал:

— Десь там був князь Андрий. Був?

Ребята поняли, о чем он спрашивает, и ответили:

— Да, Коля, был князь Андрей Болконский.

Минуты нам казались часами. Смастерили носилки. Коля открыл глаза и продолжал:

— Вин, князь Андрий, тож лыжав и бачив небо. О та черна хмара, що плывэ над намы, може вона дійдэ до моего села Кахань, що на Сумщини...

Это были его последние слова. Возвращались мы молча. Дорога шла лесом. Березы выстроились рядами, как солдаты, готовые к маршу. Темно и сумрачно было в лесу. Природа готовилась к зимнему сну. Я думал: «Березы — краса русской природы, спасибо вам за то, что вы украсите могилу замечательного человека Коли Бордакова. Пусть ваши корни обнимут его могилу, заменив ему ласку матери».

Мы не знали тогда поэму Твардовского «Василий Теркин», но поэт хорошо знал тех, о ком писал:

Страшный бой идет кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

4 ноября я с группой из трех человек ушел вперед, обогнав соединение на несколько переходов.

Первый привал мы устроили в стогу сена в пяти километрах от села Сусловка в Черниговской области. Недалеко протекал Днепр, а на другом его берегу был город Лоев.

Стояла прохладная погода. На чистом ночном небе ярко перемигивались звезды. Идти на место встречи было еще рано. Зарывшись в сено, я задремал. Проснулся от голосов. Вася Воробьев и Алексей Чаповский читали стихи: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», «Катерина, вражья баба, шо ты наробыла, гай зеленый...» — читали долго, перебивая и поправляя друг друга.

Стук повозки и заливчатая песня пьяного превали «вечер поэзии». Повозка свернула с дороги. Едущие решили, видно, прихватить сена. Их появление никак не входило в наши планы.

Пассажирами оказались пожилой попик и средних лет пьяный дьякон. Дьякон с трудом вывалился из повозки и сел на землю. Поп тем временем стал выдергивать из стога сено и класть в повозку.

Вдруг Сергиенко закашлял, и нам не оставалось ничего другого, как скатиться вниз.

Дьякон сразу отрезвел, зато поп от страху долго не мог опомниться: крестился и что-то лепетал.

У нас не было времени заниматься священнослужителями и мы отпустили их с миром...

На встрече с нашими людьми мы получили важные сведения о положении в Киеве: в элеватор на Подоле фашисты свезли 3500 тонн зерна, готовят его к отправке в Германию. Из Германии и Франции завозят оборудование заводов взамен вывезенного нами во время эвакуации. Фашистская администрация старается поставить эти заводы на военные рельсы. Основные штабы военных и разведывательных органов находятся на Печорске. Разведчики принесли нам бла-

ки и пропуска, которые давали возможность свободно ездить по Киевской и Черниговской областям.

Нам стало известно, что националисты усиленными темпами формируют военные подразделения. Они сосредоточены по среднему течению рек Случь и Горынь, в северной и северо-западной части Ровенской области. Основные маршруты украинских националистов тянулись на Волынь. Одним из опаснейших националистов был некий Ратько. До войны мелкий чиновник Ян Ратько, он же Янковский, жил в Западной Украине на границе с Советским Союзом, служба его являлась лишь прикрытием для разведчика польской оффензивы. В названиях разведки Польши пилсудчиков не случайно оказались приставки «оф» и «де». Еще в двадцатые годы в формировании разведки и контрразведки Польши приняли участие опытные разведчики Франции. Так появилась оффензива (разведка) и дефензива (контрразведка).

Оффензива вела разведывательную работу против Советского Союза, для этой цели на границе были созданы пляцувки (отделения), сведенные в пятую экспозитуру второго отдела генштаба Польской армии.

Гитлеровцы, оккупировав Польшу, привлекли к работе Яна Ратько, который знал наши пограничные заставы и в первые дни нападения на Советский Союз оказал немалые услуги фашистам.

Полученные материалы показывали, что некоторые связи абвера (немецкой армейской разведки) не случайно шли к Яну Ратько. Наша задача состояла в том, чтобы здесь, на оккупированной территории, найти подход к абверу, перехватить его каналы. Поэтому Ратько нас особенно интересовал.

Чаповский, Сергиенко и Лазун обеспечили встречу с нашим связным Артуром, побывавшим в Днепропетровске. Там в большой тайне действовали какие-то курсы. На них обучалась группа предателей военнопленных. Связной Василий в местечке Лоев встретился с бывшим военнослужащим Суховым. Во время отступления Красной Армии он был ранен и остался в Речицах. Сухов рассказывал Василию, что с ним беседовал какой-то офицер вермахта. Он интересовался, как хорошо Сухов знает военную технику, рода войск и боевой устав Красной Армии. Ответы Сухова удов-

летворили офицера, и он предложил ему поехать на курсы в Варшаву. Дав согласие, Сухов уклонился от последующей встречи с этим офицером. Разговор Сухова с немцем происходил на квартире старшего полицая Горбатенко. В его квартире была явка агентуры абвера. Мы выяснили также, что по городам и селам Киевской области сотрудники абвера разыскивают людей, которые имели родственников в Англии и США.

Как-то осенью я получил новое и не совсем обычное для меня задание. В выполнении его принял участие секретарь парторганизации соединения Панин.

— Возьмите группу своих чекистов,— сказал Руднев,— и вместе с Паниным проведете митинг в селе Смагарин.

— Нехай люди побачут москвичей,— сказал Ковпак.— Расскажите им о битве под Москвой, о москвичах, шоб воны все зрозумилы и не верили фашистской брехне.

Я знал, что произошло в этом селе несколько месяцев тому назад.

Большое село Смагарин окружал ряд небольших деревень — Безуев, Ровно, Ровенская Слобода. Сюда несколько раз заходили местные партизаны. В августе 1942 года команды СД оцепили деревни Безуев и Ровенскую слободу, подожгли дома и расстреляли всех, кто не успел бежать. На краю села, подожженная огнем, пылала изба. Женщина с ребенком на руках пыталась спасти корову. Она вывела ее из горящего сарая, но раздалась автоматная очередь, мать замертво упала на землю. На ее груди плакал двухлетний мальчик, протягивая ручонки к человеку, идущему мимо. Каратель спокойно вытащил из кобуры пистолет и выстрелил. Ребенок упал рядом с матерью. Об этом нам рассказали жители Смагарина. И вот сейчас мы шли в Смагарин.

Все взрослое население собралось на митинг. Это было незабываемое событие. «Не верьте лживой фашистской пропаганде,— говорили мы,— фашистские полчища наголову разгромлены под Москвой. Вот смотрите, мы, москвичи, стоим перед вами. Красная Ар-

мия гонит фашистов на запад. Советская власть была, есть и будет вечно».

Мы отвечали на десятки вопросов о Москве и москвичах. Беседа затянулась далеко за полночь. Двадцать четыре человека записались добровольцами в наше соединение. Их провожали жены, матери и невесты. И сейчас в этом селе живут два из них — Василь Туркевич и Захар Шелемея.

Там поставлен памятник погибшим односельчанам

ШАЛЫГИНСКИЙ ОТРЯД

В середине ноября 1942 года меня назначили начальником штаба Шалыгинского отряда, командиром которого был Федот Матюценко, комиссаром Федор Фисенко и заместителем начальника штаба Григорий Якименко. Вся оперативная группа во главе с Александром Мирошниченко передислоцировалась в Шалыгинский отряд.

Когда нависла угроза оккупации фашистами Украины, ЦК КП(б) Украины оставил для работы в тылу врага группы людей. Со временем эти группы разрослись в большие отряды, но продолжали называться по имени района, где они были созданы. В партизанское соединение Ковпака входило четыре основных отряда: Путивльский, Шалыгинский, Глуховский и Кролевецкий. Со временем они были переименованы в батальоны: Шалыгинский отряд стал третьим батальоном.

В село Корма, где расположился наш отряд, приехал Руднев. Он вручил приказ о наступлении на Лельчицы. Я сохранил этот приказ, подписанный Ковпаком и Рудневым, как воспоминание о боевых днях. Наступление на Лельчицы облегчило прове-

дение ранее подготовленной операции по изъятию Яна Ратько.

Мы изучили подходы к жандармскому управлению, узнали, где квартира Ратько. Два друга, порывистый, обладающий большой физической силой Николай Бережной и осторожный Вася Лазун за сутки до наступления были направлены в Лельчицы. А глубокой ночью 25 ноября Шалыгинский отряд в составе четырех рот повел наступление на Лельчицы с северо-западной стороны. Маячившее впереди здание жандармерии представляло для нас особый интерес.

Воробьев, Чаповский, Рыков, Сергиенко и я вырвались вперед, «прорубив» узкий коридор к жандармскому управлению. Вот и цель, мы уже были на крыльце дома, как из-за угла послышалась автоматная очередь. Меня тяжело ранило.

Бой носил упорный характер еще и потому, что часть жандармов и полицейских укрылись за домами, примкнувшими к жандармерии. Они были как бы первой линией обороны на подступах к дому. Но вот первый этаж взят. На втором этаже забаррикадировались оставшиеся в живых полицейские.

Решил исход боя Малыш, так мы прозвали Ивана Сударикова за его двухметровый рост, крепкое телосложение и огромную физическую силу. Он сорвал дверь и бросил две гранаты. Ребята ворвались в комнаты и уничтожили оставшихся жандармов.

Меня вынесли из боя в безопасное место и уложили на повозку. Мой друг и врач Иван Маркович Савченко оказал первую помощь.

В это время Бережной и Лазун терпеливо поджидали Ратько в его квартире. Как и следовало ожидать, почуввав недоброе, предатель решил переодеться и вырваться из кольца партизан. Схватка была короткой. Предателя обезоружили и связали.

Вел он себя на удивление спокойно.

— Кто вы?— спросил он.

— Партизаны,— ответил Лазун.

Иронически улыбнувшись, Ратько сказал:

— ...и опытные разведчики. Правда?

— Допрашивать вас будем мы,— сказал Лазун,— а отвечать придется вам.

Медлить было нельзя. Бережной и Лазун быстро

сделали обыск. Ни документов, ни бумаг дома у него не было. Партизаны приказали Ратько выходить, и тогда он не выдержал:

— В правом углу откройте третью половицу, там портфель с важными документами. Этим я хочу спасти себе жизнь.

Ратько и его портфель доставили Александру Мирошниченко. Из документов мы узнали, что в наш тыл заброшены разведчики Орликов и Багазий. Центр, ведущий военную разведку на Восточном фронте, находится в районе Варшавы. В Киеве действует филиал этого центра под названием «Орион». Нам был известен один из его руководителей — Антон Миллер. Прямое отношение к абверу также имел Бейер, он был связан с Яном Ратько.

Несколько позже, когда фашистская армия подошла к Волге, «Орион» из Киева передислоцировался ближе к фронту, в Полтаву.

Захваченные у жандармов пропуска, бланки, немецкие марки, польские золотые и румынские леи значительно расширили возможности оперативной группы.

В дневнике Ратько была одна любопытная запись. Мы потребовали расшифровать ее. Оказалось, что в ноябре 1942 года на квартире Ратько состоялась встреча представителей двух разведок: абверовца Бейера и гестаповца штандартенфюрера СС Крамера. Содержание беседы носило далеко не дружелюбный характер.

Бейер: Вы, Крамер, витаете в облаках и живете иллюзиями 1941 года, а сейчас конец 1942 года. Положение на Восточном фронте далеко не блестящее. Налицо упадок духа.

Крамер: Позади у нас почти вся Европа, а вы где-то увидели упадок духа.

Бейер: Поймите, Крамер, поражение под Москвой, окружение 6-й армии под Сталинградом, шаткость нашего тыла, охваченного партизанами, заставляют сделать серьезные выводы и коренным образом перестроить нашу работу и информацию центра. Что же делаете вы? Вместо того чтобы засылать нужных людей в глубокий тыл противника, вести разведку и парализовать коммуникации, вы превратили их в простых убийц.

Крамер: Если бы я не знал вас как преданного фюреру человека, после таких откровений вы могли бы занять одну из камер гестапо.

Бейер: Время не то, Крамер. Мы постараемся сделать все, чтобы фюрер верил нашей информации.

— В этот день наверняка были направлены две разные по содержанию депеши — одна Гиммлеру, а вторая Канарису, — сказал Ратько.

САРНСКИЙ КРЕСТ

Еще до наступления на Лельчицы С. В. Руднев спросил меня:

— Матющенко мне говорил, что у вас в Сарнах есть свои люди. Это правда?

— Есть, но частая смена места дислокации соединения осложняет регулярные встречи с ними.

Подумав, Руднев сказал:

— Сарны нас очень интересуют. Мы должны знать все, что связано с работой этого важного железнодорожного узла. Пошлите туда на связь ваших разведчиков.

Мы тогда не знали замысла командования. Но раз к Сарнам проявляется большой интерес — значит, задумана такая акция, которая выходит за пределы обычной разведки. По разработанному плану Воробьев, Чаповский и Рыков направились в дальний путь. В их задачу входили не только встречи с доверенными людьми, но и посылка «маяков» — людей, которые обеспечивали безопасность на пути к Сарнам в крупных населенных пунктах — Теодоровке, Чудель, Каменное и других.

...2 декабря 1942 года разведчики, посланные в Сар-

ны, возвратились к месту дислокации отряда в село Милошевичи.

Что же они узнали? Обосновавшись на разъезде между Сарнами и Немовичами, разведчики установили, что только в двух направлениях с запада на восток и обратно в сутки проходит не менее тридцати поездов.

На запад везут хлеб, скот, лес, раненых. На восток движутся воинские эшелоны и военная техника. Мост охраняется слабо. В ста пятидесяти метрах от него стоит небольшой домик, превращенный в караульное помещение. Часовой на мосту появляется временами, а 20-градусный мороз быстро загоняет его в караульное помещение. Разводящего нет.

Вечером того же дня из села Глушкевичи, где расположился штаб соединения, к нам приехал Руднев. Он внимательно выслушал сообщение чекистов и приказал подорвать мост на разъезде Сарны — Немовичи. Мы узнали от Руднева, что в одно и то же время будут подорваны мосты в других направлениях. Матющенко и я внимательно слушали указание комиссара.

Лазун, Бережной, Чаповский и Рыков сопровождали группу подрывников под командованием Николая Немазова. Он лично проверил все и подготовил каждого подрывника. Николай знал подрывное дело отлично и до сих пор все операции проводил успешно. Разведчики заранее проложили подрывникам путь, оставив «маяков». Группу подрывников и разведчиков возглавлял Иван Швайко.

Застоявшиеся лошади с места взяли крупной рысью. Навстречу мчались силуэты берез, мелькали раскиданные по снежной равнине Полесья ели, сосны, покрытые тускло-серебристой пеленой снега. Километр за километром оставался позади. Ночь прошла в дороге. Утром разведчики мирно пили чай в рубленной избе лесника, затерявшейся в сосновом бору недалеко от селения Немовичи. Лесник, пожилой человек, с первых же дней оккупации был связан с партизанами. Разведчики провели день в его доме и с наступлением темноты направились к цели. К мосту подъехали в полночь со стороны караульного помещения. Впереди возвышалась железная арка моста. На запад и восток от нее шли рельсы. Вася Лазун и Коля Бережной взялись снять часового. Переодевшись в белые маскиралы, они бесшумно поползли к мосту. Сугробы сне-

га, наметенного на высокие пни, служили естественным укрытием. Проползли несколько крутых поворотов и появились перед часовым. От неожиданности он выронил из рук винтовку. Схватка была короткой. Разведчики ворвались в караульное помещение. Семейно охранников по случаю какого-то праздника изрядно подвыпили. На столе стояла початая трехлитровая бутылка самогона, валялись куски хлеба, на бумаге лежало нарезанное кусочками сало.

— Встать! — приказал Лазун ошеломленным охранникам. — Выйти из-за стола!

— Спокойно, спокойно, шутки потом! — крикнул Воробьев и перекрыл путь коренастому дядьке, кинувшемуся было к оружию, что стояло в углу избы.

Пьяный грудью пошел на партизан. Бережной ударом в шею сбил фашистского прислужника с ног. Остальные испуганно подняли руки.

В это время минеры делали свое дело. Скоро с обеих сторон моста был уложен тол, к капсуле подсоединен бикфордов шнур.

А охранники тем временем молили о пощаде. Один из полицаев, высокий, широкоплечий детина лет двадцати двух, размазывая по лицу слезы, причитал:

— Отпустите, не по доброй воле пошли к немцам. Угрожали Германией, расстрелом, пожалейте, свои же люди...

— Мы искупим вину, — пролепетал другой, — мы давно собирались в партизаны...

— Слушайте, вы, — сказал Лазун, — если сохранилось у вас хоть чуточку человеческой совести, идите к людям, ведите их в лес, уничтожайте фашистов, рвите мосты...

Минеры сообщили, что к взрыву все готово. Вывели пленных на двор и приказали идти в противоположную сторону от города Сарны. Секундомер отсчитывал последние секунды. Пять, четыре... две... Двойной столб пламени взметнулся в ночное небо, рассек его на три части. Взрывная волна сильно хлестнула разведчиков в лицо. По лесам покатилося эхо.

К рассвету отдохнувшие лошади отвезли подрывников километров за двадцать от места операции. Дорога шла густым лесом. Пофыркивая, кони шли шагом.

— Немцы! — вдруг крикнул кто-то.

И в этот же миг с обеих сторон затрещали автоматы. Около пяти десятков оккупантов рассыпались полукольцом впереди. Партизаны меняли диск за диском, в ход пошли гранаты. Гитлеровцы и полицаи отступили.

Разведчики и подрывники благополучно возвратились на базу. Всех участников операции С. А. Ковпак представил к правительственным наградам. В эту же ночь партизаны, подорвав еще три моста, отрезали Сарны от внешнего мира. Десятки поездов, прибывших с четырех направлений, не могли быть отправлены к месту назначения. Большой фашистский гарнизон Сарны занял круговую оборону, готовясь к отражению атак партизан.

РАЗВЕДЧИКИ В ТУРОВЕ

После упорного боя за местечко Бухча Шалыгинский и Глуховский отряды передислоцировались в село Тонеж, а штаб соединения и Путивльский отряд разместился в Ивановской Слободе.

Тонеж и город Туров связывает прямой тракт. Гитлеровцы на протяжении пяти дней как бы не замечали партизан. Это становилось подозрительным. Надо было разведать намерения врага. Переодевшись в гражданские костюмы, Воробьев, Чаповский и Сергиенко взяли двух девушек, прихватили четверть самогона, два килограмма сала, соленых огурцов и пошли в город Туров к родственнице одной из девушек, Тани. Двоюродная сестра Тани работала делопроизводителем на бирже труда. При въезде в город ребята были задержаны тремя полицаями. После краткого допроса двое, чтобы убедиться в правдивости показаний приехавших, довели их до квартиры родственницы Тани, а третий поехал доложить начальнику. Полицаи остались в доме, они явно кого-то ждали. Ребята вели себя непринужденно, Таня хозяйничала. Она накрыла на стол. Ребята выпили по рюмке самогона, стали закусывать. Выпили и полицаи. Один из них сказал:

— По одной можно. Как говорится, пей, да дело разумеи.

В разгар трапезы, глянув в окно, полицаи выскочили из-за стола и сели у двери.

— Кого вы, ребята, испугались?— спросил Воробьев.

— Белкин приехал, старший полицаи, жестокий человек. Не к добру...

...В квартиру быстро вошел рыжий парень. Остановившись посредине комнаты, приказал:

— Собирайтесь, пойдём в комендатуру.

— Нам нечего там делать,— решительно отказался Воробьев.— Мы приехали гулять, а не по комендатурам ходить.

— Если уж так нужно,— сказал Чаповский,— то приходите к нам утром, только не очень рано.

Сдерживая гнев, Белкин заявил:

— Если не хотите, чтобы вас расстреляли, вам надо оправдаться и доказать, что вы не партизаны.

Положение осложнялось. Воробьев не торопясь закурил и, обратившись к Белкину, сказал:

— Ну, вот что, господин полицаи, не валяй дурака. Если мы партизаны, то ты сам Колпак.

— Кто это такой?— спросил Белкин.

— Командир партизан, которые заняли Тонеж.

Белкин, презрительно улыбнувшись, сказал:

— Не Колпак, а Ковпак, деревня. Это известный предводитель бандитов.

Вмешалась хозяйка квартиры.

— Господин Белкин, что вам нужно? Это наши ребята. Вы знаете, что я работаю у господина Курта и пользуюсь его доверием?

Подумав, Белкин предложил Воробьеву выйти на улицу. Сели на крыльцо, закурили.

— Вам,— сказал Белкин,— нужно будет выполнить серьезное задание немецкого командования. Готовится акция по разгрому партизан. Нужно узнать их силы, вооружение, составить схему огневых точек, выяснить, где расположен штаб. Ну как?

— Не пойдет,— ответил Воробьев.— Вот когда вы выгоните партизан из Тонежа, тогда мы и возвратимся туда. И вообще эта работа не по моему характеру.

— Это почему вы возвратитесь только после ухода партизан?

— Соображаете плохо, господин полицай. Я и мои друзья убежали из Тонежа потому, что нас партизаны могут поставить к стенке, если узнают, что мы дезертировали из Красной Армии. А потом кто вы такой? Полицай и не больше, а посылаете нас на такое рискованное дело.

— Я не просто старший полицай, а доверенное лицо военного коменданта. Доложу, что вы подозрительные люди, посланы партизанами, и тогда будете висеть на перекладине, а выполните поручение — большую награду получите.

Возвратиться в Тонеж, не выполнив задания, ребята не могли. И тогда Воробьев решил заманить Белкина в Тонеж.

— Одни мы в Тонеж не пойдём, — сказал он, — мало ли что может быть, и тогда вы действительно поставите нас к стенке.

— Хорошо, — сказал Белкин, — возможно, пойду с вами я. Ваши девушки останутся здесь и будут ждать нашего возвращения.

— В качестве заложников? — спросил Воробьев.

— Так, на всякий случай.

Возвратившись в квартиру, Белкин выпил стакан самогона, приказал:

— Ждите меня утром. Советую не появляться в городе. Пошли! — позвал он полицая.

— Завтра, — сказал Воробьев, — мы, вероятно, вместе с этим типом поедем в Тонеж «выполнять задания» немецкого командования. Вы, девушки, вместе с хозяйкой завтра же с наступлением темноты уйдёте отсюда. Предварительно проверьте, будет ли за квартирой установлено наблюдение. А сейчас спать.

Во второй половине следующего дня к дому подкатила повозка, запряженная парой лошадей. В ней сидел человек с пышными рыжими усами. Ребята узнали Белкина.

Он вошел в квартиру, поздоровался.

— Поехали. Девушки остаются здесь.

— Что это за маскарад? — спросил Воробьев. — Может, и нам бороды прицепить?

— Это вы насчет моих усов? Так нужно...

В трех километрах от Тонежа остановились на хуторе. Белкина доставили в штаб оперативной группы. Когда он узнал, к кому попал, то спокойно спросил:

— Что я должен сделать для вас, чтобы сохранить свою жизнь? Я кое-что знаю...

— Что ты знаешь?

— Я знаю главное,— сказал Белкин,— что вас должно интересовать. Против вас готовится большая акция.

Оказывается, Бухча, за которую партизаны вели упорный бой, была снова занята большим отрядом жандармерии и двумя карательными командами СД. В ближайшие дни одна из крупных частей, следующая на фронт, будет снята в Турове и тоже направлена против партизан. Ивановская Слобода будет занята другой частью и, таким образом, партизанам не останется другого пути, как снова прорываться через Бухчу.

Последующие события подтвердили показания Белкина. Кем же был Белкин? Сын кулака. Когда ему было десять лет, его отец был расстрелян за убийство сельского активиста. До шестнадцати Белкин жил с бабушкой, а потом уехал в город и возвратился в деревню, когда ему было девятнадцать лет, лишь для того, чтобы продать все, что осталось после смерти бабушки. Когда началась война, ему было двадцать пять. От мобилизации в Красную Армию он уклонился и скрылся в лесу. С приходом немцев явился в военную комендатуру Турова и стал служить верой и правдой. Действуя в составе команд СД, Белкин стал жестоким карателем. Его знали не только в Тонеже, но и во многих других населенных пунктах.

На первых же допросах он выдал известных ему пособников гестапо и СД.

Гитлеровцы не заставили себя долго ждать.

28 декабря с наступлением темноты батальон под командованием майора Шлиффена повел наступление на Тонеж. Бойцы Шалыгинского и Глуховского отрядов встретили их плотным огнем. Ковпак из Ивановской Слободы направил в тыл фашистам роту автоматчиков, удар которой был настолько неожиданным, что гитлеровцы бежали, бросив обоз, легкую пушку и минометы. Всю ночь партизаны в лесу вылавливали фрицев. Сам майор Шлиффен бросил планшет с картой и приказом о наступлении.

Рано утром ко мне пришли два друга из третьей роты — Николай Махлин и Михаил Косинцев. Они принесли хорошо упакованный ящик с патефоном

и пластинками. Кроме того, они положили на стол более десятка писем.

— Фашист стал не тот, которого я знал в сорок первом году,— сказал Махлин.— Как видно, Красная Армия научила его уважать Россию. Вот, поглядите, Фриц Краузе написал из Сталинграда своему брату: «Дорогой брат! Если тебе будут говорить, что там в загробной жизни есть ад — не верь. Он здесь у нас, в этом проклятом богом городе. Каждый день гибнут тысячи немцев. Мы все чаще думаем о том, что слишком дорогой ценой мы платим за жизненные пространства для рейха. Да и нужно ли нам чужое пространство? Молюсь за то, чтобы ты остался жить и помогал моей семье. Я обречен. Нет никакой надежды выбраться отсюда живым».

— Где вы нашли это письмо?— спросил я.

— На шоссе,— ответил Махлин.— Как видно, этот братец бросил сумку, шинель и драпанул в Туров.

Завели патефон, стали проигрывать пластинки: фуга Баха, сонаты Бетховена, хор из оперы «Иван Сусанин», музыка из балета «Ромео и Джульетта» Сергея Прокофьева.

Записан фрагмент беседы Ромео с монахом Лоренцо. Мелодичная певучесть музыки заставила нас забыть о только что закончившемся бое.

А вот и симфония Моцарта, прославляющая красоту человеческого духа. Поставив очередную пластинку, мы услышали задорный русский размах хора имени Пятницкого.

— Чей патефон?

Махлин и Косинцев переглянулись.

— Хозяин хотел удрать,— сказал Махлин,— мы кричали: стой, стой, но он продолжал бежать... Пришлось дать очередь... Среди пластинок обнаружили письмо.

Герман Литке не успел отослать его своему другу в Нюрнберг. Литке писал: «Ты знаешь о моем увлечении музыкой. Меня не покидает мысль написать произведение о величии немецкого народа. Народ, который покорила такого гиганта, как Россия! Управлять людьми покоренной страны — значит знать его нравы, быт и культуру. Вот почему я оказался в далекой глуши, покинув любимый Нюрнберг. Скажу откровенно. Россия — это не та Европа, которую наша армия

прошла маршем. Раздумье отягчает ум, а сомнения опустошают душу».

Эти два письма, переведенные на русский язык, доставили нам большое удовлетворение. Значит, не весело стало фашистам, если «сомнения опустошают душу», а Сталинград им кажется адом. После разгрома батальона майора Шлиффена немецкое командование приняло меры: в Турове выгружались новые подразделения. 29 декабря над Тонежем появились три бомбардировщика. Две бомбы разорвались в расположении оперативной группы. В доме выбило окна, разворотило угол русской печи, покорежило одну рацию и вывело из строя пять лошадей. Во дворе лежала любимица разведчиков — лошадь Мушка. Осколок перебил ей ноги. Когда меня назначили начальником штаба Шалыгинского отряда, я не хотел обижать 12-ю роту и, взяв самую худшую лошадь, поехал к месту нового назначения.

Я застал Шалыгинский отряд на марше. На подъеме сгрудились люди и лошади. Спокойный гнедой уверенно прокладывает себе путь. Подобно старому холостяку, он ни на кого не обращал внимания. Но вот какая-то игривая кобылица больно укусила его. И тут он не возмутился, а только мотнул головой, как бы говоря: «Дура, много я видел на своем веку, тоже играл и кусался, а вот теперь все кончено».

Помощник начальника штаба, инженер-механик по гражданской профессии Григорий Якименко показал предназначенную мне лошадь.

— По традиции эта трофейная лошадь закрепляется за начальником штаба, — сказал Якименко. — Мы зовем ее Мушкой, она очень послушна и не боится стрельбы.

И вот теперь с перебитыми ногами Мушка лежала на земле и тихо стонала. В ее черных глазах блестели слезы.

Я не мог смотреть на ее мучения и ушел.

ПАРТИЗАНСКАЯ СВАДЬБА

Разведчики-чекисты опередили партизанское соединение на несколько переходов. Побывали в ряде населенных пунктов, в том числе в селе Красный Остров Гомельской области.

Чаповский, возглавлявший разведку, доложил мне: — В этом селе живет подозрительный тип — Котурский. Фашисты якобы возвратили ему поместье какого-то родственника.

Спустя два дня мы были в Красном Острове. Мы разместились в доме Юрася Котурского. Оказалось, что хозяину 115 лет, а жене — 105.

Это был крепкий старик несколько угрюмого вида. Его родной дядя, поляк по национальности, имел здесь поместья. После установления Советской власти он бежал за границу. Когда гитлеровцы заняли Белоруссию, Юрась Котурский обратился к немецкой администрации с просьбой выделить ему часть поместья, принадлежавшего некогда дяде. Поместья ему не дали, но своим поступком Котурский восстановил против себя односельчан.

— Почему вы не бежали от нас?— спросил я.

— Куда я побегу в мои годы?— ответил Котурский.— С Советской властью я не враждовал.

— Что же вас заставило обратиться с такой просьбой к нашим врагам?

Котурский ответил не сразу.

— Вот я сам думаю, что заставило? Наверное, глупость и старческая жадность...

В селе мы стояли несколько дней. Котурский понял, что ему не угрожает опасность, чувствовал себя виноватым и делал все возможное, чтобы заслужить наше доверие. Вскоре Котурский ушел к партизанам.

Трагичен был конец Котурского: его вместе с сыном захватили фашисты и расстреляли.

Еще до выхода в рейд произошло событие, которое привлекло внимание всей оперативной группы. В распоряжение опергруппы прибыли две радистки: Дуся Титаренко и Юля Колганова.

Юля — маленького роста, подвижная, веселая.

Дуся Титаренко... Если бы вы видели, какая это была девушка! Казалось, что все присущее прекрасным украинским девушкам было собрано и отдано Дусе. Пышные каштановые волосы, большие голубые глаза, правильные черты лица, смуглая кожа, яркий румянец.

Она-то и занозила сердце Воробьева. Сначала ребята подтрунивали над Васей, но потом поняли, что дело здесь не шуточное.

— Ну, как Дуся? — осторожно спросил я Васю.

— Гонит меня, — грустно сознался Вася. — Уже ходила к Мирошниченко жаловаться. Пристает, мол, говорит, проходу не дает.

— А ты не приставай, — посоветовал я. — Не надо девушку обижать.

— Да разве это обида, я же с честным намерением, на всю жизнь. Ну посоветуйте ей...

— Полюбить тебя?

— Я по глазам вижу, что она тоже любит меня, но стесняется ребят. Гордая...

Но лед в конце концов растаял. В доме Юрася Котурского приготовили скромный обед, и мы отпраздновали свадьбу Дуси и Васи. На добрые пожелания друзей Вася ответил:

— Будем вместе с Дусей бить врага, а если потребуется, то и вместе умирать.

Вася Воробьев всегда старался пойти на самое труд-

ное и рискованное задание. Дуся провожала его за околицу, целовала, а потом с тревогой ждала возвращения. Однажды, провожая Васю в разведку, она шла с ним дальше обычного.

— Довольно, Дуся, возвращайся,— сказал Воробьев.

Она остановилась, посмотрела ему в глаза и сказала:

— Вася, у нас будет ребенок. Понимаешь, наш ребенок?..

Ребята заметили с тех пор, что Вася стал собраннее, гордо носил свою красивую голову, чувствовал себя главой семьи. Не удалось ему увидеть дочку — в Карпатах Дуся в последний раз проводила его в разведку.

После ряда крупных боев и разгрома гитлеровцев в местечке Лельчицы, Тонеже и под Кордой партизаны обрели уверенность и окрепли духом. Нам уже не были страшны гарнизоны районных центров.

20 февраля 1943 года разведчики ворвались в районный центр — село Большой Стыдень Ровенской области. Фашисты дрались упорно.

Воробьев и Чаповский, уничтожая врага, прокладывали путь к районной управе. И вот, когда, казалось, что все кончено, с чердака одного из домов раздался выстрел. Пуля настигла Алексея Чаповского. Он лежал на спине, крупные хлопья мокрого снега таяли на его еще неостывшем лице и тонкими струйками стекали на землю.

Партизаны, сняв шапки, стояли молча. Для Васи Воробьева Леня Чаповский был самым близким другом; на глазах Васи показались слезы.

В упорных боях партизанское соединение громило гарнизоны противника и парализовало его коммуникации. Это всполошило ставку Гитлера и пропагандистский аппарат Геббельса. Его молодчики на оккупированной территории Украины приложили много усилий для того, чтобы средствами лживой пропаганды укрепить свое положение. И вдруг пронеслась весть; в самом сердце Украины, за Киевом действует крупное соединение советских партизан.

Как бы дразня гитлеровцев, Ковпак маневрировал.

Соединение кружило, часто возвращалось на одно и то же место. В первых числах февраля 1943 года партизаны действовали в районе Радомышля. Отсюда был недалеко Житомир и не более ста километров до Киева. Это был явный вызов врагу. Усиленно работала наша разведка. Ковпак решил бить гитлеровцев по частям.

Мы навязали немцам бой у лесного села Корда. Уже гремели выстрелы на передовых заставах, когда в оперативную группу пришел Коля Махлин.

— Наша рота,— доложил он,— в резерве командования стоит наготове. Кажется, в этом бою большой улов будет. Постараюсь хорошего «язычка» вам при-тащить.

Вместе с Махлиным пошли в бой Вася Воробьев и Миша Рыков. Больше я не видел Николая Махлина.

Прошло двадцать лет. Мне удалось разыскать Михаила Косицына, друга Коли Махлина и участника этого боя. Он рассказал мне:

— 3-я рота зашла в тыл наступающим гитлеровцам. Семнадцать ручных пулеметов и около девяти десятков автоматов создали массированный огонь, который решил исход боя. Гитлеровцы бросали оружие, вязли в глубоком снегу, сбивались кучками и падали, подкошенные нашими пулями. В тридцати метрах от Махлина бежал офицер. Коля выскочил на открытое место и решил взять его живым. Гитлеровец резко повернулся к Махлину и почти в упор выстрелил ему в грудь.

Еще не утихла автоматная стрельба, когда на поляну вышел Вася Воробьев. Он нес сраженного автоматной очередью Мишу Рыкова. Положил Мишу на повозку, поцеловал его и, не сказав ни слова, пошел в лес. Он возвратился через несколько часов.

— Где был?— спросил его Мирошниченко.

— Искал встречи с фашистами, хотел отомстить за Мишу. Пусть их матери и жены вместо посылок с награбленным получают похоронные. Убивать, убивать всех гадов.

— Успокойся, Вася.

— Скажите, товарищ подполковник,— обратился Воробьев к Мирошниченко,— я скоро буду отцом, неужели и моим детям придется воевать?

РЕЙД В КАРПАТЫ

За месяц до начала Карпатского рейда, когда партизанское соединение стояло на Припяти, произошло важное событие. К партизанам прилетела группа руководителей работников ЦК КП(б) Украины во главе с секретарем ЦК Д. С. Коротченко, товарищем Демьяном.

Волевым лицом, исключительное спокойствие и выдержка внушали большое доверие к этому человеку. Партизаны догадывались, что товарищ Демьян прилетел с Большой земли не случайно. По-видимому, предстояло важное задание.

И действительно, 12 июня 1943 года партизанское соединение пошло в Карпатский рейд. Это произошло за месяц до битвы на Курской дуге. Поражение гитлеровской Германии на советско-германском фронте, особенно под Сталинградом, подорвало престиж немецкого рейха и потрясло блок гитлеровских сателлитов. Гитлер и его генералитет всеми силами старались ослабить политические последствия крупных поражений на советско-германском фронте, вернуть утраченную стратегическую инициативу, изменить ход войны в свою пользу. Так возник у немцев план курской опе-

рации под названием «Цитадель». На курский выступ стягивались лучшие танковые и пехотные дивизии. Это в какой-то степени облегчало продвижение партизанского соединения на запад. В Карпатском рейде особенно ярко проявились боевые качества украинских партизан: были уничтожены десятки гарнизонов, взорваны опоры железнодорожных мостов, подожжены Биткувские и Яблуновские нефтепромыслы. На подавление партизан фашисты бросили авиацию и артиллерию. Карпатские горы наполнились разрывами. В этом рейде погибли Федя Карпенко, Митя Черемушкин, Ваня Архипов, Иван Савченко, юный чекист Саша Соснин.

В ночь с 5 на 6 августа, разбившись на шесть отрядов и несколько групп, партизаны начали прорыв блокады и стали выходить из Карпатских гор. На пути партизан стал массив Черного леса, который как магнит притягивал к себе людей. Но гитлеровцы и здесь обнаружили партизан. Это было 25 августа 1943 года. Для партизан 3-го батальона оставался один путь — форсировать железную дорогу в районе села Майдан, что в двадцати километрах северо-западнее города Станислава.

Впереди шли разведчики во главе с Васей Воробьевым. Вдруг небо осветили ракеты, заговорили минометы и автоматы. Вася упал, но гут же, собрав последние силы, встал на колени и бросил гранату в наступавших гитлеровцев.

К нему подползла медсестра Маруся Лысова. Она пыталась оказать ему помощь. Вася тихо сказал:

— Не надо, Маша, уходи, зря погибнешь... Дусе передай...

Что передать Дусе, он так и не успел сказать...

В этом же бою погиб любимец партизан комиссар батальона Федор Фисенко.

За каждым кустом и пригорком партизан ожидала немецкая пуля. Был ранен в ногу руководитель опергруппы Мирошниченко. На его пути встретился небольшой массив мелкого кустарника. Из кустов раздалась автоматная очередь. Не целясь, Мирошниченко выстрелил, фашист замолчал. В кустах с трудом перевязал рану. Предстоял далекий путь, но идти не было сил. Чтобы не угодить в плен, на всякий случай приготовил гранату. Постепенно стемнело. Гитлеровцы ушли. Мирошниченко пролежал в кустах до следующей ночи,

а потом пошел на восток. По пути собрал отставших партизан, и с ними вместе нагнал арьергард шалыгинцев.

Это был самый тяжелый рейд партизан Ковпака. Казалось, гитлеровцы плотно закрыли выходы из Карпатских гор. Комиссар соединения С. В. Руднев понимал, что нужно искать слабое место в системе блокады противника. В сложной обстановке Руднев правильно определил: самым удобным местом для прорыва было село Белые Ослы, в десяти-двенадцати километрах юго-западнее Делятина. Туда с группой партизан и направился комиссар, чтобы опередить гитлеровцев и занять это село. Но... было уже поздно. Гитлеровцы заняли шоссе, сопки и перекрыли подходы к Белым Ослам. Генерал-майор Герой Советского Союза С. В. Руднев наткнулся на засаду и погиб вместе со всей группой. Гибелью комиссара и его группы закончилась попытка прорваться всем соединением. Остался единственный вариант — «разорвать» силы противника на отдельные группы, заставить фашистов вести борьбу с партизанами в разных направлениях. Разрабатывая этот план, С. А. Ковпак опирался на группу опытных командиров, прошедших с ним большой боевой путь, умеющих действовать самостоятельно и выполнять сложные операции. Такими командирами были Петр Брайко, Федот Матющенко, Петр Кульбака, Василий Войцехович, Петр Вершигора, Александр Ленкин, Семен Тутученко и другие. Они оправдали надежды Ковпака, под их командованием отряды и группы вырвались из кольца, прошли тысячи километров, форсировали десятки рек и других преград, по пути рвали коммуникации врага. Партизаны вышли в безопасную зону Белоруссии.

Каждая из этих групп имела свой боевой почерк и тактику маневра. Рейд украинских партизан в Карпаты, тактика этого рейда и формы борьбы заслуживают глубокого изучения.

В ГОСПИТАЛЕ

Я не участвовал в Карпатском рейде. Еще до начала рейда начальник санчасти Дина Маевская приехала в расположение Шалыгинского отряда и тщательно, уже не в первый раз, осмотрела мою рану.

— Я сделала все, что могла, но дальше оставлять вас здесь без серьезного оперативного вмешательства опасно.

С грустью и болью прощался с боевыми друзьями. К самолету проводил меня С. В. Руднев. Семен Васильевич положил мне в карман пакет, на котором его рукой было написано: «Распечатать после выхода из госпиталя». Забегая вперед скажу, что в конверте оказались 900 рублей и записка. Когда самолет оторвался от земли, мне показалось, что из жизни ушло что-то особенно дорогое, то, что составляло ее смысл.

В Москве меня поместили в госпиталь, где лечились чекисты и офицеры внутренних и пограничных войск. Рана моя не поддавалась лечению. Главный врач госпиталя Яковлев опасался за неблагоприятный исход. Примерно в то же время привезли майора Пегушина, получившего такое же ранение в ногу. Он не дал ампутировать ногу и в результате заражения крови умер.

Этот случай насторожил Яковлева. Он часто заходил ко мне в палату и подолгу беседовал. Умный человек и хороший врач, Яковлев начинал издали, приводил примеры из своей врачебной практики, пытался психологически подготовить меня к операции:

— Сам знаешь, что получилось с Пегушиным,— говорил Яковлев,— а ведь он мог жить без ноги, жить и работать.

— Это вы на что намекаете, доктор?— спросил я.

— Человек ты волевой,— ответил Яковлев,— и я хочу, чтобы ты был готов к ампутации, хотя попробуем обойтись и без крайностей.

Вскоре Яковлев показал меня главному консультанту профессору Н. Н. Приорову. Встречу с этим человеком забыть нельзя. Приоров был только консультантом, но к его приходу готовился весь медицинский и обслуживающий персонал. Боялись? Нет, уважали.

Тщательно осмотрев рану, профессор сказал: «Трудный случай, но бог милостив, и он поможет хирургии. А скорее всего, не бог, а могучий организм».

Началось решительное наступление на мою запущенную рану. После первой операции, сделанной в присутствии профессора, рана стала быстро заживать. Спустя два месяца я выписался из госпиталя и мог передвигаться, правда, с помощью костылей.

Перед комиссией профессор Приоров вместе с Яковлевым пришел ко мне в палату. Сел на стул, а меня заставил ходить, опираясь на костыли. Подобно командиру, готовившему подразделение к параду, командовал: «Так, хорошо, еще разок пройдитесь, смелее ступайте ногой». Эта процедура продолжалась довольно долго, и трудно сказать, кто из нас был более доволен — профессор или я.

Мы тепло простились с Николаем Николаевичем.

Встречи с такими медиками, как профессор Приоров, доктор Яковлев, нашими партизанскими врачами Иваном Савченко и Диной Маевской, заставили задуматься: скольких бойцов спасли они от смерти, скольких поставили на ноги и возвратили на фронт? Хорошо организованная госпитальная служба является важнейшим фактором. В строй возвращаются обстрелянные воины, знакомые с тактикой и повадками врага.

После госпиталя меня направили в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, на базе кото-

рой формировались группы и отряды для выполнения особых заданий в глубоком тылу врага.

Боевая жизнь бригады была ключом, ее командир Михаил Орлов, начальник политотдела Лев Студников, командиры полков Иванов и Самусь наводили порядок, принимали новых людей, готовили группы и отряды.

В клубе пограничников полковник Самусь собрал офицеров, чтобы в торжественной обстановке вручить им ленточки, указывающие на перенесенное ранение. Я сидел рядом с Леной Чикиным, человеком, избравшим своей профессией водный спорт. Война оторвала его от любимого дела и заставила надеть форму офицера Советской Армии. Встретаться и беседовать с Чикиным было приятно. Он был начитан, многое знал и блистал остроумием.

— Посмотри внимательно на грустную физиономию Петрова, получившего красную ленточку,— сказал Чикин.— Ты знаешь, о чем он думает?

— Не знаю,— нехотя ответил я.

— Ему обидно,— продолжал Чикин,— он думает: угораздило же меня получить только легкое ранение, хорошо бы и тяжелое, глядишь, сейчас бы две ленточки схватил.

Он это говорил с таким серьезным видом, как будто решал какую-то сложную проблему.

— А вот посмотри на боксера Ксенофонтова, ведь он явно завидует Сергею Щербакову, получившему желтую ленточку.

— Перестань, Леня,— сказал я,— хватит тебе дурака валять.

— Как тебе угодно. я только на примерах хотел показать психологию людей. Вот и ты получишь желтую ленточку, пожмешь руку Самусю и небрежно окинешь всех уничтожающим взглядом.

Чикин этой шуткой поставил меня в такое положение, что я не знал, как себя вести.

— Брось дурачиться, Леня,— уже со злостью сказал я.

Чикин хотел что-то ответить мне, но не успел: объявили о начале концерта.

ВСТРЕЧА С КОВПАКОВЦАМИ

— Пока еще не известно, в каком направлении пойдет соединение — на юг или на запад, — сказали мне в наркомате. — Для вас разработано два варианта задания. С ними вас познакомит генерал Виктор Александрович Дроздов.

19 декабря 1943 года я был вызван к генералу. С ним вместе мы тщательно рассмотрели задачи опергруппы по двум вариантам рейда партизанского соединения на юг и на запад.

— Будем ориентироваться на вариант похода соединения на запад, в Польшу, — сказал генерал. — Основная задача партизан Ковпака, как и оперативной группы, будет теперь состоять в том, чтобы оказать помощь польскому народу в борьбе с гитлеровцами.

Чекистско-оперативной группе было поручено изучить политическую обстановку на оккупированной территории Польши, узнать, какие военные формирования ведут там борьбу с фашистами, каково политическое кредо командиров этих формирований. Предстояло выяснить настроение польского народа, его отношение к лондонскому эмигрантскому правительству Миколайчика — Соснковского. Кроме того, мы должны были

еще на территории Украины заняться украинскими националистами. Наконец, отряду предстояло вести борьбу с фашистской агентурой всех направлений.

К поезду, идущему из Москвы в освобожденный от гитлеровцев Киев, был прицеплен вагон, в котором разместилась оперативная группа. Возникла мысль организовать в вагоне краткосрочные курсы. Мой заместитель Семен Стрельцов был опытным чекистом. Он продолжительное время действовал в тылу врага, и ему было о чем рассказать ребятам. Я рассказал о работе чекистской группы в составе партизанского соединения Ковпака, о героической гибели Васи Воробьева, Алексея Чаповского и Миши Рыкова. Учеба прерывалась лишь для обеда и ужина. Мы обращали особое внимание ребят на деятельность предателей, выполнявших задания гитлеровских разведок.

...Наш поезд прибыл в Киев в пасмурное утро. Дул западный ветер и шел редкий снег. Следы гитлеровской оккупации были видны повсюду. Крещатик лежал в развалинах.

В штабе партизанского движения меня разыскал разведчик Мычко и доложил, что Сидор Артемьевич Ковпак просит прийти к нему. Во второй половине дня на квартире Ковпака собралось несколько партизанских командиров. Я привез для Сидора Артемьевича из Москвы радостную весть: генерал просил передать Ковпаку, что за Карпатский рейд он награжден второй Золотой Звездой Героя Советского Союза. Присвоение Ковпаку звания дважды Героя Советского Союза и награждение большой группы партизан высокими правительственными наградами говорило о том, что Родина высоко оценила итоги героического Карпатского рейда.

Приглашенные уселись за стол, и я выполнил поручение генерала. И вот Ковпак, человек большой силы воли, участник двух мировых и гражданской войн, растерялся. Он обводил взглядом присутствующих, как бы спрашивая, верно это или нет.

Наконец он сказал:

— Слухай, а ты, мабуть шуткуєшь? Вирішив — дай обрадує старого, а?

— Сидор Артемьевич, я только передаю, что приказало начальство.

— Це ты привез гарну вистку, спасибо. Як бы не

було нашей традиции бить врага с трезвой головой, то я бы дослав до вас на литаку бочку спирту.

Было грустно думать, что впервые партизаны идут в рейд без Ковпака. Он был ранен, требовалось лечение на Большой земле. Много раз этот простой, скромный и очень отважный человек выводил партизан из-под удара врага. Часто личное присутствие Ковпака решало исход боя. Его имя магически действовало на партизан и придавало им уверенность.

Тепло простились мы в Киеве с Ковпаком. На автомашинах доехали до города Овруч и несколько западнее его довольно свободно перешли линию фронта.

Так мы снова оказались в тылу врага.

НОВЫЙ ВРАГ

Еще на подступах к Волынской области мы услышали о каком-то крупном вожаке националистов. Он метался по деревьям на нашем пути, поддерживал боевой дух «самостийников», вел антисоветскую пропаганду. И каждый раз перед приходом партизан успевал исчезнуть.

Рядовые националисты, попадавшие в наши руки, знали только, что он инспектор главного штаба УПА¹.

Я рассмотрел полученные донесения о националистическом подполье и вызвал всех оперативников.

— До сих пор, — сказал я, — в наши руки попадала мелкая рыбешка. Арестованные не в состоянии были вскрыть глубины этого реакционного, антинародного формирования. Теперь перед нами маячит какое-то начальство. Наша задача — изловить его.

Мы знали, что в одном из сел живет Григорий Драчинский, бывший учитель, связанный с националистами.

— Пригласим его на свидание, — решил Семен Стрельцов.

С документами на имя представителей львовского окружного провода ОУН² Маслаченко, Павлюченко

¹ УПА — так называемая Украинская повстанческая армия.

² ОУН — организация украинских националистов.

и Плаксин поехали пригласить учителя на встречу с львовскими националистами.

Учитель охотно согласился встретиться.

И вот передо мной сидит довольно крепкий мужчина с открытым лицом и еле заметно улыбается.

— Почему вам так весело?— спросил я Драчинского.— Рады, что попали к советским партизанам?

— Да, рад, хотя и не знаю, что со мной будет дальше. Сначала я и в самом деле полагал, что еду на встречу с львовскими националистами, но вскоре понял, с кем имею дело.

Нас интересовали документы, связи украинских националистов, формы и методы борьбы против наступающей Красной Армии. Главари националистов предвидели, что песенка гитлеровцев на Украине спета и что Волынь, как и другие области Украины, скоро будет освобождена. Они готовились к переходу на нелегальное положение. Драчинский охотно помог раскрыть нам многие каналы нелегальной деятельности местных оуновцев.

— Что заставило вас, учителя, советского человека, связаться с этим отребьем?— спросил я его.

— Только страх за свою жизнь и безопасность семьи. Принцип главарей ОУН и УПА — «Кто не с нами, тот против нас» — очень опасен. Все инакомыслящее вырывается с корнем. Они беспощадные и жестокие садисты.

Драчинский рассказал нам, что в начале 1943 года к нему пришел представитель гороховского районного провода ОУН и посоветовал явиться в распоряжение одного из главарей Украинской повстанческой армии (УПА) Антонюка, который собирался поставить его во главе сотни. Драчинский медлил, и вот тогда к нему явился Ливарь.

— Кто такой Ливарь?— перебил я Драчинского.

— Бывший начальник штаба полка Антонюка-Сосенко. Сейчас он инспектор УПА.

Возможно, это тот самый человек, который нас интересовал. Драчинский сказал, что одна из основных конспиративных квартир Ливаря находится в том же селе, в котором жила семья гороховского полицая Владимира Хмельника. Он рьяно выполнял полицейские обязанности, одновременно являясь доверенным лицом Антонюка-Сосенко.

— Скажите, почему в селах Волыни нет фашистов, а вместо них свободно разгуливают националисты и распоряжаются судьбами народа?

— Потому что националисты неплохо заменяют фашистов. Есть какой-то договор или соглашение, заключенное националистами с представителями Владимир-Волынского гебитскомиссара. Я, к сожалению, не знаю содержания этого договора,— ответил Драчинский.

Так вот где оказывается разгадка. Вот почему Волынь отдана на откуп националистам! Теперь многое стало понятно.

Учитель подробно описал нам конспиративную квартиру Ливаря. Был разработан план операции. Выполнение ее было поручено Семену Стрельцову.

— Возьмешь самых проверенных и боевых ребят: Плаксина, Бреславского, Сапожникова и Зубкова. Ливарь не рядовой националист и не случайно обосновался в этом селе. Возможно, там есть крепкая вооруженная группа бандитов, которая может прийти ему на помощь.

В лесу, примерно в километре от села, партизаны оставили лошадей под охраной одного разведчика. В полночь они подошли к дому Хмельника и постучали. На вопрос: «Кто?»— Семен Стрельцов назвал фамилию знакомого Ливаря, от которого якобы привез сообщение. Чей-то голос внутри приказал: «Не открывать!» Сорвав дверь с крючка, ребята ворвались в дом. В доме оказалось трое: хозяин дома — Хмельник, главварь районного провода ОУН Жуликевич и Ливарь. Пока ребята усмиряли первых двух, Ливарь, спавший в нише между стеной и русской печью, успел одеться и бросился к окну. Посыпались стекла, рама упала на улицу. Ливарь выпрыгнул, но оказался в объятиях Ивана Сапожникова.

— Куда это вы так торопитесь, пане?— спросил Сапожников.— Через окна только воры ходят.

Ливарь не собирался сдаваться. Он выхватил финку. Иван схватил его за запястье, финка со звоном упала на камень. Сапожников придавил Ливаря к земле. Он больше не сопротивлялся, вел себя спокойно и, как оказалось, рассчитывал на помощь местных бандитов, но помощь пришла поздно.

Когда партизаны были уже далеко за селом, мест-

ные националисты для очистки совести подняли стрельбу. В штаб опергруппы ребята доставили Ливаря и Жуликевича. Хмельник в перестрелке был убит. Я взял на себя работу с Ливарем, а Семен Стрельцов занялся главарем районного провода.

Ливарь оказался сыном попа. Он окончил греко-католическую духовную семинарию, но служить не стал, а поступил во Львовский университет.

Не дожидаясь наших вопросов, Ливарь решительно заявил:

— Мой плен коммунистами я не признаю.

— Кого же вы признаете?

— Признаю тих, які борються за самостійність.

— А кто это? Те?

— Керують ті, кого признає народ. Не пытайте, я більше нічого не скажу.

И Ливарь замолчал. Мы слишком мало знали о его деятельности. Враг попался серьезный, и уличить его было не так-то просто.

— Ну вот что,— сказал я,— подумайте, а потом мы с вами снова встретимся.

— К сожалению, встреча с вами теперь зависит не от меня, но я хочу еще раз предупредить, чтобы вы не рассчитывали на мою откровенность.— Ливарь вдруг почему-то заговорил по-русски...

— Посмотрим...

Пока мы допрашивали Ливаря и Жуликевича, операция «Главный провод» продолжалась. 2 февраля разведчики-комсомольцы Ваня Сергиенко, Алексей Зубков и Володя Павлюченко под руководством оперативного работника Маслаченко захватили в селе Майдан-Сенявский уполномоченного окружного провода ОУН Кромилко и главаря районного провода Стецько. Первый до войны был на хозяйственной работе, второй служил счетоводом в колхозе, присвоил казенные деньги и был осужден.

Стецько показал, что деньги еще до нападения гитлеровцев на Советский Союз были переданы Владимир-Вольнскому нелегальному центру националистов. И Стецько был очень откровенен. Все бандиты хорошо знали друг друга — Жуликевич и Стецько показали, что во Львове состоялось совещание узкого круга ОУН, в котором принял участие и Кромилко.

— Это было важное совещание,— показал Стець-

ко,— на нем разрабатывалась новая тактика борьбы с наступающей Красной Армией.

— Ну что ж,— сказал я Семену Стрельцову,— давай займемся Кромилкой, а Ливарь пусть еще подумает.

— Вы были участником сборища во Львове?— спросили мы у Кромилко.

— Да, был. Оно состоялось в конце декабря прошлого года. На нем был узкий круг людей, и оно рассматривалось как подготовка к большому совещанию, которое должно состояться в мае 1944 года. На совещании во Львове выступили два человека — представитель Степана Бандеры Сом и представитель службы безопасности Мыколы Лебеда Андрей. Там обсуждали инструкцию главного провода ОУН. Она содержала указания о переходе националистов на нелегальное положение и заброске в тыл Красной Армии диверсантов и террористов, отобранных из наиболее отпетых бандитов.

Из допроса Кромилко стало ясно, что во Львове действуют представители главного провода ОУН и штаба УПА, возглавляемого Климом Савуром, которым поручено подготовить майское совещание. Как показал Кромилко, Сом объявил, что в совещании примет участие Степан Бандера, его подручный начальник службы безопасности Мыкола Лебедь и Клим Савур. Приглашен на совещание и Боровец.

Кромилко сказал, что Бандера был арестован немцами, но вскоре его освободили.

Боровец нам был известен давно. В октябре 1941 года, располагая группой головорезов, он организовал церемонию посвящения себя в атаманы Полесской сечи. Тогда бандиты Боровца нужны были гитлеровцам и Степану Бандере, который с их помощью лелеял надежду получить пост диктатора «самостийной Украины». Самозванные премьеры и претенденты в диктаторы зашли очень далеко, а потому гитлеровцы вскоре одернули их. Пока обстановка на фронте для гитлеровцев складывалась благоприятно, заигрывать с Бандерой и Боровцом не было необходимости. Дело в том, что эти «атаманы» требовали хоть и куцую, под покровительством гитлеровской Германии, но все-таки «самостийную Украину». А это не входило в планы Гитлера. Все вместе и привело к аресту Бандеры.

В 1944 году обстановка на фронте коренным образом изменилась в пользу Советского Союза. Приближался разгром гитлеровской Германии. И снова на сцене появился Бандера.

Изъятая у Кромилко инструкция, полученная во Львове, была переведена с украинского на русский язык. Вот что в ней было: «В связи с наступлением Красной Армии члены нашей организации должны подготовиться к новой тактике борьбы с большевиками за «самостийную Украину». От большевиков все прятать, на объявленную мобилизацию в Красную Армию не идти. Надо знать, что не с кем иным, а только с большевиками мы будем иметь последний бой. Разъяснять отступающим немцам, что их задача спасти свою родину от большевистских империалистов. Разлагать солдат Красной Армии, привлекая их на свою сторону. Если они будут задавать вопрос: почему мы боремся против партизан?— отвечать так: партизаны борются не за благо народа, а за интересы большевиков, что они являются агентами гестапо и польских империалистов».

— Что вам известно,— спросил я Кромилко,— о заключении договора с гитлеровцами?

— Есть такой договор. Составить его было поручено главарям УПА. Об этом надо спросить Ливаря. Он знает, кто, когда и с кем договор заключал.

Вызвали на допрос Ливаря. Он в окно видел Кромилко, Стецько и Жуликевича. Один из них, улыбаясь, помахал рукой Ливарю.

Ливарь понял, что мы многое знаем.

— Если хотите,— предложили мы ему,— можем устроить свидание с друзьями.

— Очную ставку, хотите вы сказать?

— Если в этом будет необходимость.

— Не нужно,— ответил Ливарь.— Что вас интересует?

«ЛИСОВИ ЧОРТИ» И ДРУГИЕ

Три группы вооруженных украинских националистов преграждали движение соединению Ковпака. Назывались эти группы загонами. Загоны были в подчинении у Рудого, представителя главного штаба УПА. Штаб его дислоцировался в селе Карпиловка в двадцати семи километрах северо-восточнее Ковеля. Мы получили схему дислокации этих загонов и сведения об их вооружении. Нас особенно интересовал отряд Антоюка-Сосенко (Клеца), в зону действия которого вступили партизаны. Три деревни находились в ленной зависимости этого полка: Ревушки, Доминиополь и Волчок. В полк националистов входили восемь пехотных и одна кавалерийская сотня, часть офицерской школы «Лесные черти». Основная база находилась в Свяжском лесу, северо-восточнее Владимир-Вольнска. Влияние полка распространялось на юг по направлению к Бискупиче и на северо-восток до местечка Стабыхва, где соприкасалась с зоной влияния самого Рудого.

Все мужское население, способное носить оружие, было мобилизовано бандитами. Была установлена жесткая дисциплина и конспирация. Нарушения строго карались. При штабе Рудого действовала «служба бес-

пеки», в распоряжении которой находилось двести отборных бандитов. Человек, попавший под их подозрение, исчезал бесследно.

— Главный штаб УПА,— показал Ливарь,— действовал под № 910. Приказы подписывались Савуром либо его заместителями Горбуненко или Карповичем.

Постепенно мы узнали многое о главарях этих подразделений.

Антонюк-Сосенко, житель села Бискупиче Волынской губернии, в молодости был подофицером Польской армии, а после демобилизации работал в ресторане и сотрудничал с польской контрразведкой — дефензивой. С установлением Советской власти на Волыни в 1939 году он перешел на нелегальное положение.

Клим Савур (Роман Клячківський) происходил из села Стрекач Гороховского района. Крупный кулак. Савур имел каменный дом, 100 га земли, 28 га леса, сельскохозяйственные машины. В ряды ОУН вступил еще подростком в Станиславе.

Ливарь был откровенен, пока мы не задали ему вопрос о договоре, заключенном УПА с немцами.

Он заерзал на стуле, побледнел и начал что-то бормотать. Наконец, понутив голову, Ливарь тихо, словно боясь, чтобы не услышали посторонние, прошептал:

— Был такой договор. Переговоры вели Антонюк и Брова, но не знаю содержание этого договора.

— Кто такой Брова?

— Представитель главного штаба УПА.

В это время произошло еще одно важное событие, которое помогло распутать националистический клубок. К нам явился с повинной активный националист Федор Костюченко, учитель из Вербского района.

— Допросите меня,— решительно сказал он.— Я многое знаю и могу быть полезным.

— Почему вы пришли к нам?— спросил я.

— Бежать вместе с этой гоп-компанией за границу я не хочу, а бежать им придется. Я же останусь на земле своих предков. Будь что будет!

Я дал ему бумагу и сказал:

— Пишите подробно все, что вы хотите нам рассказать.

Костюченко сообщил много интересного. Оказывается, несколько националистов во главе с Антонюком-Сосенко встречались с уполномоченным владимир-во-

льнского гебитскомиссара, обер-лейтенантом Остеном в селе Стежаричи и вела переговоры о заключении договора. Был уже согласован текст, но Остен не имел официального документа, дающего ему право подписать договор. Текст был дополнен в главном штабе УПА. Во время второй встречи с Остеном группу украинских националистов возглавлял представитель штаба Брова, а с немецкой стороны заместитель гебитскомиссара. Договор был подписан.

«Будучи в хороших отношениях с Антонюком,— писал Костюченко,— я читал этот договор. Он предусматривал совместную борьбу националистов и гитлеровцев против Советов. Немцы обязались распространять свои действия на ряд районов Волыни, за исключением тех, которые главари УПА тайно будут отводить им для дополнительной заготовки продовольствия.

Основную часть продовольствия националисты поставляли немцам организованно, но те всякий раз увеличивали размеры. Чтобы не обострять отношений с населением, начальство УПА отдавало гитлеровцам определенные села для грабежа. Рядовые националисты сел не ставились об этом в известность, они оказывали сопротивление и гибли. В глазах широких масс народа получалось все хорошо. Главари УПА с фашистами не сотрудничают, продовольствия не поставляют, гитлеровцы берут все сами.

В договоре также указывалось, что гитлеровцы помогают националистам оружием, обязуются убрать с территории Волыни полицаев-поляков и оставляют УПА город Камень-Каширский, который националисты обязались защищать от большевиков сами...» В этом же показании Костюченко дал исчерпывающие сведения о школе «Лесные черти» и о ее начальстве.

Костюченко по нашему заданию был направлен в окружение Рудого и Антонюка.

Когда все материалы о черных делах главарей националистов были предъявлены Ливарю, он сквозь зубы процедил:

— Да, это соответствует действительности. Война и сложная для нас обстановка заставили пойти на связь с немцами.

— С фашистами,— поправили мы Ливаря,— злейшими врагами советского народа.

— Пусть будет так,— ответил он.

ТО, ЧТО СКРЫВАЛОСЬ ОТ НАРОДА

Главарь УПА — ОУН старались всеми силами замести следы своего преступного сотрудничества с гитлеровцами. В конце декабря 1943 года Рудой созвал своих приближенных и дал указание:

— Наше соглашение с немцами должно являться строжайшей тайной. В случае необходимости надо объяснить, что это местная инициатива, и ни в коем случае не примешивать к договору центральное руководство.

Такое поведение националистов вполне устраивало гитлеровцев. Наряду с общей договоренностью как гитлеровцы, так и главарь районных организаций ОУН начали устанавливать локальные контакты.

В перехваченном нами письме начальника СД Городовска в районный провод ОУН Павлу Скибе говорилось: «Мы всегда были друзьями украинского народа и с сочувствием относимся к вашей борьбе за свободу. У нас с вами одна задача — борьба против коммунистов. Мы готовы с вами встретиться. Укажите место и время».

Когда наша опергруппа покинула Вольнскую область и мы были уже за Бугом, гитлеровцы на основе

договора ушли из Камень-Каширского, оставив националистам оружие и триста комплектов обмундирования. Город заняли националисты Назара.

Действия партизан на Волини потревожили националистический муравейник. В штаб Рудого прибыл представитель областного провода ОУН Матвей. Было созвано совещание узкого круга, на нем Матвей передал указания центра:

— В открытый бой с партизанами не вступать. Надо бить партизан из засад, в плен из них никого не брать, за исключением украинцев, и то после тщательной проверки. Скот угонять в лес, а продовольствие прятать.

Наша оперативно-чекистская группа готовилась к ликвидации националистических гнезд. Усиленно работала рота разведки. Семен Семченко, мастер дальней разведки, с группой чекистов обнаружил концентрацию националистов в лесном массиве около Фусова Гороховского района. Известный партизанский разведчик Антон Землянка со второй группой обшарил Вербский район и установил место дислокации группы УПА. Совместными усилиями разведчиков нашли школу «Лесные черти». Их данные совпадали и не вызывали сомнений. Выполнение поставленной нам задачи облегчалось тем, что военная и политическая разведка находились в моем ведении, как начальника опергруппы. Вместе с командиром артиллерийской батареи Дегтевым я, Семченко и Землянка составили схему расположения банд УПА и план разгрома их. Командир соединения П. П. Вершигора, помощником которого я был, утвердил разработанные нами планы ликвидации националистических групп.

С 19 по 29 января наша опергруппа находилась в Мосуре. Мы получили возможность изучить местное националистическое подполье, послали в него наших людей. В большинстве своем то были советские патриоты, по тем или иным причинам оставшиеся на оккупированной территории. Они понимали, какой вред националисты наносят советскому народу, и были готовы выполнить любое задание.

Во что бы то ни стало нужно было достать подлинник договора, заключенного националистами с гитлеровцами.

— У кого он может быть?— спросили у Костюченко.

← У Антонюка, я сам читал его.

Мы понимали, как важно получить договор и, обнародовав его, раскрыть глаза людям, обманутым националистами.

Антонюк оказался опытным конспиратором. Он не задерживался на одном месте больше суток. Сотрудники опергруппы под руководством Маслаченко преследовали Антонюка по пятам. 26 января, скрытно форсировав железную дорогу Владимир-Волынский — Замостье, наши оперативники настигли Антонюка в деревне Завадув. Ясная январская ночь и большое поле затрудняли скрытый подход к дому, где находился Антонюк. Часовой поднял тревогу. После короткой перестрелки Антонюк скрылся. Мы знали, что в Завадуве есть группа вооруженных националистов, но никто из них не пришел на помощь Антонюку. У одного из убитых была обнаружена сумка с приказами Рудого и Антонюка по школе.

Наконец, разрозненные сведения о школе можно было подкрепить документами. При главном штабе УПА в селе Куликовичи, что в семи километрах западнее Степани, в октябре 1943 года была создана школа «Лисови чорти». Начальником школы назначили полковника петлюровской армии Борового. До войны он жил в Польше и как военный специалист был приглашен УПА на Волынь. Со временем эту школу разбили на три.

В ночь с 5 на 6 февраля партизаны начали разгром националистов. Штабная канцелярия Антонюка оказалась в деревне Волчок. И вот только там среди документов был обнаружен подлинник договора. Антонюк, бросив все, в том числе и своих «храбрых» вояк, скрылся.

Пресловутый договор подписали Антонюк и оберлейтенант Остен. Владимир-Волынский гебитскомиссар утвердил его.

Из показаний Костюченко, Жуликевича, Стецько и других мы уже знали содержание договора, но, оказывается, далеко не во всех подробностях.

Вот некоторые выдержки из него:

«Обязуемся не трогать железную дорогу, так как не в наших интересах тормозить немецкие перевозки на восточный фронт для борьбы с большевиками. Немецкая администрация в свою очередь обязуется не тро-

гать наши транспорты... Руководствуясь единством интересов, обе стороны будут бороться с Красной Армией, партизанами и польскими бандами...

Немецкая администрация обязуется убрать с Волынского уезда всех служащих поляков и полицаев...

Всех пленных стороны обязуются освободить и направить по адресу: немцев — господину гауляйтеру Эриху Коху, украинцев — господину Белому...

Хлеб, скот и другие продукты немецкая администрация заготавливает в деревнях, указанных нами...

Немецкая администрация снабжает командование УПА частью оружия и будет уважать установленный порядок во Владимир-Волынском уезде...»

При опергруппе вот уже неделю находилась захваченная нами при исполнении служебных обязанностей активная националистка, львовская студентка Марина. Отец ее был украинец, рабочий, мать русская, служила на почте. Брат отца являлся кадровым офицером Красной Армии.

На первой беседе Марина старалась держаться надменно.

Нам уже было известно, что все националисты хорошо знают русский язык, но, чтобы выглядеть полностью «самостийниками», разговаривают по-украински.

— Нас интересует только один вопрос, — сказал Семен Стрельцов, — откуда у вас, у молодой девушки, полной сил, такая дурь в голове?

Долго мы беседовали с Мариной, и она постепенно начала разговаривать с нами мягче и даже улыбаться. Как-то раз пригласили ее пообедать с нами.

— Пусть она, — сказал я, — посмотрит вблизи на «москалей» и убедится, что мы за люди.

Дело в том, что из всего состава опергруппы чистокровным сибирским «москалем» был только я. Остальные же разведчики были украинцами: Тыртышный, Рыбалко, Сергиенко, Никитенко, Павлюченко. Большинство из них разговаривало только по-украински.

И опять вспомнил я слова своего учителя Ивана Писклина: «Ты не решай судьбу человека только по бумагам, как бы хорошо они ни были оформлены, а загляни в душу человека».

Нет, у Марины не было глубоких оснований стать злым врагом Советской власти. Как-то за обедом, обращаясь ко мне, Марина сказала:

— Що вы мене не конвоюете, а як я убегу, тоди що?

— Товарищи,— обратился я к разведчикам,— пообедаем, дайте ей хлеба и сала на дорогу, пусть уходит.

А самого терзало сомнение, но отступить не хотелось. Никуда она не ушла. Наши девчата, особенно Рая Долакова, умело поработали с Мариной, она захотела снова встретиться со мной.

Это была уже другая Марина — живая, жизнерадостная. Она как бы освободилась от тяжелого груза, который не давал ей свободно дышать. Марина сказала:

— Насчет «москалей» и прочее — все это на самом деле дурь. У меня хорошие отец и мать: они ничего не знают о том, что я связалась с бандитами. Бандеровцы меня обманули и запугали. А теперь я расскажу вам всю правду о них.

Марина была пропагандистом окружного провода ОУН, участвовала в сборище, которое проводил Матвей. Он дал указание о переходе актива националистов на нелегальное положение. Главным в их деятельности должен быть террор — убийство командиров Красной Армии и советского актива. «Создавайте группы из проверенных людей,— наставлял Матвей,— которые были бы способны применять любые формы борьбы с Советами. Этого требуют интересы «самостийной Украины».

Марина назвала десять активных националистов, уже перешедших на нелегальное положение. Шесть из них нами были тогда же обезврежены.

Несколько позже эта директива была нами захвачена у националистов и передана на Большую землю.

У Марины во Львове были интересующие нас связи, и мы направили ее туда со специальным заданием.

Удар по украинским националистам, нанесенный партизанами, вызвал отлив из УПА рядовых членов.

Наши люди сообщали, что головорезы из «службы безпеки» мечутся по селам и пытаются восстановить положение. Как-то мы узнали, что поблизости действует такая группа под охраной пятнадцати человек. В ее

составе есть и посланец львовской «беспеки». Националисты побывали в Ревушках, Волчке, Фасове и других деревнях. В лесу захватили двух рядовых членов УПА, бросивших оружие, и расстреляли их. Слетелось воронье, и упустить такой случай нельзя было.

Семен Стрельцов сидел за столом и делал какие-то пометки в блокноте. Я решил проверить созревший у меня план операции и обратился к нему:

— Скажи, Семен, кто из наших людей лучше других может налететь, поднять шум, открыть шквальный огонь и захватить нужных нам людей?

— Семченок, — не задумываясь, сказал он.

— Зови его!

В подчинение Семченка дали самых боевых разведчиков. По вероятному маршруту «беспеки» были посланы «маяки», которые внимательно следили за передвижением бандитов.

Семен Семченок был душой молодых разведчиков. Уважали его за смелость и веселый нрав. Суровая природа Сибири воспитала в нем выносливость и упорство. Во время рейда по территории Польши он, как правило, возглавлял группу дальней разведки. Из района Овруча под Варшаву прошли с ним разведчики-чекисты. Собираясь в очередной поход, Семен, вскидывая на плечо автомат, говорил: «Эхма, вдарим по бездорожью», — и уходил. В нем удивительно уживались собранность и беспечность. Больше всего на свете любил Семен Сибирь. В Мосуре мы встретили старика, настоящего сибиряка. Его сын служил в армии на Украине, женился и осел здесь. Старик переехал к нему.

— Климат здесь не тот, — жаловался Семену Федор Андреевич, так звали старика. — Не поймешь, паря, когда тут зима, а когда весна.

— Зима — это мороз, — поддакивал Семен, — идешь, а под ногами снег скрипит, углы домов трещат, вороны на лету замерзают. Правильно, отец, я говорю?

— Пошто же неправильно, правильно, — подтвердил старик, — только паря, вот замерзших ворон мне видеть не приходилось.

Кто-то из присутствующих заметил: «Что и говорить, в такой мороз не только вороны, но и слоны замерзнут».

— Какие слоны?— не понял Семченоч.

— Обыкновенные, те, что с хоботом,— ответил тот же голос.

Семен только глянул в сторону шутника и продолжал:

— А весна! Море воды, камни катит, шум, а потом раз — и сухо. И всего много — леса, солнца...

— Верно, сыноч.

Старик тосковал по Сибири. Вспоминал село Ягуново, окруженное лесом и оврагами, по которым струились ручейки. Но не все там было ладно. Рассказывал он, что на сходке мужики приняли решение: лес разбить на делянки. А потом варварски истребили его. Топор и пила за несколько лет раздели село, оставив его нищим и голым. Высохли речки, ушли звери, а пение птиц заменило завывание ветра.

— Несознательный тогда мужик был,— сказал Федор,— другое дело теперь, поди, не узнать село-то, потому как все по науке делается.

— Уезжай, отец, в Сибирь.

— Уеду, как можно будет...

Старик тепло попрощался с Семеном. Он стоял на улице, пока последняя повозка не скрылась за поворотом.

Вспомнился мне и такой эпизод из жизни Семченка. Шестнадцать разведчиков-чекистов под командой Семена держали заслон на железной дороге Билгорай — Замостье. Прошли основные силы партизан, но опаздывал 2-й полк и снять заслон было нельзя. В это время подошел поезд, груженный танками и автомашинами. Паровоз подорвался на mine, разведчики обстреляли эшелон. Сначала гитлеровцы растерялись, а потом развернули башни танков и открыли огонь. Плаксин вел огонь стоя.

— Ложись, сукин ты сын,— крикнул Семченоч.

Плаксин плюхнулся в сугроб. Подошел 2-й полк. Его опытный командир Петр Кульбака повел партизан в атаку, и с гитлеровцами было покончено.

Четырнадцать танков и два десятка автомашин были подорваны и сожжены.

После боя Семченоч кричал на Плаксина:

— Ты почему не ложился? Пулю схватить хочешь? Боевого устава не знаешь, вот что я тебе скажу!

— Виноват,— оправдывался Плаксин,— забыл лечь.

Страхивая снег, Плаксин ворчал: «Товарищ старший лейтенант заставил меня лечь в снег, теперь буду мокрым ходить. Моя мама говорила, что я мальчик хрупкого здоровья и во время боя должен выбирать сухое место. Сыночек мой дорогой,— говорила она,— мальчик ты нежного склада, бойся простуды».

Семченоч улыбку и зашагал вслед удалявшимся партизанам.

И вот опять Семченоч уходит на задание.

После инструктажа я сказал Семену.

— Имей в виду, они нам нужны не мертвые, а живые.

— Есть доставить живыми!— и, как всегда, добавил:— Ударим по бездорожью!

Операция была проведена блестяще. Хлопцы захватили националистических карателей на хуторе в районе села Печихвосты. Налет был проведен молниеносно: в течение десяти минут все было кончено. Бандиты, как доложил Семченоч, успели сделать несколько выстрелов, ранив лишь лошадь. Пять человек были доставлены в распоряжение опергруппы.

Допрос шел за допросом. Десять дней нам приходилось работать настолько напряженно, что не оставалось времени для сна. На допрос привели захваченного националиста, а мною овладело какое-то дремотное оцепенение, с трудом открыл глаза.

На стуле сидел мелкий человечек. Его лицо вполне вместились бы, как говорят украинцы, в «жменю». Нижняя челюсть торчала узким клином, от него несло самогонным перегаром. «Красавец мужчина»,— подумал я.

— Ваша фамилия?

— Хрен,— назвался арестованный.

— Что ты хрен, это и так видно, а меня интересует подлинная фамилия.

Хрен начал ломаться и нести уже слышанную нами ахинею насчет «самостийной Украины». Не хотелось мне с ним долго возиться, да и силы были на исходе. Я сказал, что мы чекисты.

Хрен побледнел, казалось, пол провалился под ним. Он рухнул на колени и тоненьким голоском пропищал:

— Водички бы мне глоточек.

Такого я и не ожидал. Ребята помогли ему подняться, усадили на стул и дали стакан воды.

Хрен оказался начальником «службы безпеки» од-

ного из районов Волыни. Он сообщил все, что нас интересовало: явки и адреса конспиративных квартир, фамилии людей, перешедших на нелегальное положение.

Нам нужны были представители львовской «беспеки». Один из них — Дмитрий Иванович Тхирь — оказался в числе задержанных.

Он был опытным националистом, и недаром его делегировали в Волынь — помочь местной «беспеке» поправить дела. Тхирь неоднократно встречался с главарем беспеки Мыколой Лебедем и выполнял его личные задания. Он хорошо помнил 30 июня 1941 года, когда под звон колоколов во Львов ворвались гитлеровцы, а вместе с ними и легион националистов «Нахтигаль». Все высшее униатское духовенство благословило в те дни бандитов на разбой.

Там и был заключен негласный тройственный договор националистов с гитлеровцами и греко-католической церковью.

Не оставалась безучастной даже и армяно-католическая церковь. Как показал Тхирь, ее духовенство обрабатывало военнопленных армян, благословляло их на борьбу с большевиками и направляло в «армянский легион».

Нам было известно, что в Порицком районе на Волыни в полку Антонюка тоже действовала группа армян. Не знаю, приходилось ли кому-либо из них лично встречаться с духовными отцами их церкви, но осевший во Львове митрополит армяно-католической церкви Теодорович, ксендз Ромашкан издали благословляли армянских предателей на сотрудничество с немцами и УПА.

Тхирь и Хрен расшифровали большую сеть своей агентуры и террористических групп, предназначенных для работы в тылу Красной Армии. Мы сожалели, что в перестрелке при захвате Ливаря был убит гороховский полицай Хмельник. Оказывается, через него гитлеровцы переправляли оружие националистам. Сколько и когда — осталось тайной.

Соединение готовилось к рейду за Буг. Уже была послана дальняя разведка, которая должна была найти места форсирования Западного Буга. Но мы не могли покинуть Волынь, оставив там законспирированные гнезда националистов. Чтобы обезвредить их, были оставлены две группы, которые возглавил С. Семченко.

Оставались Бреславский, Плаксин, Бережной, Сапожников, Зубков, Павлюченко и другие. Они показали огромную выносливость, выдержку и храбрость. Глядя на них, я вспомнил рассказ Л. Н. Толстого «Рубка леса». Писатель делил русских солдат на три категории: покорных, начальствующих и отчаянных, категорию последних он характеризовал так: «Непоколебимая веселость, огромные способности ко всему, богатство натуры и удаль...» По-видимому, русский человек навсегда сохранил эти качества.

ВОЙНА НА РЕЛЬСАХ

Параллельно с борьбой против националистов разведчики решали и другие задачи.

18 января радистка Рая Долакова приняла радиogramму с Большой земли «О проведении разведки». В радиogramме указывались интересующие Советское командование районы и ставились точные задачи нашему отряду.

У нас в тот момент оставались свободными лишь Бреславский, Плаксин, Зубков и Павлюченко. Группу возглавил Антон Землянка. Он входил в число лучших партизанских разведчиков. Землянка был человеком оригинальным: медлительный в обычной обстановке, он как бы нехотя шагал по земле. В свободное время любил уединиться и о чем-то размышлять. Но в боевой обстановке становился неузнаваемым. Получая задания, он тщательно все записывал, потом внимательно просматривал, запоминал и рвал написанное. Возвращаясь с задания, составлял схему объектов противника, докладывал четко, по-военному.

Партизанское соединение достигло крупного населенного пункта Замшаны, севернее города Ковеля. Отсюда на Брест шли железная и шоссейная дороги. Пер-

вая тянулась прямо, шоссейная же дорога отклонялась на северо-восток, а около Бреста скрещивалась с железнодорожной магистралью. Это были пути интенсивного движения поездов и автомашин. Обширный коридор между дорогами был густо заселен. По селам шныряли всякого рода «заготовители» и мародеры.

Вызвав Землянку и Бреславского, я сказал:

— Большую землю интересуют замыслы врага в районе Сарны — Ковель — Брест. Что предпринимают гитлеровцы? Какие части действуют в этом районе? Нам нужен «язык». С вами пойдет радист опергруппы Федя Тихонов.

Оставив ребят, соединение продолжало путь на запад. В районе Крымно резко повернуло на юг и, сделав несколько переходов, остановилось в селе Кукурики. За два перехода до этой остановки приняли радиограмму от Тихонова: «Задание выполняем успешно, договорились шофером легковой машины, привезет Ковель офицера. Бреславский».

Радиограмма заставила поволноваться.

«Что за чертовщина, — думал я. — Вероятно, ребята доверились какому-то немцу, который обещал привезти им офицера. Подобное легкомыслие может стоить жизни».

Радисты по очереди через каждые два часа выходили в эфир, но связаться с Тихоновым не могли.

— Возьми двух партизан, — предложил я Семену Стрельцову, — и возвращайся в район Замшаны. Ребята затеяли какую-то рискованную операцию.

Семен уехал и совершенно случайно на полпути встретил догонявших нас разведчиков. Они привезли адъютанта штаба обер-лейтенанта 669-й пехотной дивизии.

Он попал в руки разведчиков так.

По шоссе Брест—Ковель мчалась легковая машина.

— На ловца и зверь бежит, — весело сказал Володя Павлюченко и выскочил на шоссе.

Шофер, резко затормозив, остановил машину. Появление в глубоком тылу бойцов в форме Красной Армии ошеломило немцев. Их было двое: шофер и фельдфебель. Указывая на фельдфебеля, шофер сказал по-русски:

— Разоружите! Это опасный зверь.

Ребята не успели опомниться, как фельдфебель рванулся и побежал к лесу. Забыв о шофере, партизаны бросились за ним. Ему удалось достичь леса, и там он был убит в перестрелке.

— Братцы,— крикнул Павлюченко,— а шофера-то мы забыли. Он, наверное, теперь уже где-нибудь чай с сахаром вприкуску пьет!

— Не до шуток сейчас,— заметил Землянка,— плохо сработали. Одного убили, а другого упустили. Непростительная глупость!

Каково же было удивление партизан, когда они увидели, что машина на прежнем месте, а шофер спокойно курит, забавляясь кольцами дыма.

Едва послышался вдали шум мотора, он вывел машину на проселочную дорогу и спрятал ее в лесу.

Шофер Гуго Роге рассказал партизанам о себе. В прошлом он рабочий, потом рядовой танковой бригады, отбыл три года заключения за антивоенную пропаганду в лагерях, где вместе с ним содержались советские военнопленные.

— Там я и научился говорить по-русски,— объяснил Роге,— а фельдфебель, которого вы прикончили, зверь! Он один из палачей СД Бреста. Недалеко от станции Выхва под Ковелем обосновался немец польского происхождения с красавицей дочерью. К ним на двое суток уехал погостить обер-лейтенант. Он адъютант штаба дивизии. Я послан за ним и должен сегодня доставить его в Брест.

Наметили место, где Роге остановит машину.

— Нам надо захватить его живым,— сказал Землянка,— мертвого одного хватит.

— Таких, как фельдфебель,— твердо выговаривая слова, откликнулся Роге,— надо уничтожать, он еще много мог загубить невинных людей. А обер-лейтенанта я вам доставлю.

— Вот и хорошо,— сказал Бреславский,— а потом вместе будем бить гитлеровцев.

Роге задумался, его лицо покрылось болезненным румянцем.

— Нет, я с вами не пойду. Эта встреча только прибавила мне решимости. Там, в Германии, в лагере смерти томится мой брат, может быть, мне удастся ему помочь. Голодают моя жена и двое детей. Прошу поверить мне, я не направлял посылок с награбленным доб-

ром. В Германии я буду более полезен своему народу, чем здесь.

Роге не подвел.

...Около 8 часов вечера в условленном месте резко затормозила легковая машина.

Увидев разведчиков, офицер, сидевший рядом с шофером, попытался достать с заднего сиденья автомат. Роге распахнул дверцу машины и вытолкнул его на шоссе. Разведчики обезоружили офицера и затолкали снова в машину.

Роге свернул на проселочную дорогу и, отъехав около десяти километров, остановился.

— Нужно было, — как потом докладывал Землянка, — проститься с Роге, поблагодарить этого честного немца, перекурить и осмотреться...

Пленного доставили в Кукурики, где дислоцировались штаб соединения и оперативная группа.

Была глубокая ночь, когда разведчики на захваченной по дороге грузовой машине ворвались в деревню. Разбуженные собаки обрушились на них. Еще по дороге Семен Стрельцов узнал у пленного многое, что представляло интерес, и тем самым облегчил мою задачу.

Возвратились другие группы. Они захватили самых разных «языков»: фельдфебеля 371-го полка, солдата из 4-й танковой армии, нескольких шоферов.

Однако наибольший интерес представляли показания обер-лейтенанта.

669-я пехотная дивизия до октября 1943 года действовала во Франции, в ста пятидесяти километрах от Падде-Кале. Потом ее перебросили в Италию, где она вела борьбу с партизанами. 2 января 1944 года по тревоге дивизия была перебросена на Украину, где получила двенадцать «тигров» и «пантер», а 13 января на Винницком направлении была с ходу брошена в бой против наступающей Красной Армии. Потеряв почти половину личного состава, дивизия была отведена на пополнение.

Адъютанта прикомандировали для связи к штабу 4-й танковой армии в связи с тем, что после пополнения 669-я дивизия должна действовать в составе этой армии. Подразделения танкистов располагались в крупных населенных пунктах, связанных шоссейными и железнодорожными магистралями — в Ровно, Луцке, Бродах и Дубно.

— Командование вермахта, — сказал пленный, — делает основную ставку на эту армию. Правда, после поражения под Курском настроение солдат упало, но величие немецкого духа поддерживается боевыми традициями таких дивизий, как «Рейх», «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова».

В Бродах он присутствовал на вечере, устроенном офицерами-танкистами.

— Неудачи под Курском не убили в них боевого духа. Они будут драться. Железной дисциплиной и прусской выучкой выжмут из солдат все, чтобы заставить их воевать.

— А что вы сами думаете о судьбах войны? — спросил я.

— Наше поражение под Москвой, Сталинградом и Курском привело к тому, что офицеры начали критиковать ставку и даже фюрера. Правда, об этом говорят шепотом, но недовольство зреет.

Мы переглянулись с Семеном Стрельцовым.

— Бить их надо сильнее, поумнеют, может быть... — буркнул Семен.

Анализируя данные разведки, нам удалось составить довольно полное представление о численности и вооружении 7-й, 9-й, и 19-й танковых и 669-й пехотной дивизий. Мы разузнали, что в Ковеле оставлен гарнизон из восьми тысяч пехоты и двух артиллерийских дивизионов.

Операции на железных дорогах Брест—Ковель, Ковель — Сарны, Ровно — Луцк, проведенные партизанами 18—29 января, насторожили гитлеровцев, и они усилили интенсивность шоссейных перевозок. Железнодорожный транспорт был чрезвычайно перегружен: с запада на восток гнали эшелоны с живой силой и военной техникой, на запад шла эвакуация административного аппарата, увозили имущество и оборудование предприятий. Немцы вывезли даже спичечную фабрику из Пинска.

Опасаясь партизан, фашисты усилили военизированные группы железнодорожников. Восстановительные и ремонтные работы охранял бронепоезд. Вдоль железнодорожной магистрали Брест — Москва, Брест — Бобруйск фашисты возводили дзоты, создавали минные

поля, вкапывали в землю вышедшие из строя танки, используя их как огневые точки. Разведчики сообщили, что по обеим сторонам полотна фашисты вырубают леса.

Но и на шоссе не было фашистам покоя. Был у нас в соединении командир батальона Тютерев. Он заслуженно считался мастером неожиданных налетов и засад. Как-то раз он успешно выполнил задание командования, захватив семь машин, принадлежащих транспортному объединению. Они везли обмундирование в Ровно для 4-й танковой армии. Шоферы показали, что шестнадцать пятитонных автомашин марки «Берлин» этого же объединения транспортируют снаряды для 19-й танковой дивизии, действующей в районе Житомира.

...Давно наступила полночь. Составлена радиограмма для передачи на Большую землю. Но нам со Стрельцовым еще надо поработать. Почему гитлеровцы переполошились и спешно эвакуируют за Буг все, что можно вывезти? Где проходит сейчас линия фронта? Не окажемся ли мы позади Красной Армии?

На стол легла топографическая карта.

В январские дни 1944 года, когда партизанское соединение приближалось к Бугу, 3-й батальон под командованием Петра Брайко совершил рейд на юг в район Броды.

Военная судьба свела меня с Петром Брайко в 1942 году в партизанском соединении Ковпака. Тогда он был начальником штаба Кролевецкого отряда, а я — начальником штаба Шалыгинского.

В соединении Брайко был одним из наиболее подготовленных в военном отношении офицеров. Впервые я наблюдал за ним в бою во время рейда на правый берег Днепра. В низине между гор раскинулось местечко Юровичи, здесь остановился Шалыгинский отряд. Кролевецкий отряд находился в арьергарде и отбивал упорные атаки гитлеровцев. Если бы не выдержали кролевчане, то положение шалыгинцев могло оказаться трагическим.

Приехав в расположение Кролевецкого отряда, я застал Брайко на командном пункте в каком-то заброшенном сарае. Он спокойно и умело руководил боем.

Гитлеровцы отступали, и я спокойно возвратился в расположение своего отряда.

Прошло более года, и мы снова оказались рядом с Петром Брайко.

Рейд в район Броды вызывал у Брайко тяжелые воспоминания. После окончания пограничного училища имени Менжинского в 1940 году он был направлен в Броды в 16-й мотострелковый полк. Здесь Брайко получил первое боевое крещение.

Рейд отряда Брайко имел важное значение: в результате его были получены данные о характере эшелонированной обороны 4-й танковой армии.

Нужно было торопиться за Буг. В Забужье была послана дальняя разведка, возглавляемая Семченком. Разведчики скрытно переправились через Буг и побывали на территории Польши.

— Все зроблено, як треба, — докладывал Семен.

— Доложите более подробно, — попросил я.

— Место форсирования Буга найдено, — продолжал докладывать Семен, — восточнее деревни Фусов.

— А каково положение в Польше? Какие силы там действуют? Кто именно объединяет поляков?

Семченоч помолчал, а затем буркнул:

— Не знаю. Поймите, товарищ майор, на советской территории мне все было ясно, один враг — фашисты, ну и бей их. Другое дело в Польше. Мне трудно разобраться. Одним словом — политика.

После некоторого раздумья Семченоч уже спокойно добавил:

— В Забужье мы встретили людей, которые называют себя представителями АЛ, АК и еще какого-то НСЗ. Вот и пойми, кто из них против кого борется? Больше того, около местечка Руды-Ружковецкой нас внезапно обстреляли... Не фашисты!..

...Вот и Западный Буг. Подошли к восточному берегу реки и расположились в маленьком хуторе. Это была наша последняя остановка на территории Украины. Дальше — Польша.

Тихая зимняя ночь. На том берегу хорошо видно большое село. Из донесений разведки известно, что в селе располагается гарнизон оккупантов и полицаев численностью до восьмидесяти человек.

Разведчики и кавэскадрон пошли в обход. На войне, пожалуй, самое неприятное — это ожидание боя.

Время шло, а ни один выстрел не нарушил тишину ночи. Командир соединения Петр Петрович Вершигора ходил из угла в угол маленькой деревенской хаты и время от времени спрашивал:

— Как ты думаешь, почему они молчат?

— Наши ребята ждут, пока полицаи попрощаются с женами, а гитлеровцы выпрашивают у всевышнего победу над советскими партизанами, — шуткой ответил я, хотя на душе кошки скребли.

Время тянулось долго. Мы вступали на территорию Польши, чтобы выполнить интернациональный долг, помочь польскому народу в борьбе с гитлеровцами. Какие военные формирования действуют там, кто будет нашим союзником, а кто врагом?

НА ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

...По льду на полном галопе к нам мчался всадник. Им оказался разведчик опергруппы Ваня Плаксин.

— Путь свободен. Доблестные войска фюрера бежали, оставив на наше попечение довольно угрюмых, но в основном хорошеньких монашек, — доложил Ваня.

Последовала команда «по коням». Лошади рванули с места, и вскоре мы въехали в первую польскую деревню.

Захожу в дом. За столом сидят наш переводчик Брун, разведчики Турвиц, Рыбалко, Бреславский и Сапожников. Две монашки средних лет приглашают к столу. Хозяин дома, поглядывая на монашек, поставил на стол большущий кувшин какой-то хмельной браги.

— Бражка хорошая, — сказал Рыбалко хозяину, — но служба идет. Оставим выпивку до победы.

Тогда на стол подали молоко, творог, картофель и капусту. Одна из монашек, перекрестившись, сказала, что сегодня грешно есть скоромное, ибо начинается постная неделя, но солдатам бог все прощает.

Отказ ребят пить спиртное не был случайным. Мы свято хранили традиции Руднева и Ковпака — воевать

разумно, с трезвой головой и чистой совестью. На пути нашего отряда оказалось много спиртных заводов, и не одну сотню тонн чистого спирта партизаны выпустили в землю. Никто не имел права оставить у себя хотя бы бутылку. Исключение составляла только санитарная часть.

...После форсирования Буга соединение постепенно втягивалось в полосу упорных боев.

11 февраля 1944 года партизаны с боем форсировали железную дорогу Ярослав — Рава-Русская. Штаб, разведроты и кавэскадрон разместились в селе Брусно Старе.

На улице партизаны собрались в кружок, звучала старинная песня:

Говорили тары-бары.
В село въехали гусары.
Все красавцы усачи,
Впереди их трубачи.

Молчаливый командир отделения разведчиков Николай Бреславский сказал:

— Не стерпела душа, на простор пошла!

К поющим подходила местная молодежь. Начались игры и танцы. С приятным удивлением слышали мы нашу «Катюшу». Оказывается, эта песня еще до войны перемахнула границу и стала известна здесь.

В окружении партизан, польских ребят и девушек стоял разведчик Даниил Жарко и играл на двухрядной гармошке. Расталкивая людей, к Жарко подошел пожилой поляк с большим футляром в руках.

— Поиграй, сынок, вот на этом инструменте. Это баян моего сына, он там у вас, в России, в Войске Польском. Говорят, там целая наша армия.

Бережно взяв баян, Жарко сказал:

— Спасибо, отец, но играть на морозе на таком хорошем баяне жаль, испортить можно. Возвратится ваш сын и скажет: «Русский — плохой музыкант, раз не умеет ценить хорошие инструменты».

Хозяин пригласил нас в дом. Две комнаты и кухня были заполнены народом. Даник, так звали Даниила Жарко ребята, исполнил попури из украинских народных песен, и вдруг их сменила удивительно красивая торжественная мелодия.

— Что это?

— Чайковский, — сказал Жарко.

Перевалило за полночь, а молодежь не расходилась. Даниил играл и играл. Он страстно любил музыку. Я знал, что до войны Даниил работал учителем математики в сельской школе на Днепропетровщине. Рассказывал он мне о своем отце, Игнате Андреевиче, который сражался во время гражданской войны в рядах Украинского коммунистического полка. Война сделала из школьного учителя и музыканта лихого разведчика. Он был не только бесстрашен и умен в разведке, но обладал и еще одним, немаловажным качеством — умел убеждать в правоте своего дела. И, глядя на Даниила, я не раз вспоминал слова своего первого учителя, старого чекиста Писклина: разведчик должен быть интересным человеком, уметь не только слушать, но и говорить, ему надо знать психологию людей, чтобы отличить врага от человека обманутого, заблуждающегося или просто еще не определившегося, с кем он.

Много людей встретилось нам во время этого рейда, о всех не расскажешь. Но о некоторых мне хочется все-таки поведать читателю.

После капитуляции Польши людям, не обладавшим глубоким чувством патриотизма и не верившим в силу своего народа, казалось, что Польша надолго погрузилась во мрак фашистского ига.

Генерал дивизии Кутшеба от имени армии «Варшава» подписал акт о капитуляции, гитлеровцы, упоенные успехом, торжествовали, а народ Польши и не думал капитулировать, он готовился к новой борьбе. Акт о капитуляции подписан от имени армии «Варшава», а где эта армия? Что она полностью капитулировала, сложила оружие? Нет.

На лесной поляне в 20 километрах юго-восточнее Варшавы построен стрелковый батальон, который оказался отрезанным от своей дивизии. Перед солдатами выступил капитан. Его речь была краткой.

— Польша вынуждена была капитулировать, но польский народ не побежден. Здесь все наше родное, и мы не сложим оружие до тех пор, пока не выгоним фашистов с нашей земли.

Желающим была предоставлена возможность сдать

оружие и разойтись по домам. Но таких не оказалось.

Батальон в полном составе решил пробиваться в Билгорайские леса и продолжать борьбу. Здесь оказалось человек двадцать гражданских лиц, работавших по укреплению оборонных рубежей. Был среди них Вацлав Борц, сотрудник отдела снабжения польской армии. До войны он занимался коммерцией в Варшаве и был связан с торговым обществом, имевшим свои филиалы в Люблине, Бресте и Билгорае. После бомбежек гитлеровской авиацией Варшавы торговое общество потеряло все. Оставалась надежда на Люблин, где ловкий и опытный компаньон мог сохранить какую-то часть товаров. К нему и направился Вацлав Борц. Встреча с компаньоном огорчила. Спрятанных товаров хватило бы лишь на мелкую торговлю. Но и на это нужно было получить разрешение властей. Вацлав растерялся.

В начале 1940 года его познакомили с человеком, который мог достать такое разрешение. Разговор был не совсем обычным:

— Получить разрешение поможем. Будешь по-прежнему торговать. Ты нам нужен.

— Кому это вам?— задал вопрос Борц.

— Лучше,— сказал новый знакомый,— если ты спросишь — для чего нужен?

— И об этом спрошу.

— Ты нам нужен для борьбы за новую Польшу,— пояснил собеседник.— Для создания Польского государства, которое никогда не будет разменной монетой в игре западных держав.

Борц задумался. Перед ним возникли картины боя, свидетелем которого он был. Защитники Варшавы с автоматами и винтовками бросались на танки генерала Клюге. Это был не бой, а избиение храбрых польских воинов. Пять гитлеровских танковых дивизий, поддержанные пехотой и авиацией, обрушились тогда на Польшу.

Вацлав подумал и согласился.

Заручившись рекомендательным письмом, он выехал в Варшаву. В конце февраля 1940 года Вацлав возвратился в Люблин, имея разрешение на открытие торговли. Он стал владельцем небольшого магазина в одной из деревень на перекрестке шоссе дорог Люблин — Красик и Люблин — Билгорай.

К моменту нашего появления в Польше дела у Борца шли хорошо. Старые торговые связи давали ему возможность доставать довольно широкий ассортимент товаров. В его лавочке можно было купить не только сигареты, мыло и другие мелочи, но даже такие дефицитные товары, как кожаные пальто или сапоги. Гитлеровцы втайне от начальства охотно меняли оружие на эти вещи.

В магазине Борца бывали командиры отрядов Армии Крайовой¹, Батальонов хлопских (Крестьянские батальоны) и даже вожаки таких профашистских формирований, как Народове силы збройне (НСЗ).

Жители деревни с уважением относились к Вацлаву, власти считали его лояльным. Вежливый и энергичный хозяин старался ладить со всеми. Каждый посетитель считал его своим. Но оружие и медикаменты доставались только тем патриотам, которые на самом деле активно боролись против гитлеровцев. Паломничество к Вацлаву людей разных политических направлений можно было с успехом использовать и для нашей разведывательной работы.

Нас с Борцем познакомил командир Батальонов хлопских — Кендра. Вацлав был удивлен нашим появлением:

— Вот холера ясна!

Мы еще не знали тогда, что «холера ясна» — универсальная фраза Вацлава. Она имела десятки значений и употреблялась во всех случаях жизни. Но в конце концов нашлись у него и другие слова:

— Это большая удача иметь своим союзником советских партизан, — сказал он.

Так началось наше сотрудничество и дружба с Вацлавом. Мы прочно обосновались в его доме.

Я бывал в деревне лишь в случае крайней необходимости. Чаще появлялся у Вацлава Семен, имевший документ сотрудника «службы безпеки» украинских националистов, действовавших в районе села Кукурики вблизи Владимира-Вольнска. Постоянно жил там под видом племянника Николай Турвиц. Николай хорошо

---

¹ Армия Крайова — самое большое по своей численности военное формирование подпольного сопротивления в Польше. Создано в феврале 1942 года. Оно подчинялось эмигрантскому правительству в Лондоне.

владел польским языком, помогал хозяину в торговых делах и никаких подозрений у властей не вызывал.

Вацлав с жаром взялся за работу.

— Ко мне ходит много народа среди бела дня и тайком,— сказал он,— приходят за сигаретами, заглядывают и те, кто приносит для продажи табак или сигареты. Ваше появление у меня подозрений не вызовет.

Мы посоветовали Вацлаву отказаться от покупки и продажи товаров, добываемых «любыми путями», так как это могло привести к неприятностям.

Все-таки мы проверили, прочна ли крыша Вацлава.

Проверка показала, что Борц у гестапо находился вне подозрений. Да и наши польские друзья его характеризовали так: «Типичный спекулянт, политика его не интересует. Ему все равно, какая власть, лишь бы можно было торговать. Он далек от политики и всяких военных дел».

Такая характеристика нас вполне устраивала.

Продолжительная стоянка партизанского соединения в большом селе Боровец Люблинского воеводства способствовала работе оперативной группы. Отсюда тянулись невидимые нити к интересующим нас объектам. Успешно работала конспиративная квартира под Люблином, хозяином которой был тот же пан Вацлав.

Боровец командование соединения выбрало не случайно. Окруженное лесом, село стояло в стороне от железных и шоссейных дорог. На западе от него город Тарногруд, окруженный плотным кольцом сел и деревень. Шоссейная дорога связывала Тарногруд с городами Ярославом и Билгораем. На север от Боровца лежал город Билгорай. Там скрещивались шоссейные и железнодорожные магистрали. Они расходились: на северо-восток — к Люблину и далее на Варшаву. На юге дорожные магистрали связывали ряд таких крупных населенных пунктов — Жешов, Ярослав, Перемышль, Улянув, Рава-Русская и другие.

Но это было лишь видимое спокойствие.

Вокруг Боровца начала кружить какая-то немецкая часть. От боя она уклонялась, что-то выжидала. 16 февраля эта часть расположилась в селе Домостав.

Плаксин, Павлюченко, Жарко и Зубков получили задание достать «языка». Разведчики захватили ефрейтора и полицаю, командира взвода Якова Туренчика.

— Редкий случай, чтобы фашист подчинялся нацио-

налисту, — сказал я. — По-видимому, Туренчик кровавыми делами доказал свою преданность гитлеровцам. Давайте его сюда!

Туренчик на самом деле оказался злобным врагом. Он командовал взводом в команде «Таузенд фюнф-109», действовавшей под руководством СД.

Это был здоровый тридцатилетний мужик. Он чувствовал себя спокойно и без принуждения пошел на откровенный разговор. Сын крупного кулака и сельского торговца, он в 1930 году вместе с семьей был выслан в Нарым. Его отец создал там террористическую группу, готовившую побег. За убийство сотрудника комендатуры отца расстреляли. Сын из Нарыма бежал и по подложным документам устроился на работу в Минске. В начале войны он был мобилизован в армию, но остался в Минске и в первые же дни оккупации предложил фашистам свои услуги. Даже из его «скромных» показаний было ясно, что он беспощадно уничтожал советских людей. На вопрос, что побудило его стать предателем и палачом, Туренчик, не задумываясь, ответил:

— Я имел все, что хотел. Люди работали на мою семью и были рады, что не дошли с голоду, а в Нарыме я вынужден был сам добывать себе кусок хлеба, лазить на кедры и сбивать шишки. Я хотел мстить, слышите, только мстить тем, кто лишил меня счастья, сделал ничем.

— Кому же теперь вы мстите? — спокойно спросил я.

Туренчик зло посмотрел на нас, его глаза налились кровью. Он долго молчал. Мы ждали.

— Долго мне пришлось терпеть, чтобы хоть в какой-то степени свести счеты с вами. И вот конец. Какой нелепый конец!

Монолог этот Туренчик закончил истерикой. Даниил Жарко не выдержал, шагнул к предателю:

— Сволочь, подлец! Вы только посмотрите. Он плачет, потому что ему не удастся дальше убивать наших людей.

Выпив воды и закулив, Туренчик успокоился.

— Что вы от меня хотите?

— Каковы цели вашей команды? Почему она избегает боя?

— Нам поручили следить за вами. Нас всего двести

пятьдесят человек. О вашем пребывании известно Берлину. Там убеждены, что это крупное партизанское соединение, наполовину состоящее из бойцов и офицеров Красной Армии. Против вас готовится акция.

И с каким-то особым удовольствием Туренчик добавил:

— Что бы вы ни делали, вас всех обязательно перебьют.

Откуда такая осведомленность у простого командира взвода? Оказывается, в Люблине перед отправкой команды на задание перед офицерским составом выступал штандартенфюрер СС. Туренчик не без гордости заявил, что он сам одновременно является и следователем СД.

Немец подтвердил показания Туренчика. Мы понимали, в чем дело. Вся наша оперативная группа была одета в военную форму. Разведчики переодевались в гражданскую одежду, лишь когда шли на выполнение заданий. Именно поэтому в оперативной сводке штаба германских вооруженных сил говорилось: «Сильные, хорошо вооруженные, крупные соединения советских партизан, подкрепляемые армейскими подразделениями, проникли на территорию генерал-губернаторства».

Сведения Туренчика подкреплялись материалами нашей разведки. Все говорило о том, что в ближайшие дни гитлеровцы предпримут против нас серьезную акцию.

А на другой день произошло еще одно важное событие, ускорившее наш выход из Боровца.

Рано утром от Семена Стрельцова прибыл усталый и забрызганный грязью Турвиц, связной Вацлава Боровца. В донесении, которое он принес, указывалось, что гитлеровцы готовят массированную бомбежку Боровца. Это сообщение поступило от Адама и заслуживало доверия.

Немного отвлекусь, чтобы рассказать, кто такой Адам. Однажды к пану Вацлаву зашел купить сигарет и выпить кружку самодельного пива поляк — фольксдойч Адам. Он повредил руку и, получив недельный отпуск, ехал повидать родственников. «Добрый» Вацлав угостил его обедом и кружкой пива. Адам рассказал, что он служит в Кракове в особом батальоне по охране правительственных зданий.

— Подфартило тебе, — позавидовал Вацлав, — такая почетная служба не каждому сейчас достается.

— Нет, брат, не почетная, а позорная,— с грустью сказал поляк.— Выгонят русские немцев, а как мне потом жить с поляками?..

Весь этот разговор я слушал, скрывшись в складе товаров, который от комнаты отделяла тесовая перегородка. «Нас с Вацлавом двое, Адам один, почему бы мне не рискнуть выйти».

Я вышел, поздоровался и отрекомендовался командиром советских партизан.

— Вы правильно рассуждаете,— сказал я Адаму,— и пока не поздно давайте вместе подумаем, что вам делать дальше?

Слова «командир советских партизан» потрясли Адама. Он побледнел и дрожащей рукой попытался расстегнуть кобуру пистолета. Я остановил его.

— Я к вам мирно, а вы сразу за оружие. Нехорошо. Давайте лучше выпьем пива и поговорим о деле.

— Вы уж простите меня за пистолет, это я с испугу,— откровенно сознался Адам.— До сих пор колени дрожат.

Выпить не пришлось. Наблюдавший за улицей Турвиц доложил, что слышен шум приближающихся автомашин. Мы ушли с Адамом в лес, там и договорились. Адам стал нашим верным помощником. Он не поехал в деревню, а возвратился в Краков выполнять наше задание.

17 февраля Адам сообщил, что в ближайшие два дня авиаполк, дислоцирующийся в районе Люблина, будет бомбить советских партизан.

— Командир этого полка,— сказал Адам Стрельцову,— запросил метеосводку погоды на два дня, вот ее копия.

Стрельцов поручил Турвицу доложить, что сообщения Адама подтверждены из Люблина Николаем.

— Надо уходить,— сказал Вершигора.— Фрицы педанты и действуют точно по приказу, раз машину запустили — будут бомбить.

18 февраля 1944 года соединение оставило Боровец, а спустя десять часов авиация противника начала бомбежку.

Почти десять дней не выходили мы из тяжелых боев. Фашисты направили против нас воинские подразделения, личный состав и вооружение которых в несколько раз превосходили наши силы. В самый разгар оже-

сточенных боев дивизия располагала всего лишь одной 76-миллиметровой пушкой, вторая подорвалась на мине на подступах к реке Сан. Погибли артиллеристы Виктор Морозов и Николай Амелин. Я дружил с этими ребятами и с их командиром Дегтевым. Вспоминается последняя встреча с ними. Уже темнело. Обозы дивизии двигались к Сану. Я стоял на обочине дороги, Морозов и Амелин сидели на лафете орудия и о чем-то беседовали. Заметив меня, они помахали руками, а через час их уже не стало.

ВСТРЕЧА СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ

Покинув Боровец, соединение миновало шоссе Билгорай — Ярослав и расположилось в селе Майдан Янувского повета.

Сюда прибыл Семен Стрельцов с Николаем из Люблина. Его работа с нами началась с первых же дней нашего пребывания на территории Польши.

Как это произошло?

Даниил Жарко, Ваня Сергиенко и Володя Павлюченко привели ко мне сорокапятилетнего человека.

— Вот яка справа, — сказал Сергиенко, — охвицера поймали, вин каже з Люблина, приехал до сестры.

Николай двадцать лет проработал в полиции Люблина. Довольно обширные связи, в том числе и с чиновниками Люблинского дистрикта, давали ему возможность быть в курсе многих событий. Николай был патриотом своей родины, давно уже связался с движением Сопротивления и оказывал ему немалые услуги. В беседе с нами он был откровенен, и мы договорились о совместной работе.

Еще до стоянки в Боровце мы дважды получали от Николая ценную информацию. И вот сейчас он вместе с Семеном Стрельцовым прибыл в Майдан, чтобы ре-

шить ряд вопросов. В Люблин с двумя следователями СД прибыл гестаповец Вернер Фельдман. Одни его называют штурмбанфюрером, другие — штандартенфюрером.

— Это важная фигура,— сказал Николай,— он занимается уголовными преступниками люблинской тюрьмы, собирается направить их к вам с заданием.

Для выполнения технической работы и отдельных поручений Фельдман привлек местных гестаповцев, в том числе знакомого Николая унтерштурмбанфюрера Ганса Рутке.

— Что больше всего любит Рутке?— спросил я.— Есть ли у него какая-то слабая сторона?

— Больше всего,— ответил Николай, улыбаясь,— он любит самого себя, деньги и шнапс.

— Скажет правду, если пообещать деньги?

— Нет. Деньги возьмет, но обязательно продаст. Убежденный нацист, к тому же мечтает заработать более высокое звание.

— Рутке вам доверяет?

— Да. Немало водки он выхлестал у меня.

— О вашей дружбе с ним кто-нибудь знает?

— Думаю, что нет. Рутке замкнут, к тому же ему невыгодно афишировать дружбу со мной, потому что я поляк, а он «чистокровный» ариец, да еще гестаповец.

Вдруг Стрельцов вспомнил:

— Вернер Фельдман! Да ведь это же наш старый знакомый! Помните, что рассказывал о нем Илларион Гудзенко?

Я вспомнил. Два года назад в Брянских лесах Гудзенко рассказал, что гестаповец Вернер Фельдман освободил из орловской тюрьмы уголовников и направил их к брянским партизанам.

— Ловко, сукины дети, придумали,— усмехаясь, говорил тогда Гудзенко.— Вывели на работу пятнадцать бандитов и устроили им побег. Среди них было пять агентов. Всех их партизаны разоблачили.

Семен был прав. Фельдман действительно оказался нашим старым знакомым. Это был серьезный и опасный противник.

— Ганса Рутке,— сказал я,— нужно выкрасть. Но только после того, как агентура Фельдмана покинет тюрьму. Иначе исчезновение Рутке насторожит Фельд-

мана, и он может использовать уголовников, о которых мы ничего не будем знать.

— Машину обеспечьте, — обратился я к Николаю, — шофер будет наш.

— Шофер и машина будут, — ответил Николай. — У меня есть человек, которому я доверяю.

Так возник план операции «Сон». После сытного обеда и выпивки у Николая Рутке любил часик поспать.

Выполнение операции поручили Володе Павлюченко, Ивану Сапожникову и Николаю Турвицу. Они находились на базе пана Вацлава и ждали связного от Николая.

...В день операции Рутке выпил больше обычного. Был особенно болтлив, жаловался, что путь к высокому званию в гестапо для него закрыт: там у начальства много любимчиков, а еще больше выскочек.

— Говорят, что я тупой, что нет у меня тонкого чутья, а что собою представляет Фельдман? Кого он посылает к партизанам?

— Меня это не интересует, — ответил Николай.

— Я тебя считаю другом, — продолжал Рутке, — мне не перед кем душу открыть. Уголовников посылает! В Германии мы их за людей не считаем. Грубо стали работать наши начальники. Не то, не то мы делаем...

Время шло. Усиливался февральский мороз, потрескивали за окнами деревья, Рутке продолжал «открывать душу». Оказывается, главная причина неудавшейся карьеры — какой-то родственник, находящийся за антигитлеровскую пропаганду в лагерях.

— Черт с ним, — со злобой выругался Рутке, — пусть сдыхает. Я никогда не изменю нацизму и великому фюреру.

Было около двенадцати, когда чекисты вошли в квартиру Николая. Рутке спал, а через полчаса Николай, используя свое служебное положение, проводил разведчиков за город.

21 февраля Рутке был доставлен в штаб партизанского соединения и рассказал все, что нам нужно было знать.

Из двадцати человек, направленных Фельдманом со специальным заданием, двенадцать мы знали по фамилии либо по приметам. Это были те, с которыми прямо

или косвенно соприкасался Рутке. Он сообщил, что к нам заслан квалифицированный агент, медик по профессии. Это все, что Рутке знал о нем.

Исчезновение Рутке не вызвало большого шума. Вероятно, Фельдман заподозрил в причастности к этому делу трех завербованных им уголовников, которые не пошли на задание, а обосновались в Люблине. Их арестовали и расстреляли.

Было ясно, что посланцы Фельдмана вот-вот появятся в дивизии. Стрельцов, Маслаченко и Пономаренко получили конкретные задания.

— Дело чести каждого из нас, — сказал я, — обезвредить агентуру Фельдмана.

Продвижение Красной Армии к западной границе, активизация борьбы польского народа против оккупантов, возросшее влияние Польской рабочей партии (ППР) вызвали резкую реакцию правых партий. Из разных источников мы получали данные о том, что на территории Польши действуют вооруженные отряды, сотрудничающие с гитлеровцами. Они ведут жестокую борьбу со всеми патриотами, а особенно с коммунистами.

Группа разведчиков под командованием Вани Плаксина в районе Лейно-Ожехув подверглась вооруженному нападению. Схватка была короткой. Упорное сопротивление оказал человек в форме польской армии. Точно выбрав место, он отбивался от разведчиков.

— Взять живым, — приказал Плаксин.

Последовало два выстрела. Ваня был легко ранен в правую руку, но продолжал отвлекать внимание поляка на себя. Иван Сапожников сзади подполз к врагу. Когда тот заметил Сапожникова, было уже поздно. Пленный оказался Станиславом Грюницким, поручиком польской армии, сыном торговца из Лодзи.

— Пока мы живы, все богатства страны, созданные нашими отцами и дедами, будут принадлежать нам, — заявил пленный.

Я спросил:

— Каким же образом вы думаете после войны завладеть этими богатствами?

Грюницкий, не задумываясь, ответил:

— Само собой разумеется, с помощью западных союзников.

— Вы имеете в виду тех, что за Ла-Маншем, за

океаном, или тех, которые сейчас топчут польскую землю?

— Это не имеет существенного значения.

— За что вы уничтожаете советских военнопленных, бежавших из фашистских лагерей?

— Мы уничтожаем не всех,— ответил Грюницкий,— некоторых отпускаем для того, чтобы они сказали своим, что русским в Польше делать нечего.

У Грюницкого были изъяты листовки, призывающие уничтожать польских коммунистов, бороться против армии Советов, содействовать гитлеровцам в победе над Красной Армией. Одна из листовок заканчивалась словами: «Только там, на западе, наши друзья и союзники. Только лишь они одни могут спасти Польшу от порабощения Советами».

Я смотрел на задержанного, стараясь понять, что творится у него в душе.

Мое спокойствие вывело Грюницкого из терпения.

— Что вы еще от меня хотите?— спросил он.

— Кого вы знаете из руководителей НСЗ?

— Если говорить откровенно, они меня мало интересовали. Знаю одного, он является автором листовок. Зовут его Юрист. Есть у него еще какая-то партийная кличка, но я ее не помню.

— Где дислоцируются ваши военные формирования?

На этот вопрос Грюницкий отказался отвечать.

— Тогда,— сказал я,— ответьте на последний вопрос, и больше мы вас не будем беспокоить. Можете ли вы дать письменное показание, когда и кого вы расстреляли из числа польских коммунистов и советских военнопленных?

— Это еще для чего?

— Чтобы иметь основание расстрелять вас. Не мы, а вы напали на наших разведчиков.

Грюницкий растерялся. Он клялся, что не принимал участия в расстрелах. Нервы его не выдержали. Он сообщил нам о военных формированиях, и впервые от него мы услышали о таких деятелях, как Зомб, Богдан и других.

— В январе 1944 года,— сказал Грюницкий,— я был командирован для связи к Зомбу. Передал послание от Юриста и получил ответ. Знаю, что речь шла об установлении контактов для совместной борьбы.

— Что же вызвало беспокойство реакции и заста-

вило активизировать все силы в борьбе против польского народа?

— Образование Крайовой рады народной¹, — сказал Грюницкий. — Это озлобило руководителей партии. Юрист заявил, что самозванное правительство должно быть уничтожено.

— Кто такой Юрист и где его постоянная резиденция? — спросил я.

— Он юрист по профессии, но имеет псевдоним Рафалов или Рафаилов, я точно не знаю. Его постоянное местопребывание мне неизвестно.

За несколько дней до захвата Грюницкого наши польские друзья принесли два экземпляра бюллетеня «Национальный демократ». Его содержание носило антисоветский характер, в нем безапелляционно говорилось о неизбежности войны поляков против Красной Армии. Там не было ни слова о борьбе с оккупантами, и мы решили, что бюллетень — очередная провокация аппарата Геббельса. Показали бюллетень Грюницкому, он признал его детищем Юриста.

Позже нам стало известно, что сорок советских партизан, перешедших Буг, были приглашены командованием НСЗ на переговоры и предательски уничтожены.

Допрос Грюницкого закончили поздно ночью.

Хозяин дома постелил мне на полу сено. Спать я не мог, долго ворочался с одного бока на другой. Было беспокойно. Нам предстояли встречи с представителями Армии Крайовой, польским военным формированием, подчиненным Лондону.

Материалы, которыми мы располагали, показывали, что эмигрантское правительство Миколайчика-Соснковского стремилось формировать настроение польского народа в желательном для себя националистическом и антисоветском духе, старалось предотвратить и задержать расслоение АК. Официальной идеологией эмигрантского правительства и Армии Крайовой была идеология «двух врагов» — гитлеровской Германии и Советского Союза. Об этом откровенно писалось во всех официальных изданиях АК, во всех пропагандист-

---

¹ Крайова рада народова — высший представительный орган демократических сил Польши. Создан 1 января 1944 года в Варшаве.

ских материалах. Мы об этой «теории» узнали из книжки некоего Марсея Орана. В ней подводился итог «традиционной» дружбы Польши с Западом и делался вывод, что в современной войне Польша имеет не одного, а двух врагов — Германию и Россию.

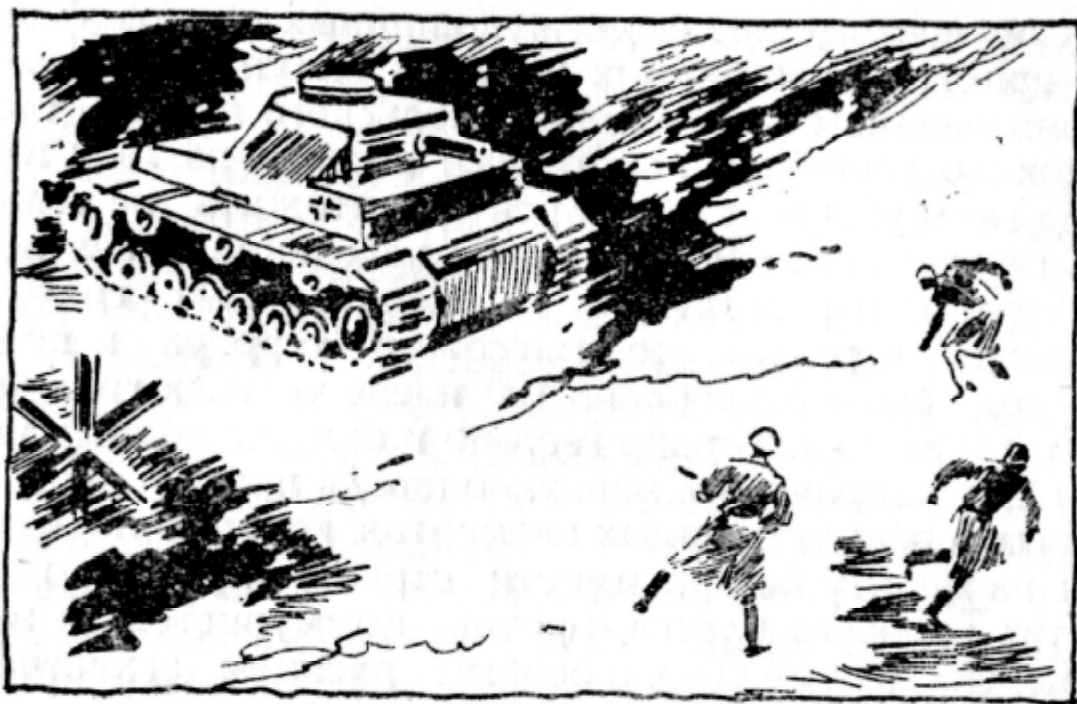
Еще в июле 1941 года официальный печатный орган АК — «Информационный бюллетень» приветствовал нападение гитлеровцев на Советский Союз, призывая господа бога к взаимному истреблению «двух врагов» Польши. А что изменилось за эти годы? Поляки своей кровью заплатили «за новый порядок». Среди офицеров, вероятно, есть немало настоящих патриотов, любящих свою родину и свой народ. Значит, наша задача состоит в том, чтобы устанавливать деловые связи с местными формированиями Армии Крайовой.

Сон окончательно покинул меня. Ворочаясь, я разбудил Стрельцова.

— Ты чего проснулся? — пробормотал он. — Страшный сон увидел?

— Исторический сон, — ответил я, — о том, как строить взаимоотношения с государством, на территории которого мы сейчас находимся...

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Не все, о чем рассказано в этой главе, было мне известно в те дни. Многие прояснились позднее.

28 сентября 1939 года в Варшаве генерал дивизии Тадеуш Кутшеба от имени командования армии «Варшава» подписал акт о капитуляции. После неравной борьбы Польша вынуждена была подписать унижительный документ, продиктованный ей гитлеровцами. С той поры Речь Посполитая как суверенное государство перестала существовать. Были ликвидированы все политические и общественные институты, установлена фашистская диктатура. Западную и северную части Польши с населением около десяти миллионов человек оккупанты присоединили к гитлеровскому рейху. На остальной части территории они создали генерал-губернаторство во главе с наместником Гитлера — Франком.

Вступая в исполнение своей должности, Ганс Франк заявил: «Отныне политическая роль польского народа закончена. Он объявляется рабочей силой, больше ничем... Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки само понятие Польша... Никогда не возродится Речь Посполитая или какое-либо иное польское государство»¹.

¹ «История Польши», т. 3, стр. 531—532.

К осуществлению своих чудовищных планов фашисты приступили с первых же дней оккупации. Начало организованного истребления польского народа было положено военными действиями в сентябре 1939 года, когда гитлеровцы стремились уничтожить не только регулярную армию, но и мирное население. В сентябре 1939 года они расстреляли 10 тысяч мирных граждан Быдгощи. В результате массового террора к концу 1939 года было истреблено 100 тысяч человек гражданского населения. Террор гестапо и оккупационных властей был направлен в первую очередь против прогрессивных и революционных элементов, которые поднимались на защиту независимости страны, прежде всего против рабочего класса, против коммунистов и всех левых сил. Кроме того, с особым рвением захватчики истребляли людей интеллектуального труда.

Но кровавый «новый порядок» не сломил свободолюбивого духа польского народа. Его борьба против гитлеровцев началась с первых дней оккупации.

Первоначальные выступления польских патриотов носили разрозненный и преимущественно стихийный характер. В 1939—1941 годах возникали антигитлеровские вооруженные отряды, состоявшие в основном из рабочих и крестьян. Главным центром народного сопротивления режиму германского деспотизма стала Варшава. В этих условиях остро ощущалась необходимость руководящей и направляющей силы — марксистско-ленинской партии, которая смогла бы возглавить трудящиеся массы и повести их к победе.

В декабре 1941 года группа коммунистов опубликовала декларацию, содержащую призыв ко всем демократическим силам страны объединиться и создать национальный фронт борьбы против оккупантов. В январе 1942 года в глубоком подполье была создана Польская рабочая партия (ППР). 15 января 1942 года ППР в воззвании «К рабочим, крестьянам и интеллигенции, ко всем польским патриотам» определила задачи рабочего класса и всех трудящихся Польши в их освободительной борьбе. ППР указывала, что СССР является классовым союзником польского народа в борьбе за свободу. Осуществляя свою программу, ППР приступила к организации вооруженных сил — Гвардии Людовой. Большинство членов ППР вошло в состав Гвардии Людовой.

В начале 1944 года состоялась моя первая встреча с членом Польской рабочей партии товарищем Чеславом (Гаюсь).

— Катастрофический разгром нашей армии в сентябре 1939 года,— говорил Чеслав,— массовое нашествие оккупантов, которые как саранча наводнили страну, произвело удручающее впечатление на польский народ. Нападение гитлеровцев на Советский Союз и быстрое продвижение к Москве сопровождалось шумной пропагандой. Казалось, Польша на долгие годы погрузилась в трясину фашистского мрака. Это был тяжелый период для нашей родины. Но теперь все это позади...

Товарищ Чеслав оказался очень интересным собеседником. Он совершенно четко представлял задачи борьбы польского народа за новую Польшу. Беседа с ним внесла ясность в расстановку политических и военных сил в оккупированной Польше. Нам было известно, что товарищ Чеслав был в составе делегации, которая ездил за Буг на связь с командиром партизанского соединения А. Ф. Федоровым. Брат Чеслава Стах (Станислав Гаюсь) командовал отрядом Гвардии Людовой.

Большим событием в жизни польского народа явилось создание в начале 1944 года Армии Людовой, куда как ядро вошла Гвардия Людова.

24 февраля 1944 года наше соединение уже дислоцировалось в селе Циосмы, что в десяти километрах западнее Билгорая.

В одной из соседних деревень разведчики встретили человека, который попросил познакомить его с командиром соединения Ковпаком. Ребята не стали преждевременно разочаровывать просителя и привели его ко мне. Им оказался весьма интересный и очень нужный нам человек, представитель ППР, поручик Земста (Месть).

О Земсте — Александре Скотницком — мы слышали много хорошего и сами искали встречи с ним.

До войны доцент Львовского университета, высоко эрудированный человек, он хорошо знал историю Польши, Украины и стран Восточной Европы. Во время войны он стал командиром отряда Армии Людовой, который базировался в районе деревень Меница-Гурки.

— В связи с наступлением Красной Армии, — сказал Земста, — обострились отношения между нами и правыми формированиями.

Земста был прав. Наше появление на территории Польши совпало с периодом резкого размежевания сил демократии и реакции.

С поручиком Земстой мы встречались дважды и вели продолжительные дружеские беседы. Они приносили обоюдную пользу. Было ясно, что польским коммунистам предстоит жестокая борьба не только против гитлеровцев, но и против внутренней реакции. Правительство пилсудчиков широко использовало все средства пропаганды для того, чтобы обработать польский народ в антисоветском духе. На оккупированной территории Польши действовали отряды АК под командованием Зомба (Здоновича), Леща (Скворчинского), Калины (Миркевича) и другие.

Расставаясь, Земста спросил:

— Если не секрет, скажите, где Ковпак?

Я ответил, что Ковпак остался лечиться на Большой земле, а командует соединением Вершигора.

Среди политических и военных сил в Польше важное место занимали военные формирования — БХ (Крестьянские батальоны). Организационно они были связаны с Армией Крайовой, опорой лондонского эмигрантского правительства. Но бездеятельность командиров этой армии разочаровала массы крестьянства. Они рвались на борьбу с оккупантами. Притягательной силой для них стала Гвардия Людова. Крестьянские батальоны принимали участие в боях вместе с ней.

Лидеры реакции понимали, что ППР представляет для них главную опасность, и делали все возможное, чтобы уменьшить ее влияние на польский народ. Вооруженные нападения и убийства из-за угла представителей ППР были нередким явлением.

Как-то наши разведчики Турвиц, Бреславский, Бережной и Плаксин, выполняя задание в районе деревень Лейно — Ожехув, встретили пропагандистов ППР, те собирали крестьян и проводили беседы, призывая к борьбе за новую Польшу. На одно из таких собраний совершила налет группа бандитов из НСЗ. Разведчики вступили в бой и помогли отбить нападение.

Несмотря на приказы из Лондона не вступать в активную борьбу с оккупантами и не помогать Красной Армии, некоторые командиры АК проявляли интерес к нашему соединению и посылали к нам своих представителей.

Начался период встреч, переговоров и приемов представителей различных польских вооруженных формирований.

Выполнение этой миссии командир партизанского соединения П. П. Вершигора поручил мне.

Мы внимательно относились ко всем, кто искал встречи с нами. Устанавливали боевые контакты с друзьями и действовали с ними совместно. Одновременно изучали тактику и методы борьбы врагов, которые делали все возможное, чтобы не допустить сотрудничества с нами командиров Крестьянских батальонов и других патриотических формирований.

В холодную февральскую ночь я прибыл на явку, расположенную в лесу, недалеко от Боровца. Сюда от Рыбалко, Семченка и Плаксина должны были поступить данные. Опаздывать к месту встречи было нельзя. Мы очень спешили. Лошади тяжело дышали, пена крупными хлопьями падала на землю. И приехали раньше времени.

Ваня Сергиенко и Володя Павлюченко разожгли костер. Мы оказались как бы в трубе. Высоко над нами сияли звезды. А темнота вокруг казалась еще гуще. К пяти утра собрались разведчики. Задание было выполнено успешно. Последними прибыли Семченок и его неразлучный друг Федя Тихонов.

— Разрешите доложить,— сказал Семченок,— задание выполнено. По дороге встретили фашистов и захватили у них два автомата и винтовку.

Нас интересовало местечко Улянув. Там происходило что-то необычное. Наши друзья-поляки сообщали, что туда прибыло какое-то начальство, в центре укрепляют здание и все держат в большом секрете. Это и было поручено разведать группе Семченка.

— Докладывайте,— сказал я.

— Жители Улянуба живут в большой тревоге. Прибыли новые люди, судя по всему, какие-то специалисты. Их возглавляет эсэсовец фон Брилинг. Завезено оборудование, вероятно, радиоаппаратура.

Я перебил:

— Для чего?

— Не знаю,— откровенно признался Семченко,— это нам не удалось установить.

Разведчик подобен опытной вышивальщице, которая на готовую канву постепенно наносит рисунок. Часто нити рвутся и путаются, завязываются узлами, а она терпеливо создает рисунок. Так и разведчик постепенно идет к намеченной цели, обдуманно и скрупулезно анализирует полученные материалы, сопоставляет факты и на их основании раскрывает замыслы врага.

Бывает и так: кажется, цель близка, но один неверный шаг — и все надо начинать сначала.

Немало усилий приложили наши разведчики, чтобы докопаться до истины, которую не сумели тогда выяснить Семченко и Тихонов. Оказалось, в Улянуве гитлеровцы создали станцию радиослужбы воздушного наблюдения, чтобы своевременно оповещать командование о появлении советских бомбардировщиков, летящих на Берлин. Сколько народу занято на станции, ее размещение, подходы к ней — это детально выяснили польские патриоты во главе с Владеком. Разгром гарнизона станции был поручен отряду Петра Брайко. Польские патриоты под командованием Владека приняли непосредственное участие в этой операции. Они показали себя храбрыми воинами. Узел был разгромлен.

Два важных сообщения поступили из Люблина: в Люблинском и Варшавском воеводствах активно действует делегатура, представляющая Лондонское эмигрантское правительство. Во втором сообщении указывалось, что в Билгорайских лесах сосредоточены крупные воинские части Армии Крайовой, командиры которых якобы твердо не определили своих политических позиций.

Через несколько дней разведчики Бреславский, Оникский, Зубков и Жарко в сопровождении польских патриотов пошли в Билгорайские леса. Им было поручено узнать, что это за формирования, и заинтересовать командный состав АК, подтолкнуть его на встречу с нами.

Надо сказать, что появление партизан на территории Польши вызвало большой интерес у польского народа. Одни утверждали, что мы привезли письма к родственникам от солдат Войска Польского, действующего на советском фронте, другие говорили, что среди партизан есть солдаты этой армии, третьи были убеждены, что советские партизаны прибыли в Польшу для выполнения особо важного задания.

Командиров АК жгуче интересовало особо важное задание, которое мы якобы получили.

Зомб (Здонович) во время встречи с нами спросил:

— Говорят, что вы прибыли сюда с каким-то особым заданием. Это верно?

— Да, это соответствует действительности.

— Если не секрет, то, может быть, вы будете настолько любезны, что раскроете нам содержание этого задания?

Нашего ответа Зомб ждал с нетерпением.

И надо было видеть его кислую физиономию, когда мы ответили:

— Задание действительно важное и не содержит никакого секрета. Советские партизаны пришли сюда для того, чтобы выполнить свой интернациональный долг — помочь польскому народу бить гитлеровских оккупантов.

Зомб разозлился. Он не встал, а прямо-таки сорвался со стула. Ох, как ему хотелось услышать, что мы собираемся установить в Польше Советскую власть! Не придя ни к какому соглашению с нами, Зомб удалился.

Но не все командиры отрядов Армии Крайовой были настроены так, как Зомб. Многие офицеры хоть и не активизировали борьбу с оккупантами, но и к советским партизанам не проявляли враждебных действий. На встречу с нами они шли охотно.

Дня через четыре после встречи с Зомбом к нам прибыла группа офицеров АК во главе с командиром полка майором Адамом. До встречи с ними наша разведка хорошо поработала. При помощи польских друзей нам удалось получить сведения о командном составе отрядов АК, действующих поблизости.

Итак, с кем же нам предстояло иметь дело?

Адам (Станислав Прус) был командиром полка. Полк до войны дислоцировался в Замостье. Мечтой Пру-

са было министерское кресло в новом правительстве Польши.

Вацлав (Януш Прушковский) — заместитель командира полка. Больше всего на свете он мечтал о генеральском звании. Его должно было присвоить правительство Миколайчика. Он клялся, что никогда не признает новую Польшу и будет бороться против коммунистов до конца своих дней.

Норберт (Ян Туровский) — подпоручик, командир батальона.

Особое положение занимал поручик Гром (Эдуард Плашчак). Он командовал отрядом, насчитывавшим до тысячи человек. Его отряд дислоцировался в Сольской пуще и входил в подчинение представителя Лондонского правительства майора Калины (Миркевича). Эмигрантское правительство отводило особую роль отряду Грома. Английские самолеты сбрасывали Грому вооружение, обмундирование, консервы, галеты и даже шоколад. Такое внимание, по-видимому, объяснялось еще и тем, что какие-то давние узы дружбы связывали семью Грома с Миколайчиком.

В полученной нами разведсводке указывалось, что среди руководства Армии Крайовой активно действует некий Лещ (Мечислав Скворчинский). Он осуществляет связь с радиостанцией «Ютшенка», работающей в Италии, и центральной радиостанцией «Варта» в Лондоне. То, что радиостанция действовала в Лондоне или каком-то другом месте Англии, — логично. Но радиостанция «Ютшенка» работает с территории Италии, страны гитлеровской коалиции. Почему? Эту загадку мы разрешили несколько позже.

Разгром союзниками армии Роммеля дал возможность англичанам создать базу связи в Италии, с аэродрома этой базы самолетами доставлялось вооружение и воинское снаряжение.

Ответственным за приемку этих грузов был Подкова (Кунцевич). Необходимость воздушного маршрута из Италии вызывалась тем, что в основном сбрасывали трофейное оружие. Эти сведения были доложены П. П. Вершигоре и его заместителю по политчасти — Н. А. Москаленко.

Таким образом, к приему посланцев АК мы были подготовлены.

Вместе со Стрельцовым мы еще раз взвесили все

«за» и «против» и в зависимости от поведения аковцев разработали несколько вариантов.

— Чего они от нас хотят? — спросил Семен и сам же ответил:— Прежде всего им хочется узнать, зачем мы на территории Польши, разведать, кто мы? И, наконец, они предполагают найти какое-то слабое место в наших позициях.

— Думаю, что ты прав,— ответил я.— Но еще им важно сообщить о встрече с нами в Лондон. А мы будем «тянуть» их на совместные крупные операции против гитлеровцев.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне поручено предложить им разгромить совместно гарнизон Билгорая или Замостья.

Выслав вперед офицера связи, представители Армии Крайовой во главе с Адамом прибыли на встречу.

Новые военные костюмы, ярко начищенные офицерские сапоги, а мы были в потрепанных фуфайках и ватных брюках...

Наша беседа была продолжительной и носила деловой характер.

Вацлав заявил:

— Ваши военные операции против нашего общего врага — гитлеровцев — мы полностью одобряем.

Но, делая такое заявление, они находили десятки предлогов, чтобы отказаться от совместных действий. Во время беседы работник нашего штаба Новиков принес только что обработанную разведсводку, в которой указывалось:

«В местечке Любачев, южнее Цешанува, находятся 150 фашистов, вооружение: винтовки, 10—12 автоматов и 2 ручных пулемета. В местечке Олещице дислоцируется гарнизон полиции и немцев — 200 человек. Основное вооружение — винтовки. Занимаются пьянством и мародерством. Были случаи изнасилований. Местное население настроено враждебно. По дороге, проходящей через Волю-Общанску, Руду-Ружанецку, что юго-западнее Боровца и южнее Тарногруда, начиная с 14 февраля на повозках курсируют гитлеровцы (100—110 человек). Они систематически заезжают в деревни и занимаются заготовками продовольствия».

Мы дали нашим гостям прочитать разведсводку. Она поставила их в затруднительное положение. Фашисты грабят, насиуют и чувствуют себя довольно свободно.

Майор Адам согласился, что надо уничтожать гитлеровцев, но заявил:

— У нас нет оружия, они во много раз сильнее.

Мы знали, что подразделение, которым командует майор, вооружено хорошо, но надо было отвести и этот довод, а потому я предложил:

— Давайте заключать джентльменское соглашение. Наша цель одна — бить фашистов. Мы дадим вам трофейное оружие.

Тогда майор Адам заявил:

— Видите ли, этот вопрос требует более детального обсуждения. Практика показала, что немцы за одного убитого нами расстреливают сотни поляков. Фашистам надо готовить «концентрированный удар». Мы должны посоветоваться, согласовать...

Говорить с ним о совместном проведении каких-то крупных акций дальше не было смысла.

В конце беседы один из офицеров свиты майора заявил:

— Мы высоко ценим ваши боевые операции и рассматриваем вас, как своих союзников, но ваше пребывание на территории Польши обостряет наши отношения с отрядами Армии Людовой.

Почему же наши взаимоотношения с представителями Армии Людовой и БХ беспокоили офицеров АК?

Совместная борьба советских и польских партизан против фашистов укрепляла среди польского народа авторитет ППР и руководимой ею Армии Людовой. Борьба советских и польских партизан укрепляла дружбу двух народов и ориентировала польский народ не на Запад, а на Восток, отзывалась в сердцах рядовых бойцов Армии Крайовой. Они рвались к активной борьбе. Рядовой солдат АК не хотел спокойно относиться к тому, как фашисты терзают его родину. Командиры АК уже не могли пренебрегать боевым настроением бойцов. Они понимали, что легко могут стать «генералами» без войска: солдаты уйдут к тем, кто активно борется против оккупантов.

— Мы подумаем над вашим предложением,— заключил беседу Адам и попросил разрешения еще раз встретиться с нами.

Расставаясь, Вацлав сказал:

— Вся беда состоит в том, что в наших отношениях много теневых сторон.

Вступать в спор не было смысла. Нам не оставалось ничего другого, как ответить на это шуткой:

— Пан Вацлав, все имеет теневые стороны, как сказал человек, когда у него умерла теща и потребовались деньги на похороны...

Мы расстались.

Из группы Армии Крайовой нам запомнился молодой офицер, представленный как Подкова. Он молчал, но говорили его глаза. Проницательные и умные глаза его очень остро реагировали на беседу. Когда Адам сказал, что у них нет оружия, в глазах Подковы мы заметили насмешку. Они стали хмурыми, когда Адам отказался от совместных действий.

Спустя сутки после этой встречи Подкова прибыл к нам в сопровождении небольшой группы бойцов. Он долго приглядывался к нашим людям, задавал вопросы, интересовался положением на фронте.

В это время произошло событие, которое заинтересовало Подкову и подтолкнуло его к сотрудничеству с нами.

Разведчики опергруппы — Плаксин, Павлюченко, Оникий и Рыбалко — захватили «языка». Старший писарь мотострелкового батальона вместе с двумя жандармами рискнул на сутки покинуть батальон, дислоцировавшийся в Руда-Ружанецкой, чтобы заняться грабежом в соседних селах.

Здесь их и захватили разведчики. Награбленное возвратили крестьянам.

Из района Руды-Ружанецкой нужно было пленного доставить в Боровец, но как? Возвратиться, не выполнив задания, разведчики не могли. Было принято решение, что его будет сопровождать Ваня Плаксин. Оставшиеся втроем разведчики должны были выполнить задание.

Гитлеровцы из Люблина, Замостья и Билгорая стягивали крупные силы в район Руды-Ружанецкой. Для чего? Намерены ли они двинуть эти силы против нас или преградят нам путь к реке Сан?

Плаксин конвоировал пленного, применив давно известный метод: пуговицы брюк были отрезаны, и главной заботой пленного теперь было не потерять штаны.

День застал их на полпути. Дальше идти было нель-

зя. Свернули в лес. Крупными хлопьями падал снег. Передневали, а с наступлением темноты добрались до отряда.

— Не знаю, умышленно или нет, немец все время старался уснуть,— рассказывал Ваня впоследствии.— Я не давал, боялся, что замерзнет.

Писарь оказался осведомленным человеком. Он сказал, что батальон жандармерии был маневренной воинской единицей и его часто перебрасывали в разные места. Основной обязанностью его было обеспечить безопасность движения по железнодорожной магистрали Львов—Варшава. Он подсказал нам, что одно из наиболее уязвимых мест этого маршрута — мост около станции Красностав.

Показания пленного и сведения возвратившихся разведчиков мы показали Подкове. Прочитав внимательно, он сказал:

— Давайте «поднимем» вместе этот мостик. Мои хлопаки знают путь туда.

Сопровождавшие Подкову солдаты тем временем подружились с ковпаковцами, пришли местные жители, появилась гармонь и началась пляска. Я обратил внимание Подковы на эту сцену:

— Вот видите, пан Подкова, они договорились о совместных действиях значительно быстрее нас.

Я доложил о предложении Подковы командиру соединения П. Вершигоре и его заместителю Н. Москаленко. Разработанный план был утвержден. Создали совместную группу подрывников, которую возглавил мастер подрывного дела Володя Дубиллер.

В состав группы подрывников вошло два боевых друга — рабочий из Калининской области Николай Лебедев и вологодский колхозник Александр Горин. Группу подрывников сопровождали автоматчики под командованием командира отделения Степана Бокарева. Наши ребята и бойцы Подковы действовали дружно. Это была тяжелая операция. Из села Боровец прямо на север надо было прошагать сто тридцать километров. Предстояло двигаться вблизи Замостья, Билгорая и других крупных населенных пунктов, где находились большие немецкие гарнизоны.

Важная роль в обеспечении безопасности пути принадлежала Подкове и его группе. Приходилось искать окольные пути, останавливаться в селах. Поль-

ские крестьяне оказывали группе теплый прием и охотно давали проводников. На подходе к железнодорожному мосту в деревне Лятычи бойцы Подковы связались с железнодорожником, который провел подрывников к мосту.

19 февраля мост был взорван, железнодорожная магистраль Львов—Варшава была выведена из строя на 28 суток.

Это была большая победа партизан и польских патриотов. Успеху операции в немалой мере способствовали разведчики опергруппы. После операции состоялся митинг. Командиру польского отряда Подкове от имени командования соединения был подарен автомат с надписью «В честь боевой дружбы польского и советского народов от ковпаковцев». На митинг собрались крестьяне, польские и советские партизаны. Местные жители поздравляли Подкову и желали ему успеха в дальнейшей борьбе с оккупантами.

Мы пытались вызвать Подкову на откровенный разговор, но он либо молчал, либо отшучивался.

При подготовке операции по подрыву моста пострадал Ваня Плаксин. Пленный вымотал его, сутки без сна и холод дали себя знать. Ваня заболел. В разведку мы его не пустили, предложили отдохнуть. Мы разместились в большом крестьянском доме. Горела керосиновая лампа, в печке потрескивали дрова. Я разбираю донесения разведки, разложив на столе топографическую карту. «Канцлер-казначей» Казаченко, так в шутку звали его бойцы опергруппы, подводил итог. Наш «коммерсант» Стрельцов в Люблине «проторговался» и просил подкрепления. На лавке около печки сидел грустный Плаксин. У сына хозяина оказалась старая, потрепанная гитара. Ваня не умел играть, он тихонько трогал то одну, то другую струну, издававшую то минорный, то какой-то мажорный звук. Каждый раз, потрогав струну, он ждал, пока звук, вибрируя, расплывался по комнате. Как видно, в его душе бурлили какие-то воспоминания. Наблюдая за Плаксиным, я думал: «Знает ли он, что страна, на территории которой мы находимся, дала миру такие блистательные таланты, как Генрих Венявский, Фредерик Шопен, творчество которых пылало жаром любви к Родине, стремлением к свободе и человечности. Михаил Огинский, участник восстания под командованием Костюшко, ав-

тор знаменитого полонеза «Прощание с родиной». Сила музыки этих композиторов состоит в том, что она общечеловечна, чужда мелочей и частных; она учит мужеству. В свой полонез «Прощание с родиной» Огинский вложил большую скорбь души, оплакивая поражение восстания и гибель друзей.

— О чем грустишь, Ваня?— спросил я.

— О жизни думаю. Что-то у меня не получается. В детстве мечтал стать трактористом, не получилось, когда подрос, рвался в летную школу, не вышло. Полюбил девушку, хотел жениться, война помешала.

Он достал фотокарточку и, передавая ее мне, сказал:

— Вот это та самая девушка, на которой я хотел жениться.

Совсем еще юная русская красавица смотрела на меня: открытое лицо, волнистые волосы, нежный, задумчивый взгляд. В руках она держала большую гроздь винограда. На обороте фотографии было написано: «Ваня! Люблю. Всегда и везде вместе».

Казаченко уже давно спал, а мы все разговаривали. Пора было спать, и я сказал:

— Когда человек думает о жизни в двадцать лет, за него можно не беспокоиться.

Не знал я тогда, что через два месяца Ваня погибнет и вечно останется в моей памяти двадцатилетним.

ЗОМБ ПОЯВИЛСЯ СНОВА

Наши бои с гитлеровцами, разгром их гарнизонов и подрыв коммуникаций усилили беспокойство представителей Лондонского правительства. Майор Зомб (Здонович) прислал своего подофицера и через него попросил разрешения встретиться с нами. Зомб был представителем Лондона. Он имел двустороннюю радиосвязь с Англией. Командование Армии Крайовой он считал почти красным, а профашистские НСЗ были его идеалом. Все это было нам хорошо известно, но мы решили все-таки еще раз встретиться с Зомбом.

Он прибыл в сопровождении поручика Яна Ойтеца. Беседа была короткой. Зомб дал понять, что Лондонское правительство интересуется нашим появлением в Польше. Мы повторили, что пришли в Польшу, чтобы помочь польскому народу бить немцев. Другие вопросы Зомба носили «специфический» характер, и отвечать на них мы не сочли возможным. Он производил впечатление прожженного политика и опытного разведчика, вел себя сдержанно, на наши вопросы давал уклончивые ответы.

Сопровождавший Зомба Ян Ойтец (Францишек Пжисенжняк) командовал отрядом в сто пятьдесят человек.

Отряд этот дислоцировался в двенадцати километрах от города Янув. В нем находилось несколько советских военнопленных, бежавших из немецких лагерей. Это все, что в то время мы знали о деятельности Яна. Он не принимал участие в беседе, даже старался не смотреть на нас.

Вторая встреча с Яном состоялась 24 февраля на марше из села Циосмы Билгорайского повета в село Кособуды. Разведчики привели ко мне человека, уличив его в том, что он занимался подсчетом вооружения нашего соединения. Передо мной стоял Ян Ойтец. Он иронически улыбался и вел себя вызывающе, как бы говоря: «Я поляк и волен делать у себя дома все, что хочу, а вы кто? Зачем сюда пришли?»

— Кому нужно было ваше тайное пребывание в расположении советских партизан?— спросил я.

— Вы меня знаете,— ответил Ян.— Я приезжал к вам с майором Зомбом. Я командир отряда АК. Думаю, что для вас этого достаточно...

— Нет, пан Пжисенжняк, такой ответ нас не устраивает...

И все-таки пришлось нам отпустить Яна восвояси.

В первых числах марта месяца 1944 года партизанское соединение передислоцировалось из села Луков в село Бондыш Красноставского повета.

Мы остановились у зажиточного крестьянина, у которого жил «племянник» лет за тридцать, пан Владислав. Он носил крестьянскую одежду, отрастил бороду и старался выглядеть неряшливо, и все равно не мог скрыть военную выправку. Забудется пан Владислав и вытянется в струнку или стукнет каблуками, что с большим мастерством умели делать офицеры армии Пилсудского. Наши попытки вызвать на откровенность пана Владислава не увенчались успехом.

За несколько часов перед отъездом из этого села мы еще раз решили побеседовать с Владиславом. Его заинтересовали боевые качества советского автомата.

— Пан Владислав,— сказал я,— вы совсем не тот, за кого выдаете себя. Вы же знаете, что мы пришли сюда не воевать с поляками, а помогать им.

Пан Владислав решил почему-то быть откровенным.

Он сказал:

— Давайте говорить по душам. Я — офицер, поручик 4-го гвардейского кавалерийского полка имени Пилсудского, и горжусь своей давней службой.

Портить отношения с Владиславом не входило в нашу задачу, и мы не стали напоминать ему о бесславном конце этого полка.

Пан Владислав продолжал:

— Зачем вам бить немцев на нашей территории, их много и на вашей, так и бейте их там, а здесь мы сами справимся.

— По территории Польши, — сказал я, — фашистские поезда ходят довольно свободно на восток. Неужели вы не видите того, что фашисты грабят Польшу? Патриоты Польши ведут борьбу против гитлеровцев как здесь, так и на советском фронте. Почему же вы, офицер польской армии, бездействуете?

После некоторого раздумья пан Владислав ответил:

— Мы с вами по-разному понимаем патриотизм. Те, кого вы называете настоящими патриотами, — это быдло, холопы или, как раньше называли русские, чернь. Они взялись за оружие, чтобы ограбить тех, кто был хозяином Польши.

Вот и поговорили! И хотя мы были гостями пана Владислава, все равно его наглость требовала достойного ответа.

— Давайте, пан офицер, людей, вещи и явления называть своими именами. Вы — типичный представитель тех, кто из-за классовой злобы предаёт национальные интересы польского народа...

Спустя некоторое время на подступах к Западному Бугу мы встретили батальон советских партизан под командованием Самсонова, он рассказал, что отряд АК напал на группу его разведчиков. Подоспели основные силы, и аковцы были разгромлены. В числе убитых оказался офицер Казимир Кульчитский, у которого нашли указание Соснковского о переходе к борьбе против Советской Армии, когда она вступит на территорию Польши. Мне принесли бумаги Кульчитского. Я посмотрел на фотографию и сразу же узнал нашего старого знакомого — пана Владислава.

Вероятно, найденное у него указание Лондонского правительства было размножено Варшавским центром

АК и рассылалось местным отрядам. В документах говорилось, что гитлеровцы под ударами союзников (а не Советской Армии) быстро откатываются к западу, что победа союзников предрешена. Но многострадальной Польше, указывалось там, грозит еще большая опасность со стороны Советского Союза. Двух врагов для Польши отныне уже не существует. Остается один — Красная Армия. Для борьбы с ней Соснковскому нужны были яны, зомбы и Народовы силы збройне.

Выйдя на территорию Польши, мы надеялись, что банды украинских националистов остались позади и нам придется иметь дело только с фашистами. Действительность опровергла наши предположения. В двадцати километрах от Люблина разведчики вступили в бой с бандой украинских националистов, разгромили их, захватили документы. Оказалось, что в Кракове на Зеленой улице открыто действовал штаб бандеровцев. Вооруженные отряды под руководством этого штаба оперировали на территории Польши и, как видно, неплохо уживались с некоторыми командирами АК. Украинские националисты распространяли среди поляков всякого рода провокационные слухи о Советском Союзе. Они издавали антисоветские листовки, призывая братьев-поляков создавать полки для борьбы с Советами. Активно действовал пропагандистский провод украинских националистов. Они ходили по селам, вели антисоветскую пропаганду. В этих листовках как пример «патриотизма» восхвалялись действия дивизии СС «Галичина».

Нам приходилось иметь дело с частями этой дивизии. Ее состав был довольно разношерстный. Немцы, как правило, занимали командное положение. Основное ядро дивизии составляли отъявленные националисты-бандеровцы, которые запятнали себя кровью в борьбе с советскими патриотами. Были в этой дивизии и случайные, обманутые люди. Были и такие, которых угрозой и шантажом заставляли лезть в националистическое болото.

Степан Бандера, сын униатского священника, был последователем Петлюры и Коновальца. Лысеющий человек, с оттопыренными ушами и маленькими колючими глазами, он всю свою жизнь обязательно кому-ни-

будь продавался. За организацию убийства министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого в 1934 году польский суд приговорил Степана Бандеру к смертной казни, заменив ее пожизненным заключением. Гитлеровцы освободили Бандеру в 1939 году. Он стал агентом абвера.

Нами было установлено, что в местечке Травники Люблинского воеводства действует школа, в которой люди Бандеры проходят курс террора и провокаций. Штаб Бандеры направлял в эту школу наиболее преданных националистов.

НОВЫЕ СВЯЗИ

В одной из деревень Люблинского воеводства проживал бывший поручик Юзеф Кравчинский. Нам сообщили, что он происходит из знатной семьи, помогает крестьянам, связан с командирами АК, ненавидит гитлеровцев, но фактически не примыкает ни к одному из действующих отрядов. К нему сходились многие нужные нам нити. Знал он и майора Яна Богдана, занимавшего обособленное положение в оккупированной Польше. Деятельность Яна Богдана была глубоко законспирирована и представляла для нас особый интерес. Он не проводил никаких операций и свои связи ограничивал узким кругом лиц.

Взяв с собой группу разведчиков, я поехал в «гости» к поручику Кравчинскому. 27 февраля после теплого солнечного дня наступил типичный для тех мест морозный весенний вечер. Образовавшиеся днем лужицы затянуло тонким льдом, он потрескивал под копытами лошадей.

Величаво дремал Билгорайский лес. Его варварски истребили гитлеровцы, истребляли всеми силами и средствами. В природе много парадоксов. Безобидная птичка, когда ее ловит человек, может клюнуть за руку,

кураца, защищая цыплят, бросается на коршуна. Шиповник вонзает колючки в того, кто нарушает его покой. А лес стоит у всех на виду без элементарных средств защиты. Спилит человек вековой дуб или сосну, повалятся они на землю, издадут предсмертный крик и навсегда исчезнут с того места, где родились и росли.

Нас встретили Алексей Зубков и Ваня Сапожников. Они предупредили Кравчинского о нашем приезде.

Выставив дозор, я направился к нему.

— Кому я обязан появлением в моей квартире советских партизан?— спросил Кравчинский.

— Самому себе, пан Кравчинский. Много лестного мы слышали о вас, вот нас и потянуло на свидание с хорошим человеком.

Лукавая улыбка появилась в умных глазах Кравчинского. Немного подумав, он сказал:

— Я отвечу на все ваши вопросы и готов помогать вам, если это на пользу моему народу.

— Какому народу? Тому, среди которого вы сейчас живете, или Яну Богдану, а может быть, Зомбу?

— Вы их знаете?— удивился Кравчинский.

— Немного знаем, но хотим знать больше. Каждый честный человек должен определить свое место в борьбе.

Кравчинский задумался, потом, сделав несколько шагов по комнате, остановился и прочел:

Нет, лучше с бурей силы мерить,
Последний миг борьбе отдать,
Чем выбраться на тихий берег
И раны горестно считать.

— Адам Мицкевич. «Пловец». Я знаю и люблю это стихотворение,— сказал я.

— Да, Мицкевич.

— Пан Кравчинский, вы не случайно взяли именно это четверостишие Мицкевича?

— Что вы имеете в виду?

— Ваши намерения.

— Да, вы правы,— ответил Кравчинский,— сейчас нельзя сидеть на двух стульях. Ян Богдан — не из тех людей, которые будут бороться за народную Польшу.

За ужином беседа велась на отвлеченные темы. Кравчинский был весел, шутил, кивал на красавицу жену:

— Моя Казимира далеко не самая красивая женщина в Польше. Была у нас в Кракове дама и красивее: юная итальянка из Милана. Ее знает весь мир.

— Кто это?

— Цецилия Галлерани. Она изображена на портрете Леонардо да Винчи. Это знаменитая «Дама с горностаем». Картину приобрел польский магнат Адам Чарторыйский...

— Какова судьба этого портрета?

— Та же, что и других национальных ценностей Польши,— ответил Кравчинский.— Первое, что сделали гитлеровцы,— это ограбили краковские коллекции.

Деловая часть беседы закончилась далеко за полночь. Кравчинский подтвердил, что хорошо знает Яна Богдана, Зомба, Адама и других командиров военных формирований.

Будучи человеком наблюдательным, умеющим анализировать события и действия людей, он составил определенное мнение о замыслах этих деятелей.

— Они с вами откровенны?— спросил я Кравчинского.

— Не всегда и не по всем вопросам, но они доверяют мне многое.

— Почему? Чего они хотят от вас?

— Им нужны мои связи и влияние на крестьян. По указанию центра АК готовит большую акцию по освобождению от гитлеровцев обширной территории с рядом крупных городов.

Это было для нас новым. Вот, оказывается, в чем состоит подготовка «решающего удара».

— Они хотели,— продолжал Кравчинский,— чтобы Красная Армия прошла где-то стороной, отрезала группировку немцев в Польше и двинулась на запад. Тогда бы оккупантам не оставалось ничего другого, как после некоторого сопротивления сложить оружие. Мы сами освободили бы Польшу.

— Нужно быть безграмотными в военном отношении людьми, чтобы вынашивать подобного рода план,— заметил я.

— Верно,— подтвердил Кравчинский,— вот об этом я и хочу им сказать.

— Вы пока воздержитесь... Мы с вами придумаем что-нибудь более полезное для общего дела,

Кравчинский улыбнулся.

— Даю слово польского дворянина,— сказал он,— я с вами. С вами, потому что ваша борьба соответствует стремлениям моего народа. К прошлому возврата нет.

— Вы дворянин?

— Да! Род моих предков уходит в далекое прошлое. И я, кажется, первый из нашего рода, кто стремится к дружбе с русскими.

— Дорогой пан Кравчинский, жизнь человека надо измерять не годами, а характером его деятельности.

— Согласен,— сказал Кравчинский,— я не могу утверждать, что мои предки всегда были правы, но у меня нет основания и для осуждения их.

Как выяснилось позже, Юзеф Кравчинский принадлежал к той категории людей, которые, однажды приняв решение, упорно идут по намеченному пути.

В одну из последующих встреч, выполнив очень важную нашу просьбу, он был весел, заразительно смеялся, рассказывая о том, на какой рискованный шаг вынужден был пойти. Вдруг веселье как-то сразу покинуло Кравчинского.

— Что с вами?— спросил я.

— Представьте себе, этот К., в прошлом писарь дефензивы, а сейчас просто холуй одного из ставленников Лондона, решил меня поучать. «Подумайте, Юзеф,— сказал он,— красная опасность надвигается с востока. Ян решил поручить вам формирование самостоятельного отряда».

Продолжая рассказывать об этой встрече, Кравчинский говорил:

— Я едва сдержался. Возмутительно, что такие типы выступают сейчас от имени моего народа.

Кравчинский встал и, заложив руки за спину, нервно зашагал по комнате. Потом резко, по-военному, повернувшись через левое плечо, решительно заявил:

— Баста. Формирую отряд, люди есть, а оружие найдем. Будем бить гитлеровцев, а заодно и их польских приспешников.

Такой оборот дела нарушил наши планы, по крайней мере на ближайшие десять дней.

— Благородное дело задумали вы, пан Юзеф,— сказал я,— но подумайте, что сейчас важнее?

— А вы как думаете?— ответил вопросом Кравчинский.

— Важнее то, о чем мы договаривались с вами.

В интересах польского народа нам с вами нужно знать подробные планы польской реакции.

Кравчинскому пришлось согласиться.

Надо было основательно заняться Яном Богданом, чтобы хоть в какой-то степени осветить его деятельность.

Небольшая группа, которую он возглавлял, действовала в лесу в районе между городами Туровом и Луковым, не задерживаясь надолго на одном месте. Его люди были тщательно подобраны и умели держать язык за зубами. Ян учил своих людей: «Если язык длинный, то его надо укоротить вместе с шеей, этого требуют интересы нашей работы». Его мощная радиостанция работала ежедневно на волнах, отличных от волн радиостанций аковцев, которые связывались с «Вартой» и «Ютшенкой». При встречах Ян рекомендовал себя официальным представителем Лондона. Передаваемая им радиоинформация в основном содержала сведения о политических и военных силах в Польше, возможностях правых, включая аковцев, возглавить массовое движение. Вся деятельность Яна Богдана, его методы работы, формы конспирации, проявляемый интерес к событиям и отдельным людям, указывала на то, что он работает на разведку союзников. Он проявлял большой интерес к советским партизанам, высказал желание встретиться с нами. Это не входило в наши намерения. У нас был другой план в отношении Яна Богдана.

Но он не дал нам его осуществить. Как-то днем, когда я разбираю донесения, в избу вошел Стрельцов.

— Ян Богдан пожаловал собственной персоной, — сказал он.

— Раз прибыл, примем. Веди его сюда.

Мы заранее знали, что встреча эта ничего полезного не даст, но надо было соблюсти хотя бы приличие.

Богдан произвел на меня впечатление человека, размякшего под палящим солнцем. Он нехотя, как бы между прочим задавал вопросы, также нехотя отвечал. В ходе беседы он понял, что мы многое о нем знаем, да, видно, и не такие мы простаки, как ему представлялось. Он обозлился, стал нервничать и отвечать невпопад. Нам надоела эта комедия. Я предложил:

— Давайте устроим концерт или вечер поэзии.

— Какой концерт?

— Обыкновенный. Пригласим гармониста, а вот Семен поет, я стихи буду читать, а вы спляшете, что ли.

Ян Богдан понял. Его лицо стало суровым, в глазах мелькнули колючие огоньки.

Стрельцов еле сдерживал смех. Не дождавшись ответа, я подошел к Яну Богдану и продекламировал:

Бегут за мигом миг и за весной весна,
Не проводи же их без песен и вина.
Ведь в царстве бытия нет блага выше жизни, —
Как проведешь ее, так и пройдет она.

Ян Богдан понял, что проиграл.

— Это Пушкин?

— Нет, Омар Хайям — ученый, математик, астроном, поэт. Жил в Персии и Таджикистане. Умер в начале второго столетия нашей эры.

— Не угадал! — усмехнулся Ян Богдан.

— А теперь мне бы хотелось спросить вас...

— Проше бардзо!

— Зачем вы к нам приехали?

— А меня интересует, зачем вы пришли к нам в Польшу?

— Не хитрите, Ян Богдан, об этом вы знали еще тогда, когда мы форсировали Буг. Да и теперь прекрасно видите по нашим делам, против кого мы воюем и с кем вместе идем.

Ян Богдан встал. Это был уже другой человек — злой и решительный.

— То, что бьете гитлеровцев на нашей территории — это хорошо, но вместе с тем вы фактически воюете против нас.

— Давайте уточним, против кого из вас мы воюем?

— Я воздержусь от ответа на ваши вопросы.

— Пан Богдан, политика — это не катание на санках с горки. От правды вы никуда не уйдете, а правда — вот она.

Я положил на стол «Манифест национального фронта демократических и политических организаций Польши», обнародованный в декабре 1943 года.

— Вот оно будущее Польши, — сказал я. — Разрешите, я прочту вам несколько строк.

«Одной из важнейших задач КРН является объединение народа в целях самообороны от покушения гит-

леровских преступников уничтожить польский народ, объединение в борьбе за освобождение от варварского рабства. КРН направит все силы против попыток, предпринимаемых темными силами реакции, вызвать гражданскую войну, а виновных в этом преступлении будет рассматривать как помощников оккупантов и предателей польского народа».

Я протянул Яну Богдану «Манифест». Он небрежно отодвинул его в сторону, и тихо, словно боялся кого-то спугнуть, сказал:

— Знаю, читал. Думаю, что именно на этой основе наш военный конфликт с Красной Армией неизбежен.

— Воевать против нас собираетесь?— спросил Стрельцов.

— Не знаю, не уверен, время покажет...

И Ян Богдан, стукнув каблуками, удалился.

В последующие дни события развивались стремительно. Трудно сказать, кого больше встревожили действия советских партизан — гитлеровцев или Яна Богдана, Зомбу и им подобных. Радиостанция Миколайчика-Соснковского «Свит» в своих передачах на Польшу изрыгала потоки брани на Советский Союз. Особенно обнаглели представители Партии народных демократов. Один из них даже явился в наш штаб. Казался он сугубо гражданским человеком. Надень на него белый передник и поставь за прилавок — лучшего торговца мясом невозможно представить. Не здороваясь, он стал посередине комнаты и начал громовым голосом:

— Я пришел предупредить вас...

Но продолжить ему не удалось.

— Уходите,— спокойно, но решительно сказал я.

— Это почему? Я имею поручение и должен его передать вам.

— Иван Иванович,— обратился я к Сапожникову,— проводите этого гражданина за дверь, пусть он там подумает, как нужно себя вести, а потом войдет.

Читатель уже знает, что могучая фигура Вани Сапожникова производила впечатление.

Прошло пятнадцать минут. Выкурив папиросу и посидев в обществе наших разведчиков, «мясник» одумался. Вежливо попросив разрешения войти и выдавив приветствие, сказал:

— Мне поручено передать вам: немедленно уходите за Буг, пока не поздно. Мы хотим, чтобы вам и нам было лучше.

— Кто это вы?

— Народова организация войскова.

— Давайте уточним: это военные формирования, действующие под руководством Партии народных демократов? Так?

— Да,— ответил «мясник».

— Та партия, которая ведет борьбу против польского народа?

«Мясник» вскинул голову и, не задумываясь, скороговоркой ответил:

— Те, кого вы называете народом, хотят отобрать у нас сначала землю, дома, а потом жен и дочерей. Вы называете это демократией, а мы грабежом.

Не хотелось попусту терять время.

— Обезоружить его,— приказал я.

Ребята изъяли у пришельца кольт и две английские гранаты.

«Мясник» растерялся.

— Что вы хотите со мной делать?

— Передадим одному из отрядов Армии Людовой,— ответил я.— Пусть они разбираются с вами.

В это время у нас находилась группа связных от Земсты, им-то мы и передали «мясника».

Сотрудничая с нами в проведении локальных операций против гитлеровцев, командиры АК значительно активизировали свою деятельность по сколачиванию воинских формирований. Так, в Краковском, Люблинском и Варшавском воеводствах были созданы отряды, вооружены и проходили воинскую подготовку. Все это делалось под руководством лесных отрядов, во главе которых, как правило, стояли кадровые офицеры.

Против кого готовились эти силы?

Тщательный анализ радиопередач в Лондон, захваченные документы и другие источники показывали, что удар готовится против гитлеровцев. Когда и где? Это оставалось для нас тайной. Было уже ясно, что основная масса бойцов Армии Крайовой настроена по-боевому, готова к сражениям с фашистами. Но нельзя было упрощать позицию руководителей АК и их хозяев в Лондоне. Миколайчик-Соснковский и компания, обосновавшиеся сначала в Париже, а потом в Лондоне, бы-

ли признаны (до 1945 года) нашими союзниками как правительство Польши.

Нам стало известно, что говорил после встречи с нами Ян Богдан.

— Я убежден, что представители красных, с которыми я встречался,— не рядовые офицеры. Они стреляют по дальним целям. Победить немцев без Красной Армии мы не сможем, но мы знаем и другое: пустить Красную Армию на нашу территорию — значит потерять Польшу. Все же нам придется воевать не на западной, а на восточной границе. У нас есть правительство и союзники. История оправдывает нас!

ПОДОФИЦЕР МОЛНИЯ

С большой радостью встретили мы командиров Крестьянских батальонов. Среди них особенно выделялся Блыскавица. Выше среднего роста коренастый блондин с приятным, открытым лицом не вошел, а ворвался в комнату.

— Блыскавица, или Молния по-русски, а точнее Ян Кендра,— отрекомендовался он.— Принимаете гостя?

— Можем предложить чай с сахаром. Вы довольны?

— Вполне. Лучшего приема я и не ожидал.

Мы знали, что отряд Кендры располагается в лесу севернее Билгорая.

Отряды БХ были созданы партией Стронництво людове и организационно входили в АК. Это тяготело над многими командирами. Одним из тех, кто первым выступил с требованием активно бороться с фашистами, был подофицер Кендра.

— Гоните к черту аковцев,— запальчиво говорил Кендра.— Это типичные пилсудчики. Выбор они сделали давно. Их цель — возвращение к старой, несколько подкрашенной Польше.

Свое политическое кредо он изложил так:

— Самая беспощадная борьба с гитлеровцами. ентация на Красную Армию. Ждать милости с да — значит снова закабалить польский народ. Будущее правительство выберет сам народ. Помещиков и капиталистов к черту, а землю отдадим крестьянам.

— Дорогой Кендра, — сказал я, — нельзя всех аковцев рассматривать как единое целое. Адам, Гром и Ойтец — это одно, а рабочий, крестьянин и служащий, которыми они пока командуют, — это другое. Разве им нужен помещик и фабрикант?

— Нет, конечно. Лучше смерть, чем снова посадить себе на шею этих пауков.

Наша беседа с Кендрой продолжалась долго; он то затихал, то шумел, как порывистый ветер. Стоял посредине комнаты со стаканом чая в руке, говорил, говорил:

— Хочется одним ударом расчистить себе путь, чтобы о нас сказали: смотрите, какие молодцы поляки. Не знаю, как это называется, романтикой, что ли?

— Бороться за новую, народную Польшу, — ответил я, — да еще в таких сложных условиях и есть романтика. Революционная романтика!

С Блыскавицей мы встречались четыре раза. Его отряд активно включился в совместные боевые операции. В первых числах марта партизаны Ковпака при участии партизан Блыскавицы разгромили гарнизон немцев в местечке Краснобруд. Часть немцев разбежалась и была выловлена партизанами Блыскавицы. В районе Люблина партизаны соединения провели ряд боевых и диверсионных операций, в которых Блыскавица оказался незаменимым человеком. Его связи с населением, знание местности облегчали выполнение поставленных задач. Только за двое суток (7 и 8 марта) его люди взорвали железнодорожный мост, уничтожили гарнизоны двух фольварков и разгромили два спирт-завода. В районе сел Отроч и Бискупе бойцы дивизии Ковпака вели упорные бои с противником, в которых партизаны Блыскавицы приняли участие и показали себя стойкими воинами.

СЛЕД ПОТЕРЯН

И снова наше внимание привлек Ян Богдан. Он создал сеть глубоко законспирированной агентуры. Делал ставку на людей грамотных, бывалых и способных влиять на окружающих, но явно спешил и поэтому допускал ошибки. Мы устроили встречу Богдана с Кравчинским.

Ян Богдан считал Кравчинского своим человеком, доверял ему и предложил сотрудничать.

— В чем должно состоять это сотрудничество?— спросил Кравчинский.— До сих пор я знал пана как представителя нашего правительства в Лондоне, так, во всяком случае, вы рекомендовали себя. Кто же вы?

— Поймите,— ответил Ян Богдан,— у нас есть верный союзник — Англия. Без нее наша борьба не может увенчаться успехом. Нам нужны люди, которые будут действовать в зависимости от обстоятельств.

— Значит, вы предлагаете мне стать агентом иностранной разведки?

Кравчинский не выдержал и наградил англичан, а заодно и Соснковского рядом нелестных эпитетов.

Ян Богдан понял, что поторопился.

Холодно простились, и Ян Богдан уехал.

Такой оборот дела не отвечал разработанной нами комбинации. Это был явный просчет Кравчинского. Я сидел у стола и беспрерывно курил, а Семен Стрельцов ходил по комнате и, покручивая воображаемые усы, ворчал:

— Большого зверя упустили, обидно.

— Есть еще один вариант,— неуверенно сказал я,— захватить Яна Богдана. Правда, риска много и серьезная подготовка нужна.

— Деловая мысль,— поддержал меня Семен,— цэ дило треба разжувати!

Вот мы и начали «жевать». Чтобы избежать каких бы то ни было осложнений, лучше, чтобы Яна Богдана захватили сами поляки. Англия — наша союзница по антигитлеровской коалиции. Через Богдана, Зомба и других она ведет сложную игру, которая не отвечает интересам польского народа. Но мы не знали точно, кто стоит за спиной Яна Богдана.

Обращаясь к Семену, я спросил:

— Семен, скажи, Уинстон Черчилль не обращался к нашему другу Кендре с предложением установить дипломатические отношения?

Опытный чекист Стрельцов понял:

— Действительно, что можно спросить с бедного крестьянского сына? Он четко усвоил одно — бить гитлеровцев, но случайно схватил не того, подумаешь, важность.

— Одним словом, партизан,— добавил я,— с него, как говорится, и взятки гладки.

Послали связного к Яну Кендре, он не заставил себя долго ждать. Мы посвятили его в существо нашего замысла.

Ян задал только один вопрос:

— Значит, обязательно доставить живым?

— Только живым, и как можно меньше шума.

Связным с Яном Кендрой поехал наш разведчик Володя Павлюченко.

На месте дислокации отряда Яна Богдана партизаны Кендры обнаружили недавно потухшие костры, консервные банки от американской тушенки, да в сорока метрах от места стоянки труп человека. Кто это был, установить не удалось. Никаких документов при нем не оказалось. А след Яна Богдана мы потеряли навсегда.

Боевые операции и диверсии, проводимые при активном участии польских патриотов, всполошили гитлеровцев. Они бросили в бой против партизан крупные воинские части. Наступил период тяжелых боев. 13 марта 1944 года состоялась наша последняя встреча с Блыскавицей.

Блыскавица был грустен. Мы никогда не видели его таким.

— Ваше пребывание здесь показало, что дружба польского и советского народов — это большая сила, и я не вижу другого пути для Польши.

Он сказал, что НСЗ присылали к нему своего представителя, который требовал прекратить сотрудничество с русскими. Он выгнал этого представителя, а вскоре получил письмо, в котором ему угрожали смертью.

— Вероятно, мне еще придется встретиться с этими господами, — задумчиво сказал Кендра.

Мы договорились, что я дойду до Западного Буга, а потом с отрядом в 200—250 человек возвращусь в Билгорайские леса и соединюсь с Блыскавицей для совместной борьбы с гитлеровцами. Но обстоятельства сложились так, что это намерение не удалось осуществить.

В поле зрения наших разведчиков попал уполномоченный управления по переселению поляков. Он с группой сотрудников метался по Люблинскому воеводству. Бурная деятельность его в той сложной обстановке нам была непонятна. Красная Армия громит гитлеровцев на подступах к границам Польши, в Люблинском воеводстве действуют отряды АК, БХ и советские партизаны, а уполномоченный по переселению Замзик под охраной эсэсовцев мечется по деревням, уговаривает крестьян уезжать на запад.

Стрельцов, Казаченко и группа разведчиков занялись Замзиком. Наконец, в одном из сел разведчикам удалось захватить его. Охрана оказала сопротивление и была уничтожена. В этой схватке особенно отличились комсомольцы Толя Анчуров и Гриша Оникий.

Пока ребята расправлялись с эсэсовцами, Замзик выкинул в окно портфель. Но хозяин дома подобрал его и передал разведчикам. О многом рассказал этот портфель!

Оккупировав Польшу, гитлеровцы, согласно разработанному плану порабощения поляков, создали «генеральную губернию», охватывающую примерно третью часть территории Польши. Эта «губерния» по замыслу нацистов должна была со временем стать составной частью Германии. Польское население губернии изолировалось от внешнего мира. Но для того чтобы создать на востоке пояс немецких колонистов, нужно было освободить эту территорию от польского населения. К моменту нашего появления на территории Польши уже было проведено массовое выселение крестьян из района Замостья, Билгорая, Томашова и Грубешова.

Замзик вместе с другими сотрудниками управления готовил это выселение.

— Сколько поляков было выселено вами?— спросил я у гитлеровского холоуя.

— Много,— ответил Замзик,— но точно не знаю.

— А количество деревень, из которых выселяли поляков, помните?

— Более двухсот пятидесяти деревень освобождены для немецких колонистов.

По замыслу нацистов население «генеральной губернии» должно стать резервом рабочей силы для Германии. Нетрудоспособное население — дети, старики и больные — подлежали уничтожению. Крестьяне, выселяемые из восточных районов, сортировались: трудоспособных направляли в Германию, а остальных в концлагерь Майданек.

Все это спокойно высказал нам Замзик. Я спросил его:

— Ваша человеческая совесть когда-нибудь просыпалась?

Замзик молчал.

— Разве вы не знакомы с восточным планом, разработанным третьим рейхом?— сказал, наконец, Замзик.

Мы впервые услышали об этом плане. Тем не менее я спокойно и не очень заинтересованно сказал:

— Расскажите подробно о нем.

— Все население Европы делится на три категории: первую и самую нужную для нацистов составляла рабочая сила, по существу превращенная в бесправных исполнителей воли немцев; вторая категория подлежала массовому выселению. И, наконец, третья категория — наиболее воинственные славянские народы — подлежа-

ла уничтожению. Поляки были отнесены к числу наиболее опасных для нацизма,— вещал Замзик.

— Чем же вы объясните,— спросил я,— что во многих деревнях Люблинского воеводства мы встречали здоровых и вполне работоспособных крестьян, которые жили относительно свободно и нацисты их не трогали. Этого не было на территории оккупированной Украины и Белоруссии.

Замзик внес ясность и в этот вопрос.

— Это часть поляков, которая согласно Восточному плану подлежала германизации... У немцев не хватало физических сил для полного выполнения своих планов. Приближение Красной Армии к границам Польши тоже помешало им.

После разгрома нашим соединением немецкого пограничного отряда в районе деревень Лешно и Млыны, там, где установленная Гитлером новая граница Польши отделяла ее от Восточной Пруссии, на дивизию обрушились значительные наземные силы фашистов, поддерживаемые авиацией.

На протяжении трех дней партизаны вели упорные бои. 25 февраля наше соединение заняло село Кособуды. К нам пришли еще совсем юные польские друзья из действующей здесь партизанской группы — Ян Кава и его боевой друг, фамилию которого я забыл. Выполнив ряд наших заданий, ребята сообщили очень ценные данные об аэродромах гитлеровцев в районе деревень Мокре и Лабуня, юго-восточнее Замостья.

Эти сведения представляли интерес для командования фронтом, но требовали дополнительной проверки. В Замостье и Заваду была направлена группа разведчиков во главе с Зубковым.

Оказалось, что здесь, на месте выселенных поляков, осело несколько групп немецких колонистов. В восьми километрах от Замостья на разведчиков напала команда самообороны из немцев и фольксдойч. Завязался бой. Разведчики залегли между опушкой леса и хутором. А по поляне под автоматным огнем в испуге метался пятилетний мальчик. Разведчики прекратили огонь, но со стороны хутора стрельба продолжалась. Мальчик с криком побежал к хутору и тут же, испугавшись стрельбы, повернул обратно. И тогда во весь

рост поднялся семнадцатилетний комсомолец Валентин Косиченко. Он побежал навстречу мальчику, схватил его и прижал к земле.

Разведчики заняли хутор. Жители покинули его, убежала и мать этого мальчугана. Остались лишь две старухи. Им партизаны и оставили ребенка.

Кто же такой Валя Косиченко? О нем мы знали мало. Прилетел в соединение с группой радистов. Родители живут в Донбассе. Вот и вся его биография. 21 марта 1944 года на подступах к Беловежской пуце, в бою за деревни Рожковку и Пашуки Валя погиб, пытаясь вынести из боя смертельно раненного комиссара батальона венгра Иосифа Тоута.

С каждым днем все быстрее развивались события. Диверсии на коммуникациях врага, разгром гарнизонов, фольварков привели в бешенство ставленника Гитлера в Польше Франка. Над Кособудами нависла серьезная угроза. На ближайший к селу железнодорожный узел Завада из Люблина и Замостья прибыли войска. Почти с колес они повели наступление на партизан. Шли в двух направлениях: со стороны Завады по лесной проселочной дороге и со стороны деревни Мокре. Силы были неравные. Гитлеровцы просочились лесом в наше расположение. Ночью житель Кособуд Станислав Сажинский тайными тропами вывел наше соединение из-под удара.

ФОКУСНИК

Возвращаясь несколько назад, скажу, что именно в Кособудах к нам пришел первый посланец гестаповца Фельдмана, завербованный им в люблинской тюрьме. Его привели ко мне Стрельцов и командир батальона Степан Ефремов. Хитро улыбаясь, Степан сказал:

— Добровольца привели. Степаном звать, тезка мой, говорит: хочу бить фашистов.

Из показаний Рутке нам был известен этот «доброволец».

Степан Ступак до войны жил в Западной Украине. За воровство попал в тюрьму. Отбывал наказание вместе с жонглером, у него и научился кое-каким фокусам. Развлекал немцев, но снова «засыпался» на воровском деле и попал в люблинскую тюрьму. Не миновать бы ему крематория Майданека, но Фельдману срочно потребовались такие люди, как Ступак.

Стрельцов сразу приступил к делу:

— Скажите, долго ли вы овладевали искусством фокусника?

Ступак смутился, но быстро взял себя в руки и спросил:

— Откуда вам известна моя профессия?

Ступака смущало не то, что мы знаем его как фокусника,— это соответствовало разработанной легенде,— он беспокоился, знаем ли мы о его прошлом. Он должен был сообщить, что жил в Виннице, выступал в цирке. Началась война, не смог эвакуироваться и был угнан на работу в Германию, за побег от хозяина-фермера его бросили в Майданек. Он работал на табачной фабрике, откуда якобы и удалось бежать. В общем легенда была разработана неплохо. И если бы от Рутке мы не знали о деятельности Фельдмана, сочинившего эту легенду, то могли бы поверить Ступаку. Тем более что Ступак знал многое о жизни заключенных Майданека.

«Доброволец» достал из сумки шарики и начал работать.

Руки его дрожали, шарики то и дело падали на пол.

— Ну хватит, Ступак,— сказал я,— поганый из вас жонглер. Вероятно, Фельдман дал вам мало времени для тренировки...

Все шарики сразу выпали из рук Ступака и покатались по полу. Некоторое время он находился в состоянии шока, а потом рванулся к двери. Семен преградил ему путь...

В одном из расколотых шариков оказался пропуск, подписанный Фельдманом, он давал возможность Ступаку связываться с любым органом разведки. Первая его явка с гестаповцами должна была состояться здесь, в Кособудах, куда фашисты намеревались ворваться. Мы не смогли использовать его документы. Под напором превосходящих сил гитлеровцев партизанское соединение вынуждено было покинуть Кособуды.

В составе нашей партизанской дивизии действовал Глуховский отряд, на базе которого был сформирован 2-й полк, которым командовал Петр Леонтьевич Кульбака, человек огромного роста и большой физической силы. Старый коммунист, он с первых дней гитлеровского нашествия боролся с оккупантами.

Я хорошо знал Петра Леонтьевича еще по рейду из Брянского леса на правый берег Днепра. Тогда я был начальником штаба Шалыгинского отряда, и наши пути часто скрещивались.

В Польском рейде глуховцы не знали поражений.

После одного из боев Кульбака привел ко мне группу пленных.

— Принимай вояк,— громовым голосом сказал Петр Леонтьевич.— Попытай их насчет планов высших фюреров.

— Петр Леонтьевич,— спросил я,— как вы думаете, почему гитлеровцы перестроили свою тактику, направили свои главные силы наперерез нашей дивизии?

Кульбака ответил вопросом:

— Может быть, они не хотят нас выпустить с территории Польши?

В словах его был резон. Гитлеровская армия отступает к восточным границам Буга, ее тылы уязвимы, особенно потому, что отступление шло во враждебной им обстановке. Действия партизанской дивизии в тылах армии внесло бы серьезную дезорганизацию.

Еще за Бугом, на территории Западной Украины, наше соединение значительно пополнилось за счет советских военнопленных, бежавших из лагерей, и гражданского населения. Пришло к нам немало людей и тогда, когда соединение стало действовать на территории Польши. В феврале 1944 года была сформирована Первая украинская партизанская дивизия имени дважды героя Советского Союза С. А. Ковпака. Я был назначен начальником Особого отдела дивизии, но наряду с этим в мои обязанности по-прежнему входило руководство опергруппой в составе четырех оперативных работников, шести радистов и тридцати пяти разведчиков-гвардейцев.

Я уже говорил, что в условиях рейдов партизанского соединения, когда место и время встреч с доверенными людьми обусловить было невозможно, работа опергруппы до предела усложнялась. Чекистам приходилось отрываться от дивизии на значительное расстояние. Операцию против того или иного видного гитлеровца трудно было довести до конца, потому что прерывалась связь с доверенными людьми.

Так не увенчалась успехом подготовленная нами операция «Варяг» против Франка, наместника Гитлера в Польше. Этот палач обагрил руки кровью польского народа и подлежал уничтожению. В Кракове мы имели доверенных людей, работавших в охране правительственных учреждений. Резиденция «Варяга» находилась в местечке Крейзендорф, в тридцати километрах запад-

нее Кракова. Нам было известно, что польские патриоты организовали нападение на поезд Франка, но оно не удалось. Пострадала только часть охраны. Это насторожило нацистов. Охрана была заменена батальоном особой службы, путь Краков — Крейзендорф тоже усиленно стерегли.

Наибольшие возможности для выполнения этой операции были в самом Кракове. Авиация союзников бомбила Берлин и другие города Германии, и Краков был наводнен семьями крупных чиновников и высших офицеров. Там же пополнялись воинские части, разбитые на Восточном фронте. Ранее строгий паспортный режим Кракова был нарушен.

Для проведения операции «Варяг» Ян Кендра дал нам двух партизан из своего отряда. Один из них до войны жил в предместье Кракова. Им приготовили документы, солидную сумму золотых и марок, и направили в помощь нашим людям в город. Эта операция требовала четкой организации, а дивизия вынуждена была маневрировать, мы потеряли связь с польскими патриотами в Кракове и не смогли осуществить наши планы по ликвидации Франка.

ПАРТИЗАНСКИЕ БУДНИ

На станцию Сусец была направлена группа разведчиков во главе с Семеном Стрельцовым. Нам нужен был «язык». Мы знали, что здесь выгрузились отдельный механизированный батальон жандармерии, часть танкового полка, прибывшего из Кракова, и несколько подразделений дивизии СС.

Майор танковых войск Зомберг любил выпить и поухаживать за хорошенькими женщинами. Старый холостяк, он был постоянным посетителем буфета, где находил самый радушный прием. Основательно выпив, он утверждал, что польские женщины самые красивые в мире. Эту слабость Зомберга и использовали разведчики, поймав его на очередном свидании. Сначала он попал на конспиративную квартиру, а ночью был вывезен в лес. Зомберг умолял отпустить его, предлагал большой выкуп, давал честное слово офицера, что после освобождения он вышлет разведчикам в указанное место любую сумму. Зомберг знал достаточно русских слов, чтобы объясняться с разведчиками. За год до нападения гитлеровцев на Советский Союз в некоторых танковых частях были созданы курсы по изучению русского языка.

День застал разведчиков на полпути к лагерю, пришлось свернуть в лес. Разведчики наломали сосновых веток, настелили на землю и легли отдохнуть. Караулить Зомберга поручили Ване Плаксину.

Убедившись, что разведчики уснули, Зомберг снял с пальца золотое кольцо, вынул часы, серебряный портсигар и положил на землю.

— Берите,— обращаясь к Плаксину, сказал он,— мой первый маленький взнос или, как у вас говорят, взятка, куш, отпустите меня, слово дворянина и офицера — отплачу за все. Пойдете со мной, получите золото.

Потом Ваня рассказывал ребятам:

— Такое зло меня взяло, хотел съездить прикладом по фашистской морде, едва сдержался.

Плаксин приказал Зомбергу положить ценности в карман и лечь на землю.

— Дворянин, офицер, а душа-то мелкая и грязная. То, что у вас все продается и покупается, даже совесть — в этом ваша гибель.

Пленный заплакал.

В штабе Зомберг дал ценную информацию. Он присутствовал на совещании старших офицеров, где выступал Франк.

— Советские партизаны — опасный враг,— говорил Франк.— Мы не должны выпустить их за Буг. Их надо уничтожить здесь. Я подробно информировал ставку фюрера и получил в свое распоряжение достаточно военных сил. Нужно показать полякам, что никакая помощь союзников не в состоянии изменить установленный фюрером порядок. Немцы пришли сюда навсегда.

Показания Зомберга заслуживали того, чтобы немедленно доложить их командиру дивизии П. П. Вершигоре. Была глубокая ночь. Вершигора разложил на столе топографическую карту, а я сел на лавку в углу избы и пытался бороться с дремотой. Петр Петрович окликнул меня.

— Смотри,— показывая на карту, сказал он,— вот Руда-Ружанецкая. Близко шоссе и железные магистрали. Гитлеровцы могут быстро сосредоточить против нас значительные силы.

До войны я несколько раз смотрел кинофильм «Чапаев», и теперь как-то невольно у меня вырвалось:

— А что думает командир?

— Надо уходить отсюда,— ответил Вершигора.— Сделаем большой рывок на запад, а потом повернем прямо на юг, постепенно прижимаясь к Бугу.

Это была хорошая мысль. Я обратил внимание командира только на одно, как мне казалось, важное обстоятельство.

— Смотрите, Петр Петрович, вот зловещая линия на нашем пути — Ковель — Любомль — Хелм — Люблин. Здесь проходит прямая железнодорожная магистраль. Наша карта, вероятно, грешит неточностью. Здесь не показано шоссе. По данным разведки, оно идет параллельно железнодорожной магистрали. Гитлеровцы не случайно высадили на станции Любомль эсэсовские части.

Подумав, Вершигора сказал:

— Высаженные в Любомле войска, вероятно, предназначены для нас. Не будем увлекаться рывком на запад и постараемся проскочить эту преграду быстрее.

ЛЕГЕНДА ДЕЙСТВУЕТ

В начале марта дивизия дислоцировалась в селах Издебно и Орховце. Сюда к нам снова пришли посланцы гестапо.

Выставленный на окраине деревни секрет задержал молодого поляка. Это был рослый угловатый парень. Он сказал, что родом из этих мест, отец погиб на фронте, а мать и брата расстреляли фашисты. Назвал себя Ярославом Хаменьским. Пришелец рассказал довольно стандартную легенду, с которой к нам и раньше приходила агентура гестапо.

— Мы эти сказочки уже слышали,— прервал его Семен Стрельцов.— Торопятся ваши хозяева. Уже второй раз слышим эту историю. Так, что ли?

Опустив голову, Хаменьский молчал. В конце концов он разговорился и сказал, что был агентом абвера, а потом гестапо. Преданной службой заслужил доверие.

Хаменьский был заслан к нам в горячее время. Днем 10 марта на село Издебно с двух сторон повели наступление каратели. Показаниями пленных было установлено, что они имели более тысячи солдат, два бронетранспортера, три 45-миллиметровые пушки, двадцать

пять ручных и десять станковых пулеметов. Примерно одна треть состава была вооружена автоматами.

Упорный бой длился целый день. В этом бою особенно отличились партизаны Петра Брайко и Петра Кульбаки.

Вечером враги начали подтягивать новые силы. С наступлением темноты неожиданно для них мы совершили прорыв и ускоренным маршем оторвались от противника. Форсировав шоссе Люблин — Красновостав, железную дорогу Люблин — Хелм и реку Вепш, партизаны заняли деревни Лейно и Ожехув. Разведчики Гриша Оникий и Толя Анчуров привезли сюда Хаменьского. В это время с Большой земли мы получили срочное задание. Начальство требовало тщательной разведки сил противника, стоящего на пути Красной Армии. Я был предупрежден о строгой ответственности за достоверность разведанных, передаваемых на Большую землю.

Мы не знали тогда и не могли предположить, что именно здесь будет нанесен главный удар по гитлеровской армии «Центр». Радиограмму с грифом «срочно» принял старший радист Вася Масюков.

Стрельцов занялся обобщением данных разведок партизанских подразделений. Группы разведчиков Семченка, Землянки и Лазуна ушли в разных направлениях. Вот тут-то оказался нужен нам и Хаменьский. Конечно, не хотелось отпускать предателя на волю, но, как нам казалось, игра стоила свеч.

Хаменьский на допросе сказал, что он должен установить вооружение партизан и выведать, командуют ли партизанами Ковпак.

Хаменьский был не первым посланцем к нам гитлеровских разведок. Все они, как правило, получали задание установить состав и число бойцов соединения, командный состав и вооружение.

Проанализировав материалы нашей разведки, доложил П. П. Вершигоре и его заместителю по политчасти Москаленко.

— Что ты предлагаешь?— задал вопрос Вершигора.

— Гитлеровцы готовят против нас большую военную акцию,— ответил я,— это значит, «игру» с ними можно вести по одному из двух вариантов — увеличить возможности соединения, либо уменьшить.

Вершигора встал и медленно стал ходить по комна-

те, поглаживая бороду. Первым не выдержал Москаленко.

— А что тут думать, бить надо гитлеровцев -- вот и все!

Вершигора как будто ожидал этого ответа. Резко повернувшись к нам, сказал:

— Возьмем первый вариант. Чем больше гитлеровцев будет против нас, тем меньше их будет на советском фронте. Мы же ковпаковцы!

Так был решен вопрос о проведении комбинации с Хаменьским. Было решено устроить ему встречу с партизаном Иваном Строгановым, который действовал под фамилией убитого в бою предателя Судакова. Их вместе посадили под охрану.

О судьбе Ивана Строганова мне хочется рассказать подробно.

Под Москву он прибыл из Сибирского военного округа. Часть, в которой служил Строганов, дралась на Волоколамском направлении. Разрывом снаряда его контузило и засыпало землей. Танки гитлеровцев контратаковали и на этом участке и оттеснили наши войска. Так Строганов оказался на территории, занятой гитлеровцами. Попал в лагерь для военнопленных, неудачно бежал, его поймали, избили. Потом переслали в Освенцим. Он снова бежал. Казалось, цель близка, он на территории Польши. Их было пятеро, они слышали, что в Польше действуют вооруженные патриотические отряды. Попасть к ним Строганов и его друзья стремились изо всех сил. Однако они заблудились и оказались в Кремпецком лесу, в десяти километрах от Майданека. Их снова поймали эсэсовцы и страшно избили.

— Мне было все безразлично, — рассказывал Строганов, — сопротивляться я больше не мог.

Придя в сознание, он увидел человека, поившего его водой. Это был спутник Строганова, учитель из Новосибирской области, попавший на фронт с дивизией ополченцев.

— Рано, парень, концы отдаешь! — сказал он.

В это время в Майданек прибыло пополнение. Блок набили до отказа. К ним втиснули тяжело больного человека. Спустя несколько часов он умер. О нем знали мало, фамилия Хохлов, военнопленный, сержант Красной Армии.

— Тебе повезло, — сказал учитель, — умер Строганов, а остался Хохлов — теперь это ты.

— Я согласился взять фамилию умершего, — говорил Строганов. — Пока фашисты разберутся с новым пополнением, пройдет время, а там видно будет. За побег же мне грозил крематорий.

— Ну, а как же вы? — спросил учителя Строганов.

— Обо мне не беспокойся, я живучий, да и в плен попал на год позже. Жить — значит видеть конечную цель борьбы, а она близка. Мы еще поговорим с тобой об этом, — пообещал он.

Строганов заметил, что учитель связался с заключенными польскими патриотами, которые, судя по всему, готовили побег.

Прошло около месяца, эсэсовцы давно сожгли Строганова, остался жить Хохлов. Учитель бежал с польскими патриотами. Охрана обнаружила их подкоп только утром. Вскоре Хохлов попал в группу работающих на табачной фабрике, откуда якобы удалось бежать засланному к нам агенту — фокуснику Степану Ступаку. На фабрике не было особо строгого режима. Охранники, сопровождавшие пленных на работу, не обращали внимание на общение заключенных с рабочими фабрики. За это их благодарили папиросами и табаком. Однажды во время работы к Строганову подошла полька Сабина и предложила следовать за ней. В маленькой комнатке, заваленной всяческим хламом, он переоделся в гражданский костюм и через черный ход и невысокую стенку бежал на квартиру Сабини. Строганов мало знал о ней. Жила она с матерью, какой-то ее родственник дрался с гитлеровцами в Первой армии Войска Польского. На квартире у Сабини Строганов прожил неделю. А потом в сопровождении Сабини вышел из Люблина и добрался до Билгорайского леса. Здесь он встретил вооруженный отряд Армии Крайовой. Но радость его была преждевременной. Отказавшись сотрудничать с аковцами и высказав откровенное желание уйти к своим, он был жестоко избит и в бессознательном состоянии оставлен в лесу. Очнувшись, он пошел дальше от проклятого места. На одном из хуторов его и подобрала наша разведчики.

Ему-то мы и доверили выполнение комбинации с Хаменьским.

Легенда была такова. Бродя по лесу, власовец Судаков встретил группу военнопленных, бежавших из лагерей, и присоединился к ней. Так он попал в партизанское соединение. Он знал, что командование власовцев интересуется Ковпаком и, хорошо изучив партизан и их вооружение, хотел бежать, но был арестован. Причину ареста пока не знает.

Как мы и ожидали, Хаменьский поверил Судакову и стал подробно расспрашивать о вооружении и составе партизанской дивизии.

Дезинформационный материал, утвержденный П. Вершигорой, который мы дали Строганову, выглядел правдоподобно. Правда, состав дивизии мы увеличили в два раза, количество артиллерии в шесть раз, станковых и ручных пулеметов в три раза.

Хаменьский несколько раз повторил, запоминая цифры, сообщенные Судаковым.

— Тебя-то освободят,— обращаясь к Судакову, сказал Хаменьский,— вероятно, у них нет улик. А мне надо бежать. Только бежать. Даже когда поведут на расстрел.

Это было как раз то, что нам нужно. Именно на побег и было все рассчитано.

— Тише, что вы расшумелись, хотите погубить себя и меня,— оборвал его Судаков.

На последнем допросе Хаменьскому сообщили наше решение передать его польским патриотам. Он побледнел и заерзал на стуле. После допроса он сказал Судакову:

— Охрана — один часовой, а нас двое. Если удастся бежать, пойдешь со мной?

— Пойду, но в разные стороны.

— Это как понимать?

— Дни мои сочтены. Шатаюсь по лесу, я простудил легкие. Хватит, отвоевался. Буду пробиваться на Волынь, там у меня живут мать, жена и дочь. Осталось хозяйство. Если смогу поправить здоровье, продам все, захвачу семью и уйду на запад, подальше от тех мест.

— Ты украинец?

— Русский. В тридцатых годах отец бежал из Сибири на Украину от раскулачивания. Ему удалось кой-чего продать, но, главное, у него сохранилось много царских золотых монет. Мне тогда было четырнадцать лет, но я хорошо помню, как отец на столе расклады-

вал стопки монет. За них-то он и купил на Волыни усадьбу.

Хаменьский стал посредине комнаты, глаза его горели, потом он резко повернулся в передний угол, где висели иконы, не сказал, а простонал:

— Золото — это жизнь, это свобода. Будь у меня золото, я послал бы к чертовой матери гестапо, абвер, Соснковского и всю его компанию.

Он был страшен в этот миг: приблизился к столу, нагнулся, как будто на столе лежали стопки золотых монет...

Потом Хаменьский долго сидел, обхватив голову руками. Очнувшись, как бы между прочим спросил:

— Ковпак здесь?

— Да, — ответил Судаков, — я видел его несколько раз.

— Почему он держится в тени? Боится?

— Никого он не боится, — ответил Судаков, — но не хочет схватить случайную пулю. Для партизан это святыня, и его берегут все.

Как и было предусмотрено, в полночь недалеко от караульного помещения разведчики учинили стрельбу. Часовой — Ваня Сапожников — побежал туда.

— Наши стреляют, — крикнул Хаменьский и выбил окно. Оказавшись на улице, арестованные бросились бежать.

Вспоминая об этом, Строганов говорил:

— Мой приятель даже не оглянулся. Я пробежал метров триста, остановился, несколько раз окликнул его, но ответа не получил...

Иван Сергеевич Строганов обладал недюжинным умом и волевым характером. Он так умело выполнил наше задание, что ему мог позавидовать и опытный разведчик.

— А здорово вы, Иван Сергеевич, его золотом расправили, — вспомнил я.

— Иначе нельзя. Надо было убедить его в том, что Судаков не случайно воевал против Советской власти. — Подумав, Строганов продолжал: Хаменьский — враг злобный, а воюет без идеи, в душе пусто. Награбит ценностей и удерет от своих хозяев. Промотает награбленное и будет искать новых покровителей.

Строганов продолжал выполнять и другие наши задания. Но его болезнь стала быстро прогрессировать:

у него начался активный туберкулезный процесс. Как только мы вошли в партизанскую зону Белоруссии, пришлось отправить Строганова на Большую землю.

Сведения, которыми мы снабдили Хаменьского, дошли до фашистов, и они поверили им. Возвратились из-за Буга разведчики во главе с Антоном Землянкой и сообщили, что там быстро выгрузилась воинская часть в составе двух пехотных батальонов и с ходу была направлена к Бугу наперерез вероятного нашего движения. По нашему следу бросился 23-й охранный полк СС. В Краснобруде появился 114-й пехотный полк, который также был направлен против нашей дивизии. 2-й и 3-й полки нашей дивизии и кавэскадрон вели упорные бои с противником. Снова на нашем пути появились отдельные подразделения дивизии СС «Галичина». Партизаны завязали бой с моторизованным батальоном жандармов, прибывшим из Кельца. Разведка доносила, что противник подтягивает и другие крупные воинские части.

Снова наступил период тяжелых боев.

Как-то под вечер дивизию настигли большие силы гитлеровцев. Три наших полка и кавдивизион сдерживали противника. В штабе остались Вершигора, Стрельцов, я и радисты опергруппы.

В это время к штабу просочилось около восьмидесяти гитлеровцев. Нас отделяла от них узкая полоса невысокого, но довольно густого кустарника. Я отдал Стрельцову шифры всех радистов, приказал ему в случае опасности сжечь их вместе с рациями. Выкатив на опушку леса станковый пулемет, дал прицельную короткую очередь. Двое немцев упали, остальные залегли. Радисты, перебегая, появлялись в разных местах опушки. Гитлеровцы решили, что нас много, и отступили, оставив на поле боя убитых.

Впервые я подумал о том, что нельзя было пятерых радистов с рациями и шифрами оставлять без прикрытия. Даже юный Володя Павлюченко — комендант опергруппы — и тот находился на задании.

С наступлением темноты ребята обыскали убитых. У одного из них оказался переписанный от руки циркуляр контрразведки первой немецкой бронетанковой армии, в котором указывалось: «Надо воспитывать германские войска в недоверии к лицам, выражающим особое расположение к немцам. Арестовывать, тща-

тельно обыскивать и допрашивать всех путешествующих лиц. Строго наблюдать за железнодорожниками. Особо строго относиться к лицам, задержанным в районах действия партизан».

До сих пор мы не встречались с первой бронетанковой армией. И в последующее время установить место ее дислокации нам не удалось. Из циркуляра мы поняли, что фашисты даже к предателям стали относиться с недоверием. Нам были известны случаи, когда изменников расстреливали за неточные ответы.

Однажды начальник разведки нашего третьего полка Хвашевский доставил захваченного партизанами подозрительного человека. Им оказался Кондрат Юркевич. На допросе он прикидывался таким дураковатым парнем, который сам не знает, каким образом попал в Польшу.

Хвашевский совершенно неожиданно, как о чем-то незначительном, не имеющем отношения к делу, сказал:

— У него ребята изъяли оптический прибор.

— Какой оптический прибор?

— Обыкновенный оптический прибор для снайперской стрельбы.

— Где винтовка?— спросил я Юркевича.

Он пытался отвертеться. Потом так запутался в ответах, что вынужден был указать место, где спрятал винтовку, и дать показания.

Мы выяснили, что дезертировав из рядов Красной Армии, Юркевич стал полицаем. Он быстро заслужил доверие гестаповцев и сотрудников СД и был зачислен в эйнзатцгруппу. В 1942 году фашисты чувствовали себя еще уверенно и в эйнзатцгруппы не включали предателей. Эти группы, как правило, формировались из кадровых сотрудников СД и гестапо. Юркевич же уже тогда составлял исключение. Он был удостоен чести быть принятым в одну из таких команд. Также не случайно он оказался в Варшаве, где формировалась зондеркоманда для борьбы с партизанами. Его вызвал к себе оберштурмбанфюрер СС Ганс Клюге и дал задание неотступно следить за движением партизан, а во время боев с партизанами уничтожать их командный состав. Основное задание, которое дали Юркевичу,— уничтожить Ковпака и его заместителя.

— Вы знаете Ковпака?— спросил я.

— Нет, мне показали его фотографию. Заместителя, сказал Клюге, ты узнаешь просто, он один среди всех партизан носит бороду.

— Клюге, наверное, называл нас не партизанами, а бандитами?

— Нет,— ответил Юркевич,— партизанами. Это раньше партизан обзывали бандитами, а теперь этим названием никого не обманешь.

— С таким ответственным заданием Клюге вас направил одного?

— В помощь мне он дал еще двоих,— ответил Юркевич,— но они по дороге убежали.

— А вы решили выполнить задание?

— Мне некуда бежать.

Действительно, ему некуда было бежать. Карательная команда СД и гестапо действовали на обширном пространстве Белоруссии. Их жестокость испытали жители многих сел и деревень. Мы задали Юркевичу еще один вопрос, на него он ответил не сразу:

— Почему вы стали на путь предательства?

— Одурманили нас. Уж очень много они обещали — охвицерский чин и богатую жисть.

Такова оказалась вся жизненная философия Юркевича.

...Дивизия продолжала отбиваться от наседавших гитлеровцев. Начали возвращаться разведчики, выполнившие задание Большой земли. Особенно тщательно провели разведку группы Семена Семченка, Ильи Рыбалко, Васи Лазуна и Николая Бережного.

После изучения всех разведанных вырисовывалась следующая картина. Гитлеровцы прочно удерживали Минск, Ковель, Бобруйск и другие города. На Белорусском направлении было установлено, что главные силы группы армий «Центр» находятся на линии, которая идет от Минска на юго-восток к Бобруйску и на северо-запад к Витебску. Немецкие войска занимали огромный район, здесь были такие укрепленные рубежи, как Минск, Барановичи, Слоним, Брест, Бобруйск, Ковель. Леса, озера и болота служили дополнительным естественным препятствием и, как видно, противник учитывал это в своей тактике.

Оборона противника не была стабильной, правда, мы не обнаружили нового массового поступления войск и военной техники. Из показаний пленных и наших наблюдений вырисовывались два момента: фашисты проводят перегруппировку сил в южном направлении (в районе Галиции), где действуют части 4-й танковой армии; в район Могилева прибыла новая мотострелковая дивизия неполного состава, а в район Витебска переведена 669-я пехотная дивизия, потерявшая более половины солдат в боях на Украине.

Заслуживали особого внимания сообщения разведчиков Ивана Плаксина, Алексея Зубкова и Даниила Жарко, которые наблюдали за движением мотомеханизированной части, примерно в составе корпуса по шоссе Барановичи — Брест в направлении Ковеля. Местные партизаны установили, что несколько раньше в этом же направлении из района Пинска проследовала танковая дивизия. На Днепробугском канале, что южнее Янува, Дрогичина и Антополя, оборона была построена с использованием прилегающих к каналу населенных пунктов. Подходы к каналу — топкие болота — затрудняли форсирование его. Разведчики выяснили, что на станции Снитово выгрузилась минометная часть с батальонными минометами и артиллерийская часть в составе полка с пушками среднего калибра. В это же время на станциях Юхново и Дрогичин выгрузилась танковая часть. Вероятно, они будут использованы в обороне канала. Добыли сведения об аэродромах противника. Все разведданные были переданы на Большую землю. В выполнении задания нам оказали помощь польские патриоты, имевшие прямое или косвенное отношение к железнодорожным станциям Люблин, Любомль и Сусец. Хотя противник, вероятно, не ожидал непосредственной угрозы со стороны Белорусского направления, вместе с тем уже в первой половине марта он принял меры предосторожности. Из Варшавы прибыл наш связник. Он сообщил, что фашисты спешно вывозят на запад оборудование военных заводов. Эшелоны с этим оборудованием пошли на Лейпциг и Бреслау. Началась эвакуация из Люблина и Хелма.

ГОСТЬ ИЗ БЕРЛИНА

К нам прибыл несколько необычный гость. Назвался Петром Жукарем, жителем Станиславского воеводства. Рассказал такую историю: служил в Красной Армии, попал в окружение, потом в лагерь военнопленных, отсюда в школу Тодт в Берлине. Курсанты этой школы якобы использовались в самых мирных целях.

К нам он пришел не с пустыми руками. На одном из хуторов встретил четырех вооруженных власовцев, напал на них, обезоружил и доставил в штаб дивизии. Власовцы показали, что нападение Жукаря было настолько дерзким и неожиданным, что они растерялись и сдались.

Жукарь рассказал нам о положении в Берлине. Город горит. Фридрихштрассе и другие улицы превращены в груды кирпича. В предместье Берлина создан большой концлагерь, заключенные которого работают на очистке города. Все, кто может, покидают Берлин. Семьи чиновников уезжают на запад. Население прокликает Геринга, заверявшего жителей столицы, что ни одна бомба противника не упадет на Берлин.

Допрашивая Жукаря, мы убедились в том, что он располагал обширными сведениями о Берлине.

— В первый год войны,— сказал Жукарь,— немцы своим агентам любили показывать Берлин, где работали магазины, кино, театры и гостиницы.

— Откуда вам, Жукарь, все это известно?

Мы не получили вразумительного ответа.

Решили выжидать, установив за ним наблюдение. Его участие в двух боях вызвало восхищение партизан. Он показал себя смелым бойцом. Постепенно Жукарь стал «выдавать на-гора» интересную информацию. Знал он о полевом штабе абвера «Вали» в местечке Сулеювек. Вспомнил, что в школе вместе с ним учился Мыкола Нечепуренко, бывший советский военный. Абверовцы направили Нечепуренко в школу под Варшаву. Все эти сведения Жукарь сообщал постепенно и так, что проверить мы почти ничего не могли. Были у него связи и в Варшаве.

Жукаря можно было расстрелять как предателя либо найти подход и заставить раскрыть карты и использовать в нашей работе. Мы избрали последний путь. В тылу врага в сложной обстановке часто приходилось принимать рискованные решения. Да и терять нам было нечего.

И мы рискнули отправить Жукаря с нашим заданием в Варшаву. Штаб «Вали» и школа предателей представляли особый интерес. Нам было известно, что варшавский центр абвера вел разведку на Восточном фронте главным образом в направлении Украины и Белоруссии.

Еще в 1942 году, действуя в тылу врага на Украине, мы знали, что в Киеве существует служба абвера «Орион», который с продвижением фашистских войск в глубь нашей страны переместился в Полтаву.

Через четыре дня Жукарь возвратился. Его сообщения о положении в Варшаве не вызывали сомнения: мы перепроверили его через другие источники. Встречался он и с Нечепуренко. Это заставило нас насторожиться. Уж очень все это просто у него получилось. Со слов Нечепуренко Жукарь утверждал:

— Штабом и школой в Сулеювекке руководит сейчас не абвер, а гестапо. Школа опустела и ждет нового набора. Курсанты направлены выполнять задания. Нечепуренко с группой идет в район Барановичей.

И это сообщение было правдоподобно: гестапо, СД, полевая тайная полиция бросали все силы на борьбу

с патриотами, чтобы обеспечить охрану тыла армии «Центр».

Ночь близилась к концу, пропел хозяйский петух, на окраине села раздалось несколько автоматных очередей, и снова стало тихо

Что бы мы ни думали о Жукаре, всю его информацию перепроверить все равно не имели возможности.

Мы продолжали изучать полученные от разведчиков материалы. Наконец Стрельцов встал, потянулся и сказал:

— Я ложусь спать, голова совсем не работает.

— А ты освежи ее Жукарем,— предложил я.

— Кого?— не понял Семен.

— Свою голову. Нельзя, мол, дальше тянуть, решать надо.

— Вот что я думаю,— сказал Семен.— Встреча Жукаря и Нечепуренко несомненно состоялась. Его сведения соответствуют действительности.

— Фамилии предателей,— заметил я,— которых якобы назвал Нечепуренко, Жукарь знал раньше, а отсюда вывод: он сам прошел эту школу. Ему нетрудно было побывать на явочной квартире в Варшаве, связаться с Нечепуренко и возвратиться к нам...

— Пожалуй, ты прав,— сказал Стрельцов.— Но ведь мы не можем его перепроверить.

Мы пришли к выводу, что, возможно, Жукарь выполнял какое-то задание абвера или гестапо, но, будучи разумным парнем, понял, что конец гитлеровцев близок, и, как говорится, решил пришвартовать к нам.

И все же, взвесив «за» и «против», мы направили Жукаря с заданием в Берлин. Обрато к нам он не возвратился. Может быть, он «провалился» и погиб, что вполне вероятно. Парень он был горячий и смелый.

Действовавшие в нашем тылу и среди партизан предатели были названы Жукарем точно. Мы их выловили и обезвредили.

Чтобы кончить рассказ о Жукаре, забегу немного вперед. В марте 1944 года, форсировав Буг, дивизия вышла в Белоруссию. И вот тут состоялась наша встреча с Нечепуренко. Это был злобный враг Советской власти. Для его прикрытия фашисты устроили побег группе заключенных. Не назови его Жукарь, разобла-

чить Нечепуренко было бы очень трудно. Гестаповцы разработали ему хорошую легенду, проверить которую в то время было невозможно. Бежавшие вместе с ним характеризовали его как волевого и решительного человека. За выступления против лагерных порядков он якобы часто отбывал наказание в карцере, он же был и организатором побега. Нам некогда было играть с ним в прятки. Передав привет от Жукаря, мы сразу расставили все точки над «и».

На допросе он признал, что проходил курс фашистского обучения в Сулеювеке, встречался с Жукарем у его знакомой женщины в Варшаве, назвал фамилии и указал приметы трех изменников, получивших задание войти в доверие к партизанам Белоруссии и Украины.

— Действительно,— показал Нечепуренко,— в штаб «Вали» прибыла большая группа гестаповцев, удалила сотрудников абвера и руководство штабом взяла в свои руки.

От каких бы то ни было дальнейших показаний Нечепуренко категорически отказался.

— Вам хватит того, что я рассказал,— спокойно заявил Нечепуренко.— Я много побродил по белу свету, пришло время отдать концы.

— Что же вас заставило назвать этих людей и указать их приметы?

— На том свете мне будет веселее в компании со старыми знакомыми,— хмуро и мрачно пошутил Нечепуренко.

На его жирных губах появилось что-то похожее на ироническую улыбку.

— А может, мне повезет и я удеру. Решеток-то у вас нет?

Не знаем, какую цель преследовал Нечепуренко, но он явно решил поиздеваться над нами. Посмотрев на Володю Павлюченко, сказал:

— Охрана у вас молодая, неопытная, да и уснуть может...

Володя рванулся со стула, но я остановил его.

— Эта беседа, Нечепуренко, последняя. Отдаю должное: вашей выдержке и злобе может позавидовать любой фашист. Что вы еще хотели сказать?

— Накормите меня как следует, я привык сытно есть.

— Это видно,— ответил я.— Гестаповцы допустили ошибку. Прежде чем посылать вас с заданием, следовало поморить голодом. Таких откормленных заключенных в лагерях не бывает.

— Еще не хватало, чтобы я там голодал. Меня подкармливал сам ротенфюрер...

Это было последнее, что сказал Нечепуренко.

Спустя несколько дней мы встретились с начальником Особого отдела бригады белорусских партизан имени Свердлова товарищем Пителиным и представителями 2-й белорусской бригады имени Ленина. Я ознакомил их с показаниями Нечепуренко и материалами, полученными из других источников.

ТЕСТЬ И ЗЯТЬ

Стояла пасмурная погода, моросил мелкий дождь — мжичка. Мы с Семеном Стрельцовым вышли из штаба дивизии. В это время к дому подъехала повозка, запряженная добротной лошастью.

— Кто тут начальник?— спросил невзрачного вида поляк.

Вместе с ним приехал молодой парень, который, переминаясь с ноги на ногу, курил сигарету. Мы пригласили их в избу.

— Так вот,— как-то робко начал говорить поляк,— я привез вам зятя.

Он еще что-то хотел сказать, обдумывая слова, но вмешался приехавший парень.

— Видите ли, это мой тесть, он робкий. Я Станислав Индрик и хочу вместе с вами бить фашистов.

— Так, так,— подтвердил поляк.

— О Стасике скажи,— подсказал Индрик.

— Так, сын мой Стасик воюет в Войске Польском на советском фронте, пора и зятю, прошу пана, заняться делом.

Индрика мы направили в хозяйственную команду. Он оказался человеком общительным, обладал хоро-

шим голосом, декламировал стихи Мицкевича. Поведение тестя Индрика при встрече с нами, его робость, нерешительность и какое-то безразличие показались нам подозрительными.

— Что-то мне не нравится этот тесть,— сказал Семен Стрельцов.— Як кажуть украинцы, «щось не тэ». Да и зять просит, чтобы его перевели в разведку. Он успел познакомиться с разведчиками и очаровал старшину Кошицкого. Не кажется тебе, что я ошибаюсь?

— Нет, не кажется,— ответил я.— Предупреди начальника штаба Войцеховича, чтобы он воздержался от перевода Индрика в разведку.

В нашем районе «давал концерты» неугомонный Ян Кендра со своим отрядом. Он громил полицаев, нападал на обозы немцев, грабивших поляков. Мы с ним встречались часто. Он сообщал нам о движениях немцев. Мы высоко ценили его боевую дружбу. Я попросил Яна проверить тестя и зятя, которые назвали нам своим местожительством деревню Сосновице, что северо-восточнее Острува. Оказалось, что ни тесть, ни зять никогда в этой деревне не проживали. Особенно заниматься ими не было времени. Дивизия с боями форсированным маршем двигалась на север. Оперативная группа несколько опередила штаб, чтобы встретиться с разведчиками в деревне Дроздувка.

Первыми прибыли туда Ваня Плаксин и Алеша Зубков.

Плаксин доложил, что в двух километрах от деревни они встретили девушку. Она хочет сообщить что-то важное, но категорически отказалась пойти с нами в деревню.

— Нельзя мне,— сказала девушка,— в деревню, а дело важное, пусть сюда начальник придет.

Плаксин оставил с ней Толю Анчурова и Гришу Оникия. Всегда, даже в сложной обстановке, Плаксина не покидало чувство юмора и хорошее настроение. Как бы между прочим, для собственного удовольствия Ваня сказал:

— Ну и красива же эта стерва!

— Какая стерва?

— Ну Ирена. Та, что ждет вас.

— Вы перепутали, сержант Плаксин,— сказал я.— Это, вероятно, один из ангелов, спустившихся к нам с небес.

Оправдываясь, Ваня забормотал:

— Это я так, сгоряча ляпнул. Обидно, товарищ майор, какая красота есть на земле, а мы не замечаем — война. Попадет такая красавица в руки какого-нибудь грязного фашиста, он исковеркает ей душу.

Разведчики оседлали лошадей, и мы поехали на встречу с Иреной. Она сидела в компании Оникия и Анчурова и заразительно смеялась. Ничего не скажешь, Плаксин понимал толк в красоте.

Ирена скинула меня взглядом, задержавшись на погонах:

— Вы главный начальник?

— Не совсем главный, но уполномочен решить любой интересующий вас вопрос.

— Мой отец, — волнуясь, сказала Ирена, — привез вам под видом зятя фашиста.

Ирена плохо знала русский язык. Чтобы убедиться в правильности ее сообщения и выяснить суть дела, пришлось потратить много времени. В конце концов я понял: ее послал отец, которого фашисты заставили прикрыть Индрика.

— Мой отец честный, — сказала Ирена, — но очень боязливый, а фашист, который привез Индрика, угрожал, что, если он не выполнит указания, то вся семья будет расстреляна.

Ирена не пошла в деревню, где мы находились, потому что боялась встретиться с Индриком.

Оказывается, в Кракове работает в полиции племянник отца Ирены, он и направил к ним Индрика. За выполнение задания немцы подарили отцу лошадь в полной упряжке. Индрик принуждал Ирену выйти за него замуж, угрожал, а перед отъездом сказал, что вернется и все равно увезет ее в Германию. Стараясь убедить нас, девушка все время призывала на помощь матку боску и повторяла:

— Никакой он не зять, у меня есть жених, которого я люблю.

Успокоив и поблагодарив Ирену, мы расстались.

Индрика арестовали. На его допрос пригласили Яна Кендру. Улики были настолько неопровержимы, что Индрик не стал сопротивляться. Стараясь сохранить себе жизнь, он клялся, что расскажет все откровенно. Вместе с родителями он жил в Польше. Отец занимался коммерцией. После нападения гитлеровцев на Польшу

он переехал в Литву, где у него были какие-то торговые интересы. По договору с Германией шла эвакуация немцев из прибалтийских республик. Положение фольксдойча давало право семье выехать в Германию, но отец тяжело заболел, и они не могли уехать. Это вполне устраивало молодого Индрика, работавшего по заданию резидента гитлеровской разведки. Он изучал людей, завязывал нужные связи и сколачивал террористическую группу из националистически настроенной молодежи. Индрику удалось устроиться на работу страховым агентом. Система хуторов и лес создавали хорошие условия для конспирации. Перед войной организованные Индриком группы имели уже оружие, которое активно использовали во время отступления Красной Армии.

Заслуги Индрика и его сподвижников по достоинству оценили фашисты. Предателей наградили ценными подарками, их группа явилась основным ядром вновь сформированной террористической команды для борьбы с советскими патриотами. Эта команда активно использовалась СД и гестапо на территории Литвы и Польши.

Формирование в Советском Союзе Первой армии Войска Польского вызвало большую тревогу у командования вермахта. Абверу потребовались опытные и преданные люди. Во второй половине 1943 года Индрик был отозван в Берлин и передан абверу. Там он закончил школу для работы в тылу Советского Союза с ориентацией на армию Войска Польского. К этому времени Индрика из абвера передали в распоряжение гестапо. Он удостоился приема обергруппенфюрером, который считал, что самым удобным каналом для проникновения в Советский Союз являются партизанские отряды, действовавшие на территории Польши.

— Они будут разгромлены,— сказал обергруппенфюрер,— могут вырваться только отдельные группы, к одной из них вам и нужно присоединиться. Об этом вы должны подумать заранее.

Выйдя на территорию Советского Союза, Индрик должен был добиться зачисления в армию Войска Польского, обосноваться там, войти в доверие к командованию, найти единомышленников и ждать связных.

Мы понимали, что Индрик рассказал нам далеко не все, но уличить его не могли. Приняли решение передать его Яну Кендре.

СНОВА АГЕНТЫ ФЕЛЬДМАНА

Разведка дивизии занимала две крестьянские хаты на окраине села. Мы работали над очередной операцией. И в это время Гриша Ненастьев, стоявший на посту, привел поляка, который искал встречи с нами. Это был Казимир Сабо. Гестаповец Рутке не назвал его фамилию, но дал подробные приметы и сообщил псевдоним: «Домбровский».

Ошибиться было трудно.

Среднего роста, атлетического телосложения, круглое лицо, покрытое крупными угрями. Характеризуя Сабо, Рутке указывал, что это боевик, который может выполнить любое задание.

Он раньше других был освобожден из тюрьмы и содержался на конспиративной квартире, где ему были обеспечены привилегированные условия.

Анатолий Казаченко отошел к двери, преградив путь к отступлению. При обыске у пришельца обнаружили грамотно составленную справку, выданную якобы Люблинским подпольным штабом Армии Людовой. В ней говорилось, что податель сей следует в Билгорай к отцу, который болен и находится в тяжелом состоянии. Но Казимир Сабо, как «истинный патриот» своей

родины, решил вместе с советскими партизанами бить гитлеровцев, так он сказал. Все это выглядело наивно. Мы напоминали Сабо о пребывании в люблинской тюрьме, а потом на конспиративной квартире, о гестаповце Рутке. Сабо был удивлен. Рутке мы назвали не случайно, нам нужно было проверить, известно ли гестаповцам, что Рутке попал к нам.

— Как поживает Рутке?

— Не знаю,— ответил Сабо,— я с ним больше не встречался. Он убит поляками.

Сабо — сын зажиточного крестьянина-прасола. Отец считался знатоком лошадей, менял их, обманывая простаков, и так сколотил капитал и приобрел крепкое хозяйство. Отцу не повезло, он угнал казенных лошадей, попал в тюрьму, где и умер.

Казимир вел праздный образ жизни, довольно быстро размотал хозяйство и подался сначала в Варшаву, а потом в Люблин. Пытался работать, был принят в полицию, но какое-то нечистое дело испортило карьеру. Тогда он связался с преступным миром и занялся воровством. Так он оказался в люблинской тюрьме.

Когда Сабо вызвал гестаповец, он сразу согласился выполнить задание, только потребовал хорошего вознаграждения.

— Выполнишь задание,— сказал гестаповец,— получишь хутор, фюрер умеет ценить преданных людей.

Мы спросили Сабо:

— Скажите, а про любовь к родине и своему народу вы что-нибудь слышали?

Не сразу Сабо ответил на этот вопрос. Он долго проклинал своего отца, который направлял его не по тому пути, потом фашистов, которые его обманули, утверждал, что задание пустяковое. Наконец, сказал:

— О любви к родине мне не приходилось слышать, а вот что такое свободная жизнь, богатство, ордена на груди и уважение — об этом я знал.

Сабо сожалел лишь о том, что так легко провалился.

— Сам пришел,— с грустью сказал он,— и попался! Никогда так со мной не случалось.

И на сей раз Ваню Плаксина не покинуло чувство юмора.

— Объясняется это, пан Сабо, тем, что ты не знал пословицу: прежде, чем войти в дом, подумай, как из него выйти.

Располагая довольно обширным материалом о фашистской агентуре, засылаемой в дивизию и в отряды польских патриотов, мы постоянно сообщали эти сведения нашим друзьям-полякам.

Обмен информацией оказался весьма эффективным. Правда, не обошлось и без курьезов.

Штаб дивизии и некоторые подразделения ненадолго остановились в деревне Первушка, что юго-восточнее Мендзижца. Сюда под усиленным конвоем бойцы отряда Александра Скотницкого (Земсты) доставили поляка. В записке Скотницкий указывал, что задержанный вызывает подозрение. «Я убежден,— писал Скотницкий,— что он является посланцем гестапо».

Попав в отряд Скотницкого, этот человек, не разобравшись, куда он пришел, с пафосом начал приветствовать героических советских партизан, освободителей Польши.

— Так и сказал,— задали мы вопрос конвоирам,— «освободителей Польши»?

— Так, так,— ответили они,— несколько раз повторил эти слова. Правда, он пьяный.

Это был Станислав Руткевич.

О нем мы знали от Рутке и Сабо. Последний сидел с ним в одной камере люблинской тюрьмы. До войны семья Руткевича жила во Львове. Гестаповцы не случайно дали ему псевдоним «Партизан». Профессиональный уголовник Руткевич действовал сначала во Львове, а потом в Варшаве и Люблине. С развитием патриотического движения Руткевич решил, что более выгодно и менее безопасно для него будет попасть в один из польских отрядов, какого направления, для него не имело значения, и под прикрытием отряда заняться грабежом. Но, как говорится, номер не прошел. Он был уличен в мародерстве и подлежал расстрелу. Ему удалось бежать.

Вместе с приятелем в Люблине они ограбили квартиру какого-то видного немецкого чиновника. При задержании оказали сопротивление, приятель был убит, а Руткевич оказался в тюрьме.

Выручило его гестапо. «Светлая» биография Руткевича понравилась гестаповцам, и они решили его использовать. Он был направлен в дивизию советских партизан. Гитлеровцы не скупилась на обещания. За выполнение задания ему посулили хозяйство выселен-

ных поляков в одной из деревень Замойского района. Надо отдать должное гестаповцам, они хорошо изучили психологию людей, подобных Руткевичу, и умело использовали их низменные стремления.

Руткевич обладал мертвой хваткой налетчика. Если требовалось, то он мог терпеливо часами выслеживать жертву. Вербуя уголовников, гестапо исходило из того, что если из тридцати человек два-три выполнят задание — уже будет о чем доложить начальству. Бурное развитие событий требовало от гестапо оперативности, не оставалось времени для серьезной подготовки засылаемой к нам агентуры. Судя по нервозности, спешке и грубым тактическим ошибкам в борьбе с партизанской дивизией, дела их шли не лучшим образом.

ПУТЬ К БУГУ

Пришло время прощаться с польскими друзьями.

Дивизия с ежедневными боями двигалась на север в направлении деревень Прохенки и Шыдлувка, что юго-восточнее города и станции Седлец. Оттуда было рукой подать до Буга.

Лучшие разведчики дивизии и оперативной группы Николай Бреславский, Илья Рыбалко, Иван Плаксин, Антон Землянка, Василий Лазун, Николай Бережной и другие ушли к Бугу искать место, удобное для переправы.

В Шыдлувке, прощаясь с польской землей и ее храбрым народом, Мыкола Москаленко и Миша Андросов решили провести беседу с крестьянами. Собралось много народа. Они проявили большой интерес к Советскому Союзу, к нашему народу и Красной Армии. Были заданы вопросы и о Войске Польском, действовавшем на советском фронте.

Откровенно говоря, мы сами мало что знали о нем, но наши ответы вполне удовлетворяли присутствующих.

Москаленко рассказал о создании в январе 1942 года Польской рабочей партии — продолжательницы де-

ла Коммунистической партии Польши, образование Крайовой рады народной, о Манифесте национально-го фронта демократических и политических организаций Польши и, наконец, об Армии Людовой, объединившей все патриотические силы.

— В этом ваша сила,— сказал Москаленко,— отныне у вас есть своя партия и своя армия. Правда на вашей стороне. Победа будет за новой демократической Польшей, Польшей без помещиков и буржуев. Народ Польши победит — в этом мы уверены.

На этой беседе присутствовал человек, который с иронической улыбкой задал вопрос:

— А какова, собственно говоря, ваша цель пребывания на польской земле?

Крестьяне зашумели, им, видно, не понравился этот вопрос. Когда шум утих, Москаленко ответил.

— Наша цель — помочь польскому народу в борьбе с гитлеровцами. Мы сделали все, что могли, чтобы выполнить свой интернациональный долг. Так воспитаны советские люди.

Не дождавшись конца беседы, любопытствующий ушел. Мы понимали, что этот вопрос был задан не случайно, а поэтому Миша Андросов сказал:

— Если такой вопрос вы зададите воинам армии Войска Польского, действующей на советском фронте, то они ответят так же, как отвечаем мы.

В углу избы мы заметили старика. Довольно потрепанный пиджак его украшал крест. Он медленно встал, расталкивая людей локтями, подошел к столу.

— А как понимать дружбу?— спросил он.— Вот этот крест я получил за то, что ваш Киев брал. А?

Мыкола Москаленко предоставил мне возможность ответить старику.

— А в Варшаве генерал-губернатором был Скалон,— сказал я,— сатрап Николая II, императора всея Руси. Вы должны это помнить.

— Ну как же,— ответил старик,— помню. А для чего нам нужны губернаторы?

— А вам или вот им,— указал я на присутствующих,— нужен был Киев?

Присутствующие дружно засмеялись и обрушились на старика, кто-то громко выкрикнул: «Нарядился, шут гороховый!», «Сними свой крест, кому он сейчас нужен?»

Старик, опустив голову, удалился.

— Друзья,— сказал я,— Польша как колония нужна была царской России. Киев нужен был не трудовому народу Польши, а помещикам и капиталистам...

Время перевалило за полночь, когда была закончена беседа. Нам надо было уходить: разведка доложила, что немцы идут по нашему следу и, вероятно, с утра начнут наступление.

Труден был обратный путь к Бугу. Продолжительные бои измотали соединение. Партизанская дивизия, почти полностью потерявшая возможность гибко маневрировать, медленно двигалась к нашей границе. Более ста подвод везли раненых. Ежедневные схватки с гитлеровцами измучили партизан. По тяжелой дороге еле шли кони.

Командование не имело возможности ориентировать нас с Большой земли о положении на фронте. Нам приходилось пользоваться только данными своей разведки.

На основе проведенной нами глубокой разведки, допросов пленных мог быть сделан только один вывод: гитлеровцы не ожидают наступления Красной Армии на Белорусском направлении. В треугольнике Кшешув-Билгорай, Билгорай-Тарногруд дислоцируются некоторые подразделения 4-й танковой армии. Заслуживало внимания сообщение разведки о том, что в район деревень Домбровица—Ожанна прибыла основательно потрепанная на фронте 8-я дивизия СС. Никаких других крупных армейских передислокаций отмечено не было. Но зато против советских партизан и польских патриотов гитлеровцы направляли полки и дивизии. Перед гитлеровцами была поставлена задача очистить тылы действующей армии «Центр».

Партизаны вели упорные бои, отбиваясь от нападавших гитлеровцев. Чекистско-оперативная группа оказалась в исключительно трудных условиях. Борьба с агентурой противника заняла теперь в нашей работе главное место. Образно говоря, в этой борьбе у нас было много пространства, но не было времени. Дивизия почти без остановок шла к Бугу. Гитлеровцы использовали все возможности для разгрома Первой Украинской партизанской дивизии. Был установлен контакт

гитлеровских разведок, действующих в Польше, в Белоруссии и на Украине. Успех нашей борьбы решали три фактора: выдержка, оперативность и бдительность.

В начале марта группа партизан в поисках корма для лошадей удалилась от дивизии на несколько километров. Там они встретили разведку противника и завязали бой. Один из партизан был ранен в ногу, другой быстро и профессионально перевязал рану. Было ясно, что этот человек знаком с медициной и имел порядочную практику. Почему же он скрывает свои знания?

Первую помощь раненому оказал новичок — Алексей Григорьевич Никифоров, бывший военнопленный, он бежал из лагерей. Это все, что нам было известно. Вел он себя сдержанно, в разговоры с партизанами вступал редко и особенно не любил отвечать на вопросы о прошлой жизни. Только однажды, когда ковпаковцы вспоминали о трудностях Карпатского рейда, Никифоров как бы между прочим заметил, что в станиславской тюрьме сидело много партизан. На вопрос, откуда ему об этом известно, он ответил:

— Не знаю, слышал от кого-то.

Дивизия, форсировав железную дорогу Брест-Бяла-Подляска-Мендзижц, остановилась на короткий отдых, заняв деревни Рогожница, Мане и Луковиско. Выставленный дозор в лесу услышал выстрел. Расстояние от места выстрела до дозора составляло двести — двести пятьдесят метров. Прибежав туда, партизаны обнаружили убитого человека. Проведенный нами осмотр места происшествия показал: было двое, убитый сидел на пне и курил, а второй довольно долго ходил кругом. На мокрой весенней земле ясно видны были следы. Ходивший нервничал, останавливался за спиной сидевшего, топтался на месте. Потом убийца сделал очередной заход и выстрелил в затылок. Выстрел из пистолета крупного калибра был смертельным.

Убийца носил тяжелые немецкие ботинки, подбитые подковами. Мы были плохими детективами, (не приходилось нам заниматься раскрытием убийств), поэтому, весьма вероятно, важные детали были упущены. И все-таки удалось установить, что такие ботинки но-

сил Никифоров, их размер точно укладывался в обнаруженный след. Кольт Никифоров выменял у партизана из хозяйственной части на бельгийский маленький пистолет. Во время происшествия Никифорова не оказалось на месте. Улики были основательны. При обыске у Никифорова обнаружили гильзу, которую он подобрал, но не успел выбросить. Во время обыска и ареста Никифоров не сопротивлялся. Он производил впечатление человека обреченного. Медленно, наклонив голову, шагал под конвоем в распоряжение опергруппы.

Кто же такой Никифоров? Каким образом он стал предателем? В первые дни войны он был мобилизован и по специальности зачислен фельдшером в одну из пехотных дивизий. Попал в окружение. В одной из деревень Станиславской области был задержан. Его отправили в лагерь военнопленных. Там он стал агентом гестапо по кличке Швейбер. Сначала Никифоров выполнял отдельные задания в лагерях советских военнопленных, выявлял коммунистов и командиров Красной Армии, потом был командирован во Львов с заданием вскрыть действовавшее там антигитлеровское подполье. Удалось ли ему это сделать — неизвестно, проверить мы не могли.

Никифоров отрицал многое и старался всеми силами уменьшить свою вину. Назвал фамилии гитлеровских агентов в лагерях военнопленных и во Львове. Когда в 1943 году партизаны Ковпака появились в Карпатах, Никифоров был направлен к ним. В упорных боях с превосходящими силами противника соединение понесло большие потери. Погибли талантливые партизанские командиры и разведчики: Фесенко, Хмара, Черемушкин, Воробьев, Подоляка, Чаповский и другие. Погиб там и комиссар соединения С. В. Руднев и начальник санчасти соединения И. М. Савченко. Оставалась неизвестной судьба командира роты Феди Карпенко и начальника разведки Шалыгинского отряда Ивана Швайка. Никифоров показал, что многие партизаны, раненые и избитые, заполнили камеры станиславской тюрьмы. Никифоров и другие агенты гестапо действовали в камерах этой тюрьмы под видом военнопленных, но были разоблачены партизанами.

Мы старались выяснить у Никифорова, кто же из партизан оказался в тюрьме? По его описанию внешне-

сти и характера одного из раненых партизан можно было предположить, что это был Иван Швайко. Я хорошо его знал, мы вместе воевали в Шалыгинском отряде. Из Карпат он выходил вместе с группой, в которой находился опытный чекист А. Г. Мирошниченко. Он шел рядом с Иваном. Ночью напоролась на засаду гитлеровцев. Раздались пулеметные и автоматные очереди. Несколько человек были убиты, Мирошниченко ранило. Он помнил, что Швайко, отстреливаясь, рванулся вперед, в соединение Иван не возвратился.

Никифорову был известен случай, когда партизан, возможно Швайко, был вызван в кабинет начальника тюрьмы. Он схватил со стола пресс-папье и набросился на гестаповца. Его страшно избили и в бессознательном состоянии бросили в камеру.

Все наши попытки узнать у Никифорова о судьбе Карпенко не увенчались успехом.

И вот Никифорова снова направили к партизанам, хотя был риск, что его опознает кто-нибудь из тех, с кем он встречался в станицлавской тюрьме.

Такое опасение он высказал гестаповцам, но они заверили его, что никто из партизан не вышел из тюрьмы, всех их уничтожили.

Никифоров получил задание «сопровождать» партизанскую дивизию на всем ее пути, поддерживая регулярную радиосвязь с гестапо. Убитый им человек был радистом. С ним гестаповцы познакомили Никифорова в Варшаве. В Люблине они на время расстались. На Никифорова и его радиста гестаповцы возлагали большие надежды. Фашисты были убеждены, что дивизия на территории Польши будет разгромлена, поэтому Никифоров заранее должен был ориентироваться на определенную группу партизан и в подходящий момент явиться инициатором выхода этой группы на советскую территорию. Конечный пункт — Западная Украина, вблизи польской границы. Он должен был обосноваться в таком месте, которое бы давало возможность получать сведения о передвижениях Красной Армии, ее вооружении. Гестаповцы были хорошо осведомлены, что в Западной Украине действуют вооруженные формирования украинских националистов. Они вручили Никифорову письмо Бандеры, в котором Никифорова характеризовали как преданного друга украинского народа.

Это давало ему возможность получить помощь от любого формирования националистов.

— Почему вы убили радиста и где письмо, адресованное националистам?

Никифоров задумался, его лицо покрылось нездоровым румянцем. Мы не торопили его. После долгого раздумья, он сказал:

— Возможно, вы мне не поверите, для этого у вас есть основания, но все равно, я впервые скажу все, что мучило меня с тех пор, когда я связался с гестапо. Мне приходилось встречаться со многими предателями. Одни, дав согласие сотрудничать, морально и духовно умерли, их не мучила совесть и не пугала людская кровь, которая лилась по их вине. Убийство стало их профессией. Была и другая категория предателей — их терзала совесть. Прошу поверить мне, каждое большое или малое преступление мучило меня. Сколько раз я мог стряхнуть гестаповскую грязь, но... страх удерживал, и я оставался в стане врагов...

...Мы не прерывали Никифорова и еще долго слушали его исповедь. Пожалуй, на сей раз он не лгал. Попав в дивизию, он решил порвать с прошлым, мечтал о подвиге, который дал бы возможность искупить вину. Но вот явился радист и вызвал его на свидание в лес. Это был опытный разведчик и злобный враг. Фольксдойч, внук крупного прибалтийского помещика, эмигрировавшего в Германию. Надо было принимать решение, и Никифоров убил его. Рация, шифр, оружие и шоколад были спрятаны Никифоровым в лесу. Времени у нас было в обрез, Никифоров плохо запомнил место, и поиски оказались безрезультатными. Письмо Никифоров уничтожил. Он готов был к любому наказанию за совершенные преступления.

— Если вы поверите мне,— говорил Никифоров,— я без колебаний готов выполнить самое рискованное задание.

Это было заманчиво. Но была ли гарантия, что Никифоров не побежит в гестапо. Такой гарантии никто из нас дать не мог. Так этот вопрос и остался открытым до выхода дивизии в зону действия белорусских партизан.

Форсировав железную дорогу Черемха — Седлец, дивизия дислоцировалась в селах Чубасе, Совица-Руске и Токары. Местные жители сообщили, что здесь до нашего прихода были три человека с рацией, которые интересовались советскими партизанами. Сейчас они обосновались в лесу, в трех-четыре километрах от села. По поведению радистов, по обмундированию и оснащению было ясно, что это люди, выполняющие какое-то специальное задание гитлеровской разведки. Ваня Плаксин возглавил группу разведчиков, получившую задание захватить радистов.

— Они нужны нам живыми, — предупредили мы Плаксина.

Основной состав оперативной группы — Семченоч, Бережной, Лазун, Рыбалко, Павлюченко, Плаксин и другие работали на пределе физических сил. Каждый день бой, каждую ночь — марши по бездорожью, новые опасные задания. Усталость, постоянное недосыпание сделали разведчиков раздражительными. Это могло привести к срывам и грубым ошибкам. Нужна была определенная психологическая и моральная разрядка.

Мы решили собрать всех вместе и провести беседу.

На лавке под образами крестьянской хаты сидели комсомольцы Алексей Зубков, Гриша Ненастьяев, Гриша Оникий, Николай Бреславский, Анатолий Анчуров, Иван Сапожников, Вася Масюков, Рая Долакова, Федя Тихонов, Ваня Сергиенко и Володя Павлюченко. Кому не хватило места на скамейках, разместились на полу. Прислонившись к стенке, стоял «старик», двадцатишестилетний Даниил Жарко. Отсутствовали Семченоч, Рыбалко, Лазун, Бережной и Плаксин — они были на задании.

Мы пригласили Михаила Андросова, уполномоченного ЦК комсомола Украины. Миша прошел большой боевой путь с партизанами Ковпака и пользовался уважением молодежи.

— Как дела, комсомольское племя? — обратился он к присутствующим.

Начался оживленный разговор. Ребята вспоминали о боевых эпизодах, задавали вопросы и азартно спори-

ли. Андросов рассказал разведчикам о героизме комсомольцев Украины в борьбе с фашистскими захватчиками. Я наблюдал за поведением ребят, не вмешиваясь. Энергично вышел на середину избы Федор Тихонов. Обращаясь ко мне, спросил:

— Почему враг стал очень злой? Как будто ему скипидаром помазали одно место. Бесится фашист, а отсюда вывод — никакой пощады гитлеровцам; бить и только бить, фашистский зверь не опасен только мертвый.

Впервые мы услышали выступления самых скромных и молчаливых разведчиков Николая Никитенко и Анатолия Анчунова.

Неожиданно меня вызвал дежурный. Обернувшись на пороге, я увидел, что на середину комнаты вышел Даниил Жарко. О чем он будет говорить?

— Не надо закрывать глаза,— нам сейчас очень тяжело,— сказал Даниил.— А кому легко? Разве легко раненым, которые день и ночь трясутся на повозках? Трудно всем. И голодно. В разведке нам часто приходится голодать, но мы не имеем права взять у поляков куска хлеба, даже и просить-то неловко. Вдруг они скажут: немцы грабили, а теперь вы... Всегда нам нужно помнить о нашей миссии.

Пока я ходил в штаб, возвратилась группа Ивана Плаксина. Они захватили радиста. Фашиста увели, а Плаксина и Максима Самойлика я позвал с собой. Когда мы вошли в дом, ребята громко засмеялись. Только теперь я обратил внимание на Максима: у него под правым глазом был огромный синяк.

— Где это вас так угораздило?

Максим молчал, переступая с ноги на ногу. Ребята уступили ему место на лавке.

— Сержант Плаксин, может быть, вы ответите на вопрос, кто Максиму «подправил» лицо?

Ребята смотрели на Плаксина.

— Это Виктор Королев его ударил,— ответил Плаксин,— за то, что он автоматной очередью срезал главаря. Его тоже можно было взять живым.

— Ладно,— сказал я,— разберемся, виновных накажем. А сейчас давайте подведем итог нашей беседы. Здесь, в глубоком тылу, сложно было решать судьбу пленного. Тем более что слова «Гитлер капут» теперь кричат почти все. А там пойдете разберись...

Разведчики встречали солдат, которые проклинали фашистов, а потом выяснялось, что они в 1942 году оставили кровавый след на оккупированной территории Украины и Белоруссии. Разведчики знали, что получилось, когда мы сохранили жизнь радисту сбитого Семёном Семченком самолета Ю-52. Он проклинал фашистов и просил дать ему возможность вместе с советскими партизанами бороться против гитлеровцев. Мы поверили ему. А он, воспользовавшись первым боем, бежал. Но мы помнили, что был шофер Руге, который привез разведчикам офицера. В глубоком подполье Германии действовали антигитлеровские группы и организации. Лучшие представители немецкого народа томилась в тюрьмах и лагерях. Они боролись за новую, демократическую Германию. Поражение гитлеровской Германии на Восточном фронте внесло коренные изменения в умы многих немцев. Это настроение передавалось и солдату вермахта, действующему на фронте и на оккупированной территории.

— Советский разведчик — это прежде всего политически зрелый человек, достойный представитель нашей великой Родины,— сказал я.— Он должен уметь анализировать обстановку и делать правильные выводы. Меняется обстановка, а это влечет за собой и изменения в работе. Недалеко то время, когда Красная Армия выйдет на границы гитлеровской Германии.

Упоминание о границах Германии подняло настроение ребят. Они зашумели, стали спорить и строить различные прогнозы.

— Разве кто-нибудь из вас сомневается, что Красная Армия скоро будет штурмовать границы Германии?

Все дружно ответили: нет! Поднял руку молчавший до сих пор девятнадцатилетний Володя Павлюченко.

Ребята его уважали за аналитический ум, спокойный характер и выдержку. Он сказал:

— Мы были уверены в победе в 1941 году и делали все, что могли, для победы.

«Делали все, что могли, для победы в 1941 году», а ведь тогда Володе было 16 лет!

— Поговорили мы основательно,— обратился я к Андросову,— по существу у нас было комсомольское

собрание, так предоставим тебе возможность закрыть его.

— Правильно,— согласился Андросов.— Времени у нас, ребята, мало, а сделать надо много. Гитлеровцы поставили задачу — разгромить дивизию. Мы должны отвечать контрударом. Успех во многом будет зависеть от вас — разведчиков. О вашей боевой работе здесь, в глубоком тылу врага будет доложено в ЦК комсомола Украины.

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКОВ

После краткого отдыха разведчики ушли на задание, а мы занялись захваченным радистом. Звали его Анатолий Загоруйко (Базиль). С ним были еще двое — Николай Котоманов, уголовник, до войны судившийся за бандитизм, и Георгий Якушкин, сын спекулянта валютой. Он был призван в Красную Армию, окончил какие-то курсы, и ему было присвоено звание младшего лейтенанта.

Это все, что Загоруйко знал о Якушкине и Котоманове. При задержании они оказали сопротивление и были убиты.

О Якушкине мы знали несколько больше. Из показания Никифорова было известно, что он был резидентом гестапо во Львове, имел на связи пятерых агентов.

Отец Загоруйко был помещиком Тверской губернии. Россию отец Загоруйко считал варварской страной, любил Париж, где прожил большую часть своей жизни. Октябрьская революция лишила его поместья, а следовательно, и основного источника дохода. В начале 1918 года отец вместе со старшим братом покинули Россию. Анатолию в то время было восемь лет. Мать

увезла его в Витебск к сестре. В 1922 году она умерла от тифа.

— Почему же мать не уехала вместе с отцом?— поинтересовались мы.

— У отца там была другая семья,— ответил Загоруйко.— Но не это главная причина. Мать была настоящей русской женщиной и любила Россию.

Загоруйко замолчал. Казалось, вот сейчас скажет что-то важное...

— Мать хотела воспитать меня хорошим человеком,— сказал, наконец, Загоруйко.— Не получилось...

В восемнадцать лет Загоруйко пытался уйти за границу, был задержан и осужден. Отбыв наказание, возвратился в Белоруссию, часто менял место жительства, работал чернорабочим, грузчиком и ждал лучших времен. И вот, казалось ему, пришло желанное время! Белоруссия оккупирована. Он добровольно пошел к фашистам в надежде получить возможность выехать во Францию. Но и тут его постигла неудача. Он был завербован сотрудником абвера и направлен в школу радистов. Потом был прикомандирован к абверу в городе Гомеле, где выполнял обязанности радиста. В конце 1943 года его откомандировали в Минск в распоряжение управления полиции безопасности генерального округа Белоруссии. Начальником управления оказался наш старый «знакомый» оберштурмбанфюрер СС Эрлингер. Во время рейда партизанского соединения Ковпака в 1942 году из Брянского леса на правый берег Днепра мы нередко встречались с агентурой Эрлингера. Тогда он был начальником полиции безопасности на Украине.

Александр Мирошниченко, вдумчивый и опытный чекист, хорошо знавший довоенную гитлеровскую разведку, ориентировал тогда нас:

— Эрлингер до войны специализировался по Советскому Союзу и под прикрытием дипломатического паспорта бывал у нас. Это злой и, безусловно, опытный разведчик. Считается знатоком партизанского движения на Украине.

Прошло два года, и вот снова на нашем пути оказался Эрлингер. Нам было известно, что он проработал почти всю войну на Восточном фронте. Его непосредственный шеф, начальник управления СД бригаденфю-

пер Вальтер Шелленберг недолюбливал Эрлингера, но вынужден был считаться с ним.

Почему же агентура Эрлингера оказалась на территории Польши? Загоруйко показал:

— В Минск из Берлина прибыло какое-то начальство. С нами несколько дней работал оберштурмфюрер СС. Его фамилии я не знаю. Мы изучали шифр, порядок радиосвязи и тренировались в стрельбе. Потом нас принял Эрлингер в присутствии сотрудников Центра.

Эрлингер был краток.

— Мне доложили, — сказал он, — о вашей готовности для выполнения задания. В Польше появилось несколько советских армейских групп и отрядов, а также партизан. Наибольшую опасность сейчас представляют украинские партизаны, называющие себя ковпаковцами. Их там бьют, у них останется только одна дорога — форсировать Буг. Где и когда? Мы должны знать о них все, чтобы покончить с ними.

На территорию Польши была выброшена группа во главе с Якушкиным. Они успели дать два радиосообщения.

Из показания Загоруйко следовало, что если гитлеровцам станет известно хотя бы приблизительно место форсирования дивизией Буга, он даст радиограмму, и туда подтянут значительное число войск.

Было принято решение использовать Загоруйко, чтобы направить Эрлингера по ложному пути и в какой-то степени облегчить положение дивизии. У нас было основание считать, что составленный нами текст Загоруйко зашифрует и передаст. Он сам просил дать ему возможность искупить свою вину. И так уже он дал ценные сведения, назвал известных ему агентов СД и абвера, засланных в тыл Красной Армии и действующих на оккупированной территории против советских патриотов. В одной из бесед Загоруйко сказал:

— Я мог бежать, когда нас обнаружили, либо оказать сопротивление и умереть, как это сделали другие, но я поднял руки и сдался, потому что мне осточертела жизнь без семьи и родины. Знаю, меня осудят, но не расстреляют, потому что я не участвовал в кровавых делах гитлеровцев.

...Пошла первая составленная нами радиограмма Эрлингеру. В ней указывалось: «Из визуальных наблюдений (слова «визуальных наблюдений» употреблялись

Якушкиным в первых радиogramмах) подбора партизанами проводников, бесед местными жителями вероятным направлением движения будет район шоссе Бяла-Подляска, Янув-Подляски. Вероятное форсирование Буга где-то севернее Кшешув». Эрлинггер приказал повторить содержание этой радиogramмы, что и было сделано.

Направив эту радиogramму Эрлинггеру, мы рисковали. Если бы он и его коллеги внимательно подумали над топографической картой, изучили бы местность и проанализировали обстановку, то, вероятно, пришли бы к выводу, что в этом направлении могли направить дивизию только неграмотные в военном отношении люди. Рядом проходило шоссе Высоко-Литовск — Ружана, Каминец — Жабин, что давало возможность гитлеровцам быстро перемещать войска в нужном направлении. Но Эрлинггер не усомнился, и для встречи с нами в этом районе были подготовлены крупные подразделения, в том числе отдельный моторизованный батальон жандармов, от преследования которого несколько позже пришлось отбиваться нашим разведчикам. Но у нас не было другого выбора. Содержание радиogramмы было утверждено командиром дивизии. В действительности несколько групп разведчиков были направлены на север и северо-запад для поиска места переправы. Одна из разведывательных групп форсировала железную дорогу Черемха — Седлец и вышла в район населенных пунктов Липно, Климчыце и Могельница, что юго-восточнее Соколува. Здесь был подвесной деревянный мост через западный Буг. Внизу, прямо у берега, небольшое здание караульного помещения. Команда охраны состояла из двадцати человек и оказала упорное сопротивление. Враги заняли дзоты, построенные на восточном берегу нашими пограничниками, и вели плотный автоматный и пулеметный огонь. Бой был коротким, но жарким. Несколько залпов единственного в дивизии 76-мм орудия решили исход его. В ночь на 17 марта партизанская дивизия форсировала Буг. Мост сгорел, гитлеровцы остались на том берегу, дивизия получила на некоторое время передышку. За много дней первая остановка за Бугом в селе Острожанах прошла спокойно. Однако у меня, как начальника Особого отдела дивизии и руководителя оперативной группы, для хорошего настроения не было основания. Двадцать

четыре лучших разведчика, в том числе пятнадцать из оперативной группы, остались на том берегу прикрывать наш отход. Остались Антон Землянка, Илья Рыбалко, Николай Бережной, Иван Плаксин, Николай Бреславский, Иван Сапожников, Даниил Жарко и многие другие славные разведчики.

Как потом выяснилось, гитлеровцы были убеждены, что дивизия оставила здесь несколько групп партизан в общей сложности до трехсот человек. А их было всего двадцать четыре!

В одной из деревень, в пятнадцати километрах южнее Могельницы, польские патриоты ночью на лодках переправили разведчиков на восточный берег Буга. Они пошли по намеченному ранее маршруту к Беловежской пуще. Около деревни Рожковка разведчиков настигли немцы.

Здесь был первый короткий, но упорный бой. Полтора десятка карателей остались лежать на земле.

Разведчики отошли к деревне Пащуки, к речке Лесной, чтобы по небольшому деревянному мосту перейти на противоположный берег. Тут они попали в засаду, один разведчик был убит и двое тяжело ранены в ноги — Гриша Оникий и Вольдемар Вадис. Они с трудом добрались до сарая в каком-то хуторе. Там их обнаружили каратели, в неравном бою они погибли.

Был март, лед на реках подтаял, стал тонким и рыхлым. Разведчики вплавь форсировали речку Лесную. К вечеру подул северный ветер, стало подмораживать, мокрая одежда коробилась и мешала движению. Ночью, форсировав шоссе Ружана — Гайнувка, партизаны пошли на северо-восток в район Трухановичи и Смляница.

Здесь спустя два дня они вступили в свой последний бой. Рассказы Рыбалко, Бережного, Никитенко и Анчурова дали возможность восстановить картину смертельной схватки разведчиков с карателями.

Во второй половине дня разведчики приблизились к деревне Трухановичи, расположенной за массивом соснового леса. Немного дальше, в стороне, виднелся хутор, где Антон Землянка хотел дать партизанам отдохнуть. Сразу за этим хутором начиналось топкое болото.

Тихо было вокруг, казалось, ничто не предвещало беды. Разведчики не обратили внимание на то, что на протяжении восьми-десяти километров пути они не встретили ни одного местного жителя. Каратели не выпускали их из деревень. На полянке небольшого, насквозь просматриваемого леса, разведчики решили сделать привал. Здесь и оказалась засада. Подпустив разведчиков, фашисты открыли массированный огонь.

Первыми пали Антон Землянка, Иван Сапожник и Алексей Зубков. Разведчики вынуждены были залечь по существу на открытой местности. Заработали пулеметы, каратели поднялись, вышли из леса и пошли в лобовую атаку. Это было как раз то, что нужно было Тыртышному, который не расставался с ручным пулеметом. Его меткий огонь валил на землю карателей. Николай Бреславский и Иван Плаксин перебежками старались сблизиться с противником, чтобы проникнуть в лес. Коля Бережной прикрывал их огнем автомата.

...Шел упорный бой. Каратели подтянули новые силы и отрезали путь к отступлению. Оставался единственный путь — болото, которое считалось трудно проходимым. Бреславский и Плаксин попали под пулеметную очередь. Двое гитлеровцев короткими перебежками двинулись к партизанам, с другой стороны полз к ним Бережной. Временами он отрывался от земли, тщательно целился и стрелял. Он видел, как Бреславский приставил к виску пистолет. Это был его последний выстрел. Гитлеровцы усилили огонь. Справа по ним били пулемет Тыртышного и автомат Омельчика. Бережной, прижимаясь к земле, полз к Плаксину и Бреславскому. Ему оставалось не более пятнадцати метров, когда Плаксин, обливаясь кровью, попытался встать на ноги.

— Ваня, ложись, — крикнул Бережной.

Плаксин не ответил. В его руках была граната. Шатаясь, он крикнул:

— Эй вы, фашистская мразь, трусы, смотрите, как умирают комсомольцы!

Раздался взрыв.

Он сделал несколько шагов и упал на Бреславского. Бережной подполз к товарищам, чтобы взять оружие и патроны, но их автоматы и лежавшие на земле касеты были пусты.

Раздалась команда Ильи Рыбалко:

— Отходите влево, прикроем.

Он и Даниил Жарко, широко расставив ноги, поливали карателей огнем из автоматов. Не выдержав, фашисты отошли к деревне Трухановичи.

Шальная пуля угодила в Жарко. К нему подбежал Рыбалко.

— Даник, держись за меня,— сказал он,— пока немцы опомнятся — успеем уйти.

— Не нужно,— ответил Жарко.— Ухо-ди-те...

Гитлеровцы снова поднялись в атаку. Разведчики краем болота вышли на хутор, и в обход села Смоляница ночью подошли к шоссе Ружана — Пружаны. Шоссе освещалось прожекторами, на нем патрулировали танки и бронемашины. Все-таки перед рассветом разведчикам удалось пересечь шоссе и выйти в Ружанскую пущу. Здесь они встретили белорусских партизан под командованием Героя Советского Союза Тихомирова и группу ковпаковцев под командованием Бычкова.

Вместе с партизанами Белоруссии разведчики опергруппы приняли участие в ряде операций. Совершив пятисоткилометровый самостоятельный рейд, они 16 мая пришли в дивизию, штаб которой дислоцировался в селе Большой Рожин...

У меня хранится письмо отца Николая Бреславского Ивана Федоровича и матери Степаниды Никитовны.

Живут они в Киргизии, в совхозе «Джанги-Пахта». Там они вырастили и воспитали пятерых сыновей и двух дочерей. С юношеских лет Иван Федорович и Степанида Никитовна работали у помещиков и кулаков на Украине, мечтали о хорошей жизни. Иван Федорович пишет: «Все наши ребята получили профессии и живут самостоятельно. Мы с женой живем в довольствии, в хорошей двухкомнатной квартире. Мы счастливы, потому что живем в единой советской семье и любим нашу Родину. Так мы воспитывали и своих детей».

Когда я начал работать над этой книгой, родители Даниила Жарко прислали мне его последнее письмо.

«Дорогие мои папа и мама!

Представился случай направить вам весточку. Пока могу вас обрадовать только тем, что дерусь с врагами нашей родины не хуже других. Папа! Будем считать, что я от тебя принял боевую эстафету и пронесу ее че-

стно, как положено советскому патриоту. Крепко целую вас, мои родные.

Ваш сын Даниил».

Они прожили мало, но сделали много для счастья настоящего и будущего поколений. Они внесли в героическую летопись Ленинского комсомола самый большой вклад — свою жизнь.

Храбрость на войне — это победа, смерть для врагов. Трусость — позор и унижение. Я всегда буду помнить последние слова Вани Плаксина: «Смотрите, как умирают комсомольцы!»

И новому поколению молодежи мне хочется сказать: «Смотрите, не ошибитесь в выборе жизненного пути, берегите честь советского человека, крепите могущество нашей великой Родины, готовьтесь достойно принять эстафету от старшего поколения».

ЗАСАДА В БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩЕ

По решению командования дивизия шла в Беловежскую пущу. Там, в лесных деревнях мы рассчитывали укрыться на некоторое время от немцев, дать людям отдых, подлечить раненых и получить подкрепление с Большой земли. Однако сделать это нам не удалось.

Форсированным маршем мы подошли к деревне Рожковка и с боем заняли ее. Рядом виднелась деревня Пашуки, где засели гитлеровцы. Попытки партизан выбить их оттуда не увенчались успехом. Подразделения дивизии вели жестокие арьергардные бои. Противник, окопавшийся в Пашуках, и не пытался наступать. Немцы обстреливали из минометов единственную проселочную дорогу и мостик, ведущий в Беловежскую пущу.

Еще было светло, когда часть дивизии во главе с заместителем командира по политчасти Мыколой Москаленко начала втягиваться в лес. Я ехал на одной повозке с Москаленко. Мы были на мостике, когда в десяти метрах от нас глубоко зарылся в трясину снаряд. Взрыв подобно гейзеру высоко взметнул тучи грязи. Осколки, видно, потеряли силу и не могли вырваться из трясины.

Обстрел дороги усилился. Били минометы из Пашуков.

Итак, мы с частью дивизии оказались в Беловежской пуще. Странная тишина вызвала подозрения.

— Что-то не то,— сказал Москаленко.— На войне так не бывает. Не нравится мне эта тишина! Не должно быть сейчас тишины.

— Разведка послана в трех направлениях,— ответил я.— Она должна обследовать местность в радиусе пяти километров.

— Я очень устал, прилягу. В случае чего разбуди меня,— попросил Москаленко.

Но спать ему не пришлось. Возвратилась первая группа партизан.

Они привели связанного пленного, лейтенанта. Австриец по национальности, геолог по профессии, любитель, как он сказал, «помечтать в одиночестве на лоне природы», он был настолько близорук, что не заметил, как оказался лицом к лицу с партизанами. Связывать ему руки, пожалуй, не следовало. Он не из тех притких людей, которые могли бежать. Пленный оказался помощником по материально-техническому обеспечению заместителя командира отдельного танкового батальона. Батальон недавно прибыл в город Волковыск, потом его подняли по тревоге, погрузили в вагоны и перебросили через Гайнувку на станцию Беловеж.

Сюда же из Видомля через Пружаны на автомашинах были переброшены два батальона пехоты. Деревню Пашуки занимает отряд эсэсовцев. Пленный также показал:

— Перед отправкой сюда бригаденфюрер СС, прибывший из Минска, сказал, что в тыл нашей армии прорвались разведывательные группы красных, которые должны быть уничтожены.

— Вы поверили в это?

— Нет,— ответил он,— от местного населения мы знали, что здесь действует крупное соединение советских партизан.

Возвратились еще две группы, посланные в разведку. Используя темноту и лес, они сумели обойти сторожевое охранение и обнаружили замаскированные танки и бронемшины немцев. Надо отдать должное

противнику — вся эта операция была им подготовлена быстро и тайно. Фашисты создали на пути нашего движения подковообразную ловушку, оставляющую нам единственный путь отступления — тот, по которому мы сюда пришли. Там же позади — эсэсовцы в Пашуках и более тысячи пехоты, с которой партизаны весь день вели арьергардные бои. Враги рассчитывали на то, что заслон этот отрезет нам путь к отступлению и разгром дивизии станет неизбежным.

Мы, пожалуй, впервые увидели Мыколу Москаленко мрачным и злым.

— Безобразие, — сказал он, — загнать дивизию в лапы гитлеровцев! Это преступление. Придется наказать командира разведки.

— Не горячись, Мыкола, — сказал я, — фактически разведки-то нет. Лучшая часть во главе с Антоном Землянкой осталась за Бугом. Вторая группа под командованием Семена Семченка находится на выполнении специального задания. Кроме того, пленный показал, что танковый батальон только сегодня в первой половине дня расставил свои сети.

Мы послали командиру дивизии П. Вершигоре с нарочным донесение: «Дислокация дивизии здесь исключается. Гитлеровцы разгадали наши намерения и заняли исходные позиции. Немедленно снимайтесь, мы следуем за вами».

Гитлеровцы ждали утра. Нам ждать было незачем. И, выставив заслон в направлении деревни Пашуки, партизаны тихо покинули Беловежскую пуцу.

Мы продолжали готовить Загоруйко к серьезной игре с Эрлингером. Для этого нужно было время и условия.

Загоруйко имел возможность бежать, ибо в боевой обстановке трудно было обеспечить за ним постоянное наблюдение.

В одной из бесед радист сообщил, что Якушкин предупредил о возможной передислокации группы в Янувские леса, где действуют большие силы советских партизан. Расчет был таков: когда фашисты выбьют партизан из лесов и у них останется один путь на восток, в Белоруссию, тогда по радио надо будет передать маршрут их следования.

— О возвращении в Польшу, — сказал Загоруйко, — мы должны получить указание на одном из сеансов радиосвязи.

Нам нужно было выиграть время, поэтому Загоруйко передал составленную радиограмму: «Попали сложные условия первой возможности выйдем на связь. Жорж».

На этом сеанс был закончен.

Об использовании Загоруйко мы сообщили на Большую землю. Обстановка была такой горячей, что наши радисты Вася Масюков и Рая Долакова работали с Большой землей под разрывы мин и снарядов. Какая уж тут радиоигра...

Дивизия шла на юг. Неудача, постигшая нас в Беловежской пуще, где предполагалось стать на отдых, еще больше усложнила и без того тяжелое положение дивизии.

Наступила весна, дороги развезло и даже небольшие речки представляли серьезную преграду.

Гитлеровцы использовали каждую нашу остановку, чтобы навязать бой.

Лошади еле двигались от усталости и голода. Бросили все лишнее, и все равно обоз был огромный: подводы с ранеными растянулись в длинную ленту. Раненые требовали усиленной охраны. Немцы с каждым днем направляли против нас новые силы. Были случаи, когда автоматчики противника прорывались к растянутому обозу. Ковпаковцы хорошо запомнили трагическую гибель в Карпатском рейде группы раненых, расстрелянных гитлеровцами, и делали все, чтобы обеспечить охрану раненых.

Бойцы еле шли; обувь развалилась и не могла защитить ноги от холодной весенней воды и грязи.

Разведчики оперативной группы, как и партизаны, действовали на пределе физических сил. От продолжительного пребывания в холодной воде и болотах у некоторых появился ревматизм.

После недолгого и беспокойного сна Володя Павлюченко, Ваня Сергиенко и Коля Турвиц старчески кряхтели, разминались. Дивизия шла почти не останавливаясь, торопилась выйти в зону наших боевых друзей — белорусских партизан.

Старые ковпаковцы старались поднять боевой дух партизан. Часто на ходу включали приемник, чтобы записать сводку Совинформбюро и потом прочесть ее партизанам.

Вот Иван Монжос ведет свою роту на боевое задание. Он устал, но старается идти бодро.

— Выше голову,— подал он команду,— шагать в ногу, давайте песню.

И сильным бархатным баритоном запеваает. Его поддерживали партизаны, рота пошла веселее.

Петр Брайко, командир 3-го полка, появился как из-под земли. Обращаясь ко мне, Брайко спросил:

— Ну, как мои орлы поют?

— Хорошо,— ответил я,— очень хорошо. Сейчас это так необходимо.

Подошел П. П. Вершигора с группой командиров. Брайко торжествовал, казалось, он на голову стал выше.

— У меня в полку все хорошо поют,— сказал он.

За последние дни мы заметили значительное оживление в линии гитлеровской обороны. Сообщенные ранее разведданные требовали корректив.

Три группы чекистов были направлены в разведку, установлены сроки выполнения задания, определено место встречи в деревне Шекоцк, расположенной между городом Янув и местечком Мотоль.

Около деревни Соха, что северо-восточнее Дрохичина, разведчики захватили связного, мотоциклиста лейтенанта Кетлинга. Он вез донесение в штаб армии. Из документов и показаний Кетлинга было установлено, что 24—25 марта под наблюдением представителей Ставки немцы проводят некоторую перегруппировку сил. Идет передислокация ранее размещенных гарнизонов. В Барановичах скрещиваются две крупные железнодорожные линии, которые расходятся на юго-восток в Лунинец и на юго-запад в Брест. Днепробугский канал, железная дорога Лунинец — Пинск — Янув — Кобрин, целая сеть озер и труднопроходимых болот составляли треугольник, очерченный на топографической карте как укрепленная линия обороны.

Мы узнали от пленного, что прибыли новые части в составе двух дивизий, они поступили в резерв коман-

дования и были размещены в Януве, Снитове, Дрохичине и Антополе.

Кетлинг показал, что интенсивное движение войск по железным и шоссейным дорогам объясняется передислокацией в район Бреста 2-й армии, которую заменила 9-я. Она имела до пятидесяти самолетов и около девяти десятков танков. В это же время к Бресту шла переброска мотомеханизированного корпуса, который дальше намеревались направить в район Ковеля. Как потом оказалось, задача этого корпуса состояла в том, чтобы нанести контрудар с севера частям 1-го Украинского фронта Красной Армии. Все данные разведки были немедленно переданы на Большую землю.

Партизаны вышли в район озер и болот, задержались в населенных пунктах Свента-Воля и Телеханы, а отсюда двинулись прямо на юг, в местечко Мотоль. Здесь на очередном сеансе с Большой землей Рая Долакова приняла радиogramму, содержание которой вызвало недоумение. В ней сообщалось, что навстречу нам для усиления оперативной группы движется отряд в сто пятьдесят человек под командованием Гринько. После соединения с этим отрядом нам следовало покинуть дивизию и ускоренным маршем направиться снова за Буг.

Почему? Чем это вызвано? Куда разумнее было бы еще раньше остаться за Бугом, где у нас установились прочные связи с польскими патриотами. Сейчас, когда гитлеровцы, начиная с территории Польши, преследуют дивизию по пятам, обратный путь будет более сложным и опасным.

Но приказ есть приказ. На стол легла топографическая карта, нужно было наметить наиболее удобный и короткий маршрут за Буг. Навстречу Гринько ежедневно направляли разведку. Но все наши попытки связаться с ним не имели успеха. Как выяснилось позже, на пути этого отряда оказалась плотная линия обороны, озера и целая сеть каналов, соединяющих реки. Не хватило ли опытности или были какие-то другие причины, но этот отряд к нам не прибыл.

Новый рейд за Буг был назначен на первые числа июня 1944 года.

СХВАТКА В МОТОЛЕ

В Мотоле дивизия задержалась на три дня, и это было нашей ошибкой, которая могла стоить многих жертв. Местечко Мотоль расположено на берегу озера и окружено большим массивом леса. Этим воспользовались гитлеровцы и начали скрытно накапливать силы. Перед наступлением они решили воздействовать на психологию партизан, внести панику и сломить их боеспособность. Во второй половине ночи загудели самолеты, кружась над Мотолем. Они навесили световые парашюты, которые ярко освещали местечко и подступы к нему. Партизаны вышли на улицу и с любопытством наблюдали за этим зрелищем. Жители местечка в первый и последний раз видели такую иллюминацию.

Гитлеровцы повели наступление, сбили наши сторожевые дозоры и просочились на окраину села. Партизаны вступили в бой, отправив в безопасное место обоз с ранеными. Особенно упорно дрался с нами 67-й эскадрон власовцев. Это были отъявленные бандиты, и не случайно командование вермахта поручило им охрану тыла.

— Где майор Стрельцов?— спросил я в разгар боя у разведчиков.

Они пожимали плечами.

Вместе с Ваней Сергиенко я побежал к дому, стоявшему в сорока метрах от леса. В нем я и Стрельцов занимали комнату. Измученный тяжелыми боями и бессонными ночами, Семен спал на лавке под образами и громко храпел. Хоть плачь, хоть смейся!

— Немцы! — крикнул я.

Но это не произвело впечатления на Семена.

Я стащил его с лавки, тут только он проснулся, мы выскочили на улицу и оказались лицом к лицу с группой власовцев.

У Сергиенко был ручной пулемет. Огонь пулемета и наших автоматов заставил предателей отступить. Двое остались на месте. Отстреливаясь, мы последними покинули Мотоль. Втянулись в лес, постепенно прошло напряжение от боя, можно было закурить.

— Ну как тебе, Семен, понравилось гостеприимство Мотоля?— спросил я.

Стрельцов засопел и что-то пробормотал еле слышно.

14 апреля 1944 года штаб дивизии и опергруппа дислоцировались в селе Локтоше, что в шестидесяти километрах юго-восточнее Барановичей.

Весна была в полном разгаре, бурно шумели ручьи, кое-где на пригорках показалась зелень.

Стайка ребятишек, засучив штаны, босиком бегала по грязи и холодной воде. Прислонившись к углу избы, я какое-то время наблюдал за их игрой.

Когда мы вошли в отведенную нам избу, на лавке лежал мальчишка лет девяти и громко плакал, а мать завязывала тряпками намазанные сметаной ноги. Мне показалось, что я уже видел этого пацана в луже.

— Вы только посмотрите, добрые люди,— обратилась она к нам,— сладу с ним нету, каждый день луплю ремнем — не помогает. Бегает босиком. А ведь еще заморозки бывают.

Как потом оказалось, Наталья Федоровна, так звали хозяйку, лишь для красного словца сказала, что лупит Кольку каждый день. Володя Павлюченко, посмотрев на его ноги, сказал:

— Знаешь, Коля, если говорить откровенно, тебе

стоило всыпать, у тебя же кожа потрескалась до крови.

Коля уже не плакал. Он спокойно ответил:

— Это она так, чтобы власть показать. Она добрая, только грозит, а не бьет. У меня каждую весну цыпки. В прошлом году хуже было.

Только мы расположились в доме, разведчики привели подозрительного человека. Допрашивать его здесь было нельзя. Перешли в другой дом.

В сопровождении известного партизанского разведчика Ефрема Берсенева осторожно, как бы крадучись, вошел задержанный. Он, не торопясь, устремив взгляд на иконы, перекрестился и изрек:

— Благословен господь бог наш, мир вам, православные!

В углу под иконами сидел Володя Павлюченко, он растерялся, ведь молился-то дед прямо на него. Володя, скользя по лавке, отодвинулся в сторону.

— Садитесь,— ответил я.— Будем говорить не о божьих, а о мирских делах.

Перед нами сидел дряхлый старик, длинные волосы спадали до плеч, смешивались с седой бородой, весь он был какой-то грязный и жалкий. Глубоко впавшие глаза осторожно обшаривали комнату.

— Я, гражданин начальник,— сказал задержанный,— с отроческих лет проповедую благодетель божью.

«Ага,— подумал я,— гражданин начальник. Значит, бывалый тип».

Вмешался Берсенов:

— Иван Яковлевич, он придуривается. Задержали мы его не случайно, он ходил по деревням, выявлял советских людей, интересовался партизанами.

Берсенова я знал давно. В соединении его почему-то звали Сашей, хотя мать назвала его Ефремом. Берсенов был очень хороший разведчик. Мы не знали случая, чтобы материалы, добытые Сашей, не нашли подтверждения. И сейчас задержанный заерзал на стуле, опустил голову так низко, что борода оказалась на коленях.

— Ну, раб божий,— сказал я,— давайте будем говорить откровенно. Идет война, а времени у нас мало.

Наступило молчание. Никаких документов у старика не было, и он мог назвать себя кем угодно. Как бы очнувшись, он сказал:

— Семейкин я, Осип Порфирьевич. Все надоело, жизнь кончена. Буду с вами откровенным, потому что зол на них, они окончательно исковеркали и без того нерадостную мою жизнь.

— Кто это они?

— Немцы, конечно.

Глухим, скрипучим голосом он медленно «выталкивал» из себя слова. Родился Семейкин в богатой религиозной семье в таежной сибирской деревне. Отец имел большое хозяйство, пасеку, занимался извозом и держал батраков. Осип — единственный наследник отцовского богатства, учился в Кузнецкой гимназии, после которой отец предполагал перевести его в Томскую духовную семинарию. Осип любил погулять, поесть, а денег, которые давал скупой отец, не хватало. Тогда он уговорил двух гимназистов, они поехали в деревню, ночью проникли на пасеку отца, разорили пять ульев, чтобы продать мед на базаре. Отец узнал «почерк» сына и немедленно примчался в город. Он застал сынка в постели исковерканного пчелами. Залепив ему пару оплеух, сказал:

— Ну вот что, ты годишься служить сатане, а не господу богу. Денег от меня ты больше не получишь. Живи по своему разумению.

Перекрестившись, отец уехал. С гимназией было покончено. Осенью 1916 года Осип работал сначала переписчиком, а потом счетоводом в частной фирме, скупавшей пушнину, и смиренно ждал кончины отца. Наступившая революция развеяла мечты Осипа.

— В деревню, где жил отец, прибыл какой-то отряд анархистов, — сказал Семейкин, — дом сожгли, лошадей угнали, а хозяйство разорили.

Собрав пожитки, Осип махнул подальше от этих мест, в Томск. Там он стал советским служащим по счетной части. Не будем больше утруждать читателя биографией Семейкина. Скажем коротко. В Томске он познакомился с девушкой-москвичкой, женился и, таким образом, «по воле господ» стал жителем столицы. Жена работала медсестрой, а Семейкин бухгалтером продуктового магазина. Сначала все шло хорошо; родилась дочь и жили в достатке.

Года за два до войны в служебное помещение магазина зашел средних лет мужчина. Директора не было. Он обратился к Семейкину с просьбой достать несколь-

ко банок черной и красной икры. Семейкин понял, что имеет дело с иностранцем. За оказанную услугу тот хорошо заплатил. После этого иностранец бывал в магазине еще несколько раз и всегда щедро платил. Так Семейкин познакомился с сотрудником германского посольства, который просил называть его просто Вальтером.

— Наши встречи,— сказал Семейкин,— участились. Дважды мы были с ним в ресторане, но Вальтер считал это опасным.

Виделись они на квартире Семейкина либо за городом. Семейкин понял главное: зарплата — мелочь по сравнению с тем, что он уже получил и может еще получить от Вальтера, которого пока интересовало, каковы запасы продовольствия на складах столицы, каков ассортимент продуктов, аккуратно ли удовлетворяются заявки магазинов? Используя служебное положение, связи с райторгами и базами, Семейкин доставлял Вальтеру нужные сведения. Каждый раз Вальтер старался убедить Семейкина, что существование коммунистической России недолговечно, что его, Семейкина, счастье не здесь, а там — на Западе, в Германии, Осип Порфирьевич уверовал в лучшее будущее и решил, что надо иметь ценности. На полученные от Вальтера деньги он покупал у частных лиц золотые монеты царской чеканки, кольца и другие ювелирные изделия. На квартире появился небольшой железный сундучок с крепким и сложным замком, доступ к которому имел только он. Семейный бюджет был урезан. Жене он отдавал треть своего заработка. На эти деньги она обязана была не только покупать все необходимое для себя и дочери, но и кормить Семейкина.

— Не выдержала такой жизни моя многострадальная жена,— жаловался Семейкин,— опротивел я ей, взяла дочь, да и уехала на Урал к родственникам.

Основное предательство, как сказал Семейкин, он по заданию Вальтера совершил через год после знакомства с разведчиком.

— Все началось с газеты «Вечерняя Москва»,— сказал Семейкин.— В ней появилась заметка о сотрудничестве науки с производством. В заметке сообщалось о каком-то изобретении ученого, работавшего на одном из московских заводов. Заметка вызвала интерес германского посольства. Был установлен завод, куда часто

приезжал ученый. Вальтер дал задание найти подходы к заводу.

Было обещано ценное вознаграждение, и Семейкин приступил к выполнению. Он несколько дней тщательно изучал обстановку около завода, наблюдал за людьми. Рядом находился пивной ларек, куда заглядывали рабочие выпить кружку пива. Семейкин обратил внимание на то, что некоторые из них, отпив полкружки, вынимали из кармана чекушку водки и делали «ерш».

Радостно забилося сердце Семейкина, когда он увидел, что один из рабочих балуется «ершом» ежедневно. Несколько раз Семейкин «случайно» оказывался рядом с пьяницей и угощал его своей водкой. Познакомились. Семейкин назвал себя техником одного из заводов, а новый знакомый оказался токарем Прокопом Исаковым.

Семейкин доложил Вальтеру, немец одобрил знакомство и предложил закрепить его.

Во время очередной встречи Семейкин пригласил Прокопа в столовую, где оба основательно выпили, но Прокоп еще был в здравом уме и твердо стоял на ногах. Семейкин затащил его в продуктовый магазин, купил пол-литра водки и колбасу. За углом магазина Семейкин напоил Прокопа до бессознательного состояния.

Напротив магазина был вытрезвитель. Семейкин затеял скандал. Оба оказались в этом вытрезвителе. Рано утром Семейкина разбудили.

— Ну вот что, работяги, давайте подведем итог вашим похождениям,— обратился дежурный милиционер к Семейкину,— получите остаток денег. Штраф с вашего приятеля взыщем через бухгалтерию завода. А может, вы уплатите за него?

Семейкин охотно согласился и уплатил за гостеприимство. Прокоп был растроган и поклялся Семейкину в вечной дружбе. В июле, а может, в августе 1940 года Семейкин познакомил Прокопа с «хорошим» человеком — Вальтером. Вручая Семейкину за труды солидную сумму, Вальтер запретил ему дальнейшие встречи с Прокопом. Подчеркнуто официальным тоном сказал:

— Забудьте дорогу к этому заводу.

Наступил 1941 год. Встречи с Вальтером продолжались. Он требовал от Семейкина сведений о работе магазинов, размещении баз и складов с продовольстви-

ем. Семейкин старательно выполнял задания и получал вознаграждение. Последняя встреча с Вальтером состоялась ранней весной. Он сказал, что временно встречи будут прекращены; есть опасность провала.

Семейкин перепугался и спросил:

— Вы поможете мне уехать на Запад?

— Все в свое время,— ответил Вальтер и, не подав руки, ушел.

Это насторожило Семейкина. Уже немало ценностей легло в его железный ящик. Он стал готовиться покинуть столицу. Оставалась еще большая сумма денег, которую нужно было превратить в иностранную валюту и ценности. Случайная встреча заставила его поторопиться. Семейкин шел по улице Горького и заметил, что за ним следит Прокоп. Он свернул в переулок и ускорил шаг, но Прокоп нагнал его.

— Хочешь убежать, сволочь,— угрожающе заявил он,— втянул меня в грязное дело, а теперь в кусты. Не уйдешь. Сейчас я тебя сведу на Лубянку, вместе будем отвечать.

Семейкина трясло как в лихорадке, он дрожащими руками вытащил из бокового кармана пачку денег. Прокоп вырвал деньги и, не оглядываясь, удалился.

Семейкин взял такси и поехал на квартиру. Целый день он потратил на то, чтобы зашить ценности в пальто, пиджак, брюки и спрятать во второе дно чемодана. В боковой карман положил фальшивые характеристики и справку, в которой указывалось, что он едет в Минск к больной жене и дочери. В характеристиках говорилось, что он активный общественник и предан Коммунистической партии и Советской власти.

— Вот эти-то характеристики,— жаловался Семейкин,— испортили мне всю жизнь и лишили здоровья.

Война застала Семейкина в Белоруссии. Он умолял, плакал и упорно пробивался в Минск к больной жене и дочери.

Минск уже был занят гитлеровцами.

До него оставалось каких-нибудь сорок километров. По дорогам идти было нельзя, не пускали заслоны Красной Армии.

Семейкин, усталый и обессиленный, свернул в сторону и шел проселочными дорогами вдали от людей. В одной из лесных деревень попросился передохнуть и крепко уснул.

Нагрянули оккупанты.

Радости Семейкина не было конца. Но.... при обыске у него обнаружили характеристику. Не поверив его клятве в преданности, фашисты отобрали все ценности и избили так, что он остался калекой на всю жизнь.

Так плачевно закончилась карьера предателя. Теперь он сидел перед нами и горько плакал.

— Скажите, Семейкин,— обратился я к нему,— почему вы так откровенно все нам рассказали?

— Э, гражданин начальник, когда человек знает, что стоит на краю пропасти, то у него есть потребность облегчить душу — неважно кто будет исповедывать — поп, дьякон или кто-то другой.

— Вы сами поставили себя на краю пропасти, когда дали согласие сотрудничать с немецкой разведкой,— заметил я.

— Тогда было другое дело...

В ответ на наш запрос с Большой земли сообщили, что Семейкин Осип Порфирьевич работал бухгалтером магазина, зафиксированы его связи с иностранцем. Из Москвы выехал в Белоруссию.

Предатель получил по заслугам.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

В марте дивизия вышла в Белоруссию.

Штаб и некоторые подразделения дивизии заняли село Большой Рожин.

Леса и болота окружали это село, дорог поблизости не было. Наконец-то партизаны могли отдохнуть. Отсюда можно было отправить раненых на Большую землю и получить вооружение.

Партизаны приводили себя в порядок, мылись в банях, чинили обувь и одежду. Командование дивизии подводило итоги пройденному боевому пути и готовилось к новым походам.

Удивительный народ партизаны!

Потребовалось всего несколько дней, чтобы все пришло в норму. Фашисты оставили нас в покое. И не стрельба, а пение соловьев и мирный шум леса будили нас по ночам.

Но безделье — враг солдата. Да и тишина была обманчива. Потому командование приняло решение заняться боевой подготовкой партизан.

Мне следовало проводить занятие с группой командного состава по тактике и топографии. Пошел к месту

предстоящих занятий, в двух километрах от села, чтобы проверить на местности старую топографическую карту. На небольшой поляне я встретил Семена Тутученко. До войны он был студентом Московского архитектурного института, а у нас стал начальником штаба кавдивизиона. Никто, как он, не мог так красиво обрабатывать штабные документы и топографические карты.

Сейчас Тутученко медленно ходил по поляне, пристально всматривался под ноги, иногда приседал и осторожно руками разгребал землю.

— Над чем это вы колдуете?— спросил я.

— Посмотрите,— ответил Семен,— первые весенние цветы упорно и, как мне кажется, с треском ломают землю, чтобы пробиться к солнцу. Природа создает чудеса. Она успокаивает и лечит раны. Как хочется разбить немцев и начать строить. Какие дома мы построим!

На каждом привале, в любой промежуток между боями думали партизаны о мирной жизни. Сколько таких разговоров было у костров, в землянках. Каждый мечтал о своем: Тутученко о домах, которые он построит, Николай Бреславский и Федот Матюшенко о хлебе, которые дадут колхозные нивы.

— Я хочу жить разумно для себя,— говаривал Бреславский,— и с пользой для других. Ну, как бы это вам сказать... чтобы всем было хорошо...

Возвращаясь в село после уточнения карты, я зашел в штаб дивизии.

Оперативные работники сверяли данные итогов рейда, писали донесения, заполняли наградные листы.

Вот что говорилось в донесении, составленном штабом дивизии после рейда.

«...Во время рейда 1-я Украинская партизанская дивизия с боями прошла по областям Украины — Ровенской, Волынской, Львовской; воеводствам Польши — Люблинскому, Варшавскому и Белостокскому; по Брестской и Пинской областям Белоруссии.

По несколько раз нарушались четыре государственные границы: Украина — Галиция, Галиция — Польша, Польша — Восточная Пруссия, Восточная Пруссия — Беларусь, охраняемые гитлеровскими пограничниками. По маршруту дивизии и отдельных частей (не менее батальона) были форсированы!

а) реки: Ствига, Горынь, Стубля, Стырь, Стоход, Вепш, Западный Буг;

б) шоссейные дороги: Брест — Ковель, Владимир — Замостье, Радзехув — Крыстынополь, Жулкев — Сокаль, Владимир — Луцк, Жулкев — Рава-Русская, Немирув — Рава-Русская, Ярослав — Замостье, Ярослав — Билгорай, Билгорай — Янув, Билгорай — Звезжинец, Рава-Русская — Замостье, Люблин — Замостье, Люблин — Красностав, Люблин — Хелм, Травники — Владава, Ровно — Берестечко, Броды — Шуровичи, Стоянув — Радзехув, Стоянув — Крыстынополь, Бяла-Подляска — Седлец, Янув-Подляски — Седлец, Высоко-Литовск — Соколув, Бельск — Семятиче, Пружаны — Соколув, Москва — Варшава;

в) железные дороги: Брест — Ковель, Владимир — Замостье, Львов — Луцк, Владимир — Львов, Жулкев — Рава-Русская, Ярослав — Рава-Русская, Ковель — Хелм, Львов — Рава-Русская, Ковель — Владимир, Рава-Русская — Замостье, Люблин — Хелм, Лунинец — Сарны, Москва — Барановичи — Брест, Белосток — Брест, Волковыск — Варшава, Брест — Варшава.

Некоторые реки, шоссейные и железные дороги форсировались по несколько раз. Всего форсировано — 48 переездов. Большинство из них брали с боем.

С боями занимали города: Горохов, Цешанув, Тарногруд, Улянув, Кшешув, Краснобруд, Боремель, Станиславчик, Лопатин»...¹

«...За время рейда с 5 января 1944 года по 1 апреля 1944 года дивизия провела 139 боев, из них:

а) упорных боев — 24 продолжительностью более 5 часов, при участии со стороны противника от 1000 человек пехоты и выше, танков и авиации...

б) 21 бой с националистами УПА;

в) 94 стычек, засад и боев с противником численностью менее батальона.

Со стороны противника в боях принимали участие следующие части: 23-й, 28-й, 25-й полицейские полки СС из Люблина, 1-й полицейский полк г. Кельцы, отдельный моторизованный батальон жандармерии г. Кракова, 500-й танковый полк г. Кракова, 945-й отдельный охранный батальон, отдельный казачий бата-

¹ ИМЛУ, ф. 63, оп. 63-1, ед. хр. 3, л. 182.

льон Тодта (м. Краснобруд), 114-й пехотный немецкий полк; ...14-я дивизия СС «Галичина», голландская дивизия СС «Викинг», части 8-й СС дивизии Роммеля, части авиапехотной дивизии «Герман Геринг» и ряд других фронтовых частей, нумерацию и принадлежность которых установить не удалось...¹

...Кроме боевой, проводилась разведывательная и политическая работа.

Во время рейда полки выросли на 661 человек за счет освобожденных военнопленных и мелких партизанских групп, влившихся в дивизию.

В боях за Родину смертью храбрых пали 163 товарища, ранено — 318 человек...»²

Напряжение спало. Как-то вечером мы сидели в штабе и кто-то из командиров спросил:

— А помните Сталеву Волю? И ФАУ-2?

Многие рассмеялись.

В местечке Сталева Воля до гитлеровского нашествия действовал оружейный завод. После оккупации Польши на этом заводе фашисты организовали ремонт и производство легкого артиллерийского и другого вооружения. Это было все, что знало командование дивизии. Приняли решение с закрытых позиций обстрелять завод. Выполнение операции было поручено опытному артиллеристу Ивану Дегтеву. Два снаряда разворотили угол электростанции, не повредив машинного отделения. Несмотря на это, резонанс от обстрела был огромный.

На второй день из Сталевой Воли прибыли наши люди. Они рассказали, что после первых выстрелов поднялась паника. Охрана завода подняла беспорядочную стрельбу и тем самым усилила панику. Ночью были собраны немецкие семьи и началась их спешная эвакуация. Утром на завод прибыли эсэсовцы и сотрудники СД, начались аресты рабочих.

Удивительно быстро работала устная связь на территории оккупированной Польши.

Мы были уже за восемьдесят километров от Сталевой Воли, а польские крестьяне все спрашивали: известно ли нам, что Красная Армия высадила на пара-

¹ ИМЛУ, ф. 63, оп. 63-1, ед. хр. 3, л. 182—184.

² Там же, л. 186—189.

шютах большой отряд с артиллерией, который перебил охрану и полностью разрушил завод.

И надо же было быть такому совпадению: когда командиры вспоминали эту операцию, с шумом распахнулась дверь, и в дом ввалился огромного роста партизан, он прислушался к разговору и громовым голосом сказал:

— А знаете ли вы, что такое на самом деле Сталева Воля? Это огромный комбинат концерна Германа Геринга. Там производилось новейшее оружие — ФАУ-2.

Командиры переглянулись. Заметив неладное, партизан тоже замолчал, ожидая, что же будет дальше. Один из командиров как бы между прочим с невинным видом сказал:

— Библейская легенда утверждает: апостола Петра повесили потому, что он врал.

— А в чем все-таки состояла его вина? — спросил Берсенев. — Тогда еще не было ни крупных заводов, ни ФАУ-2.

— Апостол Петр, — ответил командир, — клялся, что после распятия Христа он несколько раз видел его живым. Не поверили ему и повесили. Это столь же достоверно, как и сведения о том, что кто-то якобы узнал, что ФАУ-2 делают в Сталевой Воле.

Партизан, давший волю своей фантазии, незаметно исчез.

...Оперативная группа готовилась к новому рейду в Польшу и по-прежнему жила одной заботой: что с теми, кто остался за Бугом? Судьба боевых друзей волновала всех.

10 мая дальняя разведка, возглавляемая Семеном Семченком, принесла первую радостную вест, полученную от белорусских партизан. Они встречались с группой наших разведчиков в районе Беловежской пуци и направили их по маршруту следования дивизии.

16 мая разведчики вышли в распоряжение дивизии. Мы провели митинг. Почтили память тех, кто остался навсегда лежать в белорусской земле.

Тяжелый путь, пройденный группой разведчиков, бои с фашистами, засады, голод и другие лишения не

сломили их боевой дух. То были настоящие воспитанники партии и Ленинского комсомола.

Заканчивая рассказ о своих боевых друзьях, я хочу сказать, что большим счастьем в моей жизни были эти пятьсот дней в тылу врага среди отважных людей, в каждом из которых я ощущал частицу великой и свободной Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Спасибо учителю	7
В соединении С. А. Ковпака	12
Боевое крещение	17
Рейд на Украину	21
Шалыгинский отряд	28
Сарнский крест	32
Разведчики в Турове	36
Партизанская свадьба	42
Рейд в Карпаты	46
В госпитале	49
Встреча с ковпаковцами	52
Новый враг	55
«Лисови чорти» и другие	61
То, что скрывалось от народа	64
Война на рельсах	74
На польской земле	82
Встреча старых знакомых	92
Прошлое и настоящее	99
Зомб появился снова	113
Новые связи	118
Подофицер Молния	127
След потерян	129
Фокусник	135
Партизанские будни	139
Легенда действует	142
Гость из Берлина	152

Тесть и зять	157
Снова агенты Фельдмана	161
Путь к Бугу	165
Подвиг разведчиков	176
Засада в Беловежской пуще	184
Схватка в Мотоле	190
Подведение итогов	198

И. Я. Юркин. 1942 г.

И. А. Пискалин.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К АЮРКИНА Ивана Яковлевича.

Тов. ЮРКИН Иван Яковлевич, по поручению командования отряда участвовал в следующих боевых операциях:

1. В октябре м-це 42 года возглавлял группу бойцов, отбивших у немецкой полиции табун лошадей для отряда отряда и гурт рогатого скота для пополнения продовольственной базы. Во время этой операции получена заслуженная ввиду выданных информации от взятых в плен старшего полицейского.

2. В ноябре м-це 42 года возглавлял группу бойцов, произведших внезапное нападение на немецкую автомашину. В этом нападении было убито пять немцев, в том числе 2 офицера. Сожжена автомашина и взято некоторое количество оружия.

В ноябре м-це ЮРКИН возглавлял группу бойцов при разгроме гарнизона немцев в Дельчицком районе, Белоруссия. В этом бою тов. ЮРКИН и был ранен в ногу с раздроблением кости.

Кроме этого тов. ЮРКИН в декабре м-це, будучи уже раненым, разработывал план и готовил группу по осуществлению диверсии на ж.д. магистрали вблизи гор. Сарни. Взрыв ж.д. моста был произведен успешно, без потерь с нашей стороны.

По пути рейда отряда в тылу противника, будучи командиром группы проявил выносливость, выдержку и дисциплинированность. Оказал большую помощь в сборе политико-экономической информации и вражеских документов, а также выполнял отдельные оперативные спецзадания.

НАЧ. ОПЕР. ГРУППЫ

Подполковник

- МИРОШНИЧЕНКО.

С. В. Руднев выступает на совещании командиров.

П. П. Вершигора.

Первая оперативная группа.

ШТАБ
" 1-я УКРАИНСКОЙ
партизанской дивизии
им. партиза Героя Советского Союза
генерал-майора КОБЫКА С. А.
2 Июнь 1944г.

Справка

Выдана Настоящая
майору Вебезанасюсти
тов. Коржену Ивану
Иковлевичу в том

что он с 25 декабря 1943г. по 2 июня 1944г.
занимал должность начальника особого отдела
1-й Украинской партизанской дивизии им. Кавнака.

За работу разведывательного и контрразведывате-
льного характера представлен командованием дивизии к
к правительственной награде орденом Красного Знамени.

Командир дивизии
и подполковник

Иван Шабан
Кемпос

М.В. Зинин | Харьков |

М.В. Зинин

А.В. Ваичевский |

А. Г. Мирошниченко.

Ф. Д. Матющенко.

Н. Бордаков.

С. С. Семченко.

Депутат Верховного Совета СССР уполномоченный ЦК КП УССР В. А. Бегма вручает ордена партизанам соединения С. А. Ковпака. Справа от В. А. Бегмы — С. В. Руднев и С. А. Ковпак.

Партизанский артрасчет ведет огонь по немецким позициям на берегу реки Тетерев.

Два боевых друга — В. Лазун и Н. Бережной

РАЗВЕДВОДКА И

ПО ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 00117

Село БОРОВЕЦ

№ 2

17 февраля 1944 года.

14.00

1.

В местечке ЦЕПАНУВ противника нет.
 В местечке ЛЮБАЧЕВ, что южнее ЦИПАНУВА - 150 чел. немцев. Вооружение не установлено.
 В местечке ОЛЕШНИЦЕ, что западнее ВОБИЧЕВА - партизан полка - 200 чел.
 Источник: Дневника З С Б, 16.2.44 года, 21.40.

2.

ТАРНОГРУД 14.2.44 года из БЕЛГОРАЙ прибыло 9 автомашин немцев 1-го "СС" полицейского полка, общей численностью до 20 чел.
 Вооружение: Ручные пулеметы и винтовки.
 Источник: Показания пленного.

3.

По дороге проходящей через деревни: ВОЛЯ ОБЩАНСКА, ВОЛЯ РУЖАНЕЦКА, и др. что Юго-Западнее БОРОВЕЦ и Южнее ТОРНОГРУД - 15.2.44 года в направлении шоссе идущего на ТОРНОГРУД в Кля предвигался противник на повозках до 100 чел.
 Село КСЕНЖОПОЛЬ, что Западнее шоссе ТАРНОГРУД-БЕЛГОРАЙ 15.2.44 гом занял противник. Состав, количество и вооружение не известно.
 Местечко ЦЕКАНУВ - противника нет.
 Источник: Дневника З С Б 16.2.44 года. 13.00

4.

РУДА РУЖАНЕЦКА, что Северо-восточнее местечка ЦЕПАНУВ на ТОМАГУЗА 14.2.44 года в 15.20 на 21 автомашинах проехали 150 чел. немцев 3 батальона 1-го "СС" полицейского полка, там же находилось на охране немцев 20 чел. Полиция, 16.2.44 года после боя в 4 С Б и 5 ротой 1 С Б противник отступил на ПЛАЗУВ.
 Вооружение: 5 тяжелых пулемета, 20 легких, автоматы и винтовки.
 Источник: Показания пленного.

МЕРОПРИЯТИЯ: 1/ 3 С Б ведет разведку в направлении: БАБИЦЕ, РУЖАНЕЦ и по шоссе на ТОРНОГРУД. Наличие там противника, количество, состав, вооружение и его намерения.
 Первое дознание - 10.00 18.2.44 года.
 2/ 4 С Б ведет разведку на ЦЕПАНУВ-ЖУКОВ-ПЛОЗУВ и ЛЮБАСКО. Дознание к 12.00 18.2.44 года.
 3/ 2 С Б в направлении АЛЕКСАНДРУВ и БЕЛГОРАЙ. Дознание к 11.00 18.2.44 года.

ПОМОЩНИК КОМАНДИРА ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 00117
 ПО РАЗВЕДКЕ

НАЛОП /ХОРКИН/.

ВЕРНО: заведомо правдиво в/ч 00117

Т/И 2 ранга *Григорьев* /НОВИКОВ/.

И. Я. Рыбалко.

Н. И. Бреславский

С. А. Ковпак и А. Ф. Федоров.

И. М. Савченко.

Ф. Л. Тихонов.

Отряд польских патриотов под командованием
подофицера Блыскавицы.

И. П. Сергиенко.

Г. Оникий.

Соединение С. А. Ковпака в районе Руда-Ружанецкая.

Е. А. Титаренко.

В. А. Воробьев.

С. А. Ковпак и С. В. Руднев с группой командиров осматривают переправу через Припять.

С. А. Ковпак, С. В. Руднев и В. А. Войцехович.

П Р И К А З
Воинской Части № 00105

СНИЦКОВО ПОЛЕ

№
51

21.XI.42 г.

Воинской Части 22 ноября 1942 г. в 7.00 продолжать движение по маршруту: СНИЦКОВО ПОЛЕ, ЗАЛОНОВ, СТОЛОДНИЧИ куда прибыть в 12.50.

2 и 4 батальонам выступить из РУЙНОВИЧИ в 7.30 и присоединиться к колонне в хут. ЗАЛОНОВ в 9.00.

3 батальону выступить из ЗАХОДЫ в 8.00 и присоединиться к колонне в хут. ЗАЛОНОВ в 9.00.

§2
Порядок движения: 1. ГПЗ-2, 3, 4 и 5 роты командир тов. КАРПЕНКО с разведкой выступить из СНИЦКОВО ПОЛЕ в 6.00 с задачей очистить села по маршруту от полиции и для подготовки квартир для подразделений. Всем командирам рот и Нач. Служб выделить квартиреров которым следовать с ГПЗ.
2. АВАНГАРД-2 батальон к-р тов. КУЛЬБАКА
3. ГЛАВНЫЕ СИЛЫ 1 батальон двигается в следующем порядке: 13-7-6 роты, батареи 11-12 роты штаб, обозы 9-10-8 роты командир тов. БИВАЛИН
4. АРЬЕРГАРД 3 батальон командир тов. МАТЮШЕНКО.
5. ЗАСЛОНЫ и НАЧКИ от 4 батальона к-р тов. КУРЯВСКИЙ. Батальону следовать в хут. ЗАЛОНОВ за ГПЗ.

§3
Для дневки остановиться: 1 батальону-СТОЛОДНИЧИ.
2 батальону-ЗАРОЛЬЕ
3 и 4 батальоны-КОРМА. Ник. гарнизона в-р 3 б-на тов. МАТЮШЕНКО.

По занятии вышеуказанных населенных пунктов Нач. штаба батальонов организовать оборону и не позже 17.00 довести штабу части.

§4
Командиру 2-го батальона тов. КУЛЬБАКА от хут. ~~Залон~~ по включению в общую колонну вывести ГПЗ и вести Колону по маршруту до СТОЛОДНИЧИ до хут. ЗАЛОНОВ Колону ведет командир 9 роты тов. БИВАЛИН.

§5
Пом. Нач. штаба тов. ВОЙЦЕХОВИЧУ и тов. ГОРКУНОВУ с квартирерами от рот выехать вместе с ГПЗ для подготовки квартир. Нач. штабов батальонов так же выехать с квартирерами для подготовки расквартирования батальонов. При расквартировании рассчитывать на ~~необходимое количество~~ продолжительность дневки до 7 суток.

Командир ВЧ ГЕРОЙ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Седук КОБЛЯК

Начальник штаба ВЧ

Воинская ЧАСТЬ ПОЛКОВОЙ
КОМИССАР

Руднев РУДНЕВ
Казима КАЗИМА

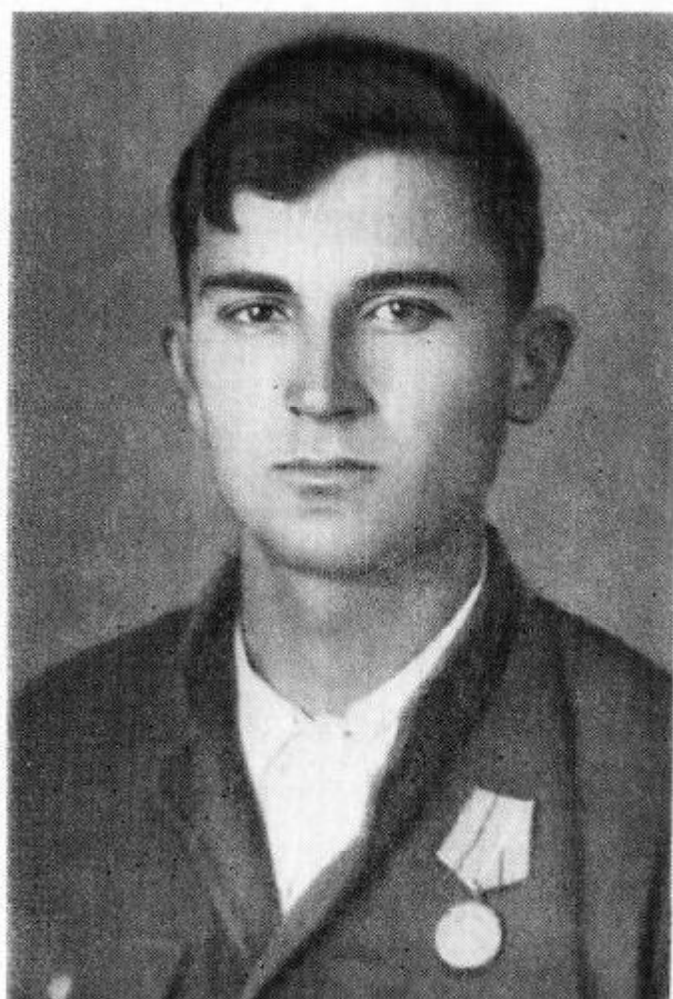
18⁰²
21.11.42 Н. штаба-3
Куряв

А. И. Чаповский.

В. А. Павлюченко.

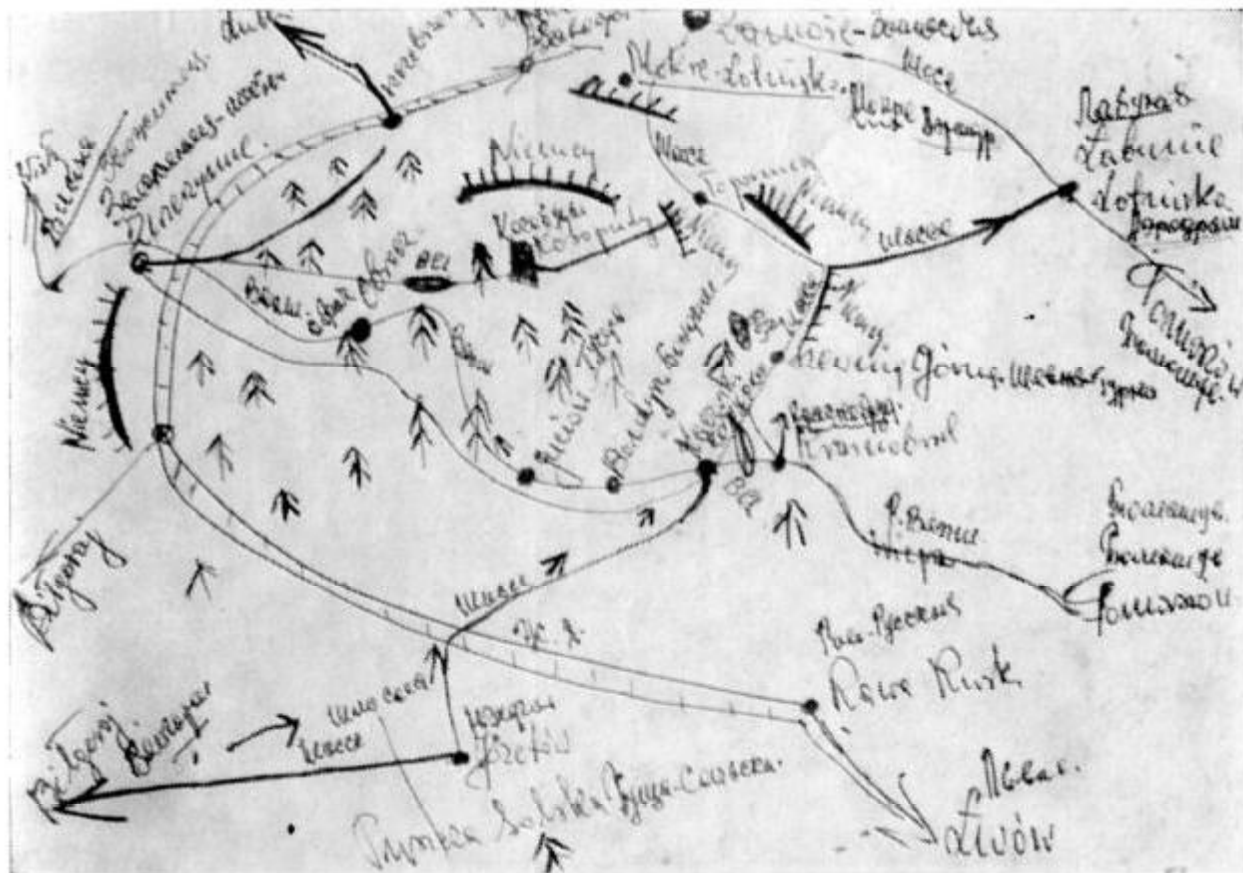

П. Е. Брайко.

Д. И. Жарко.

План расположения немецких аэродромов, составленный по данным польских патриотов.

Профессор Н. Н. Приоров.

И. Я. Юркин после вы-
хода из рейда.

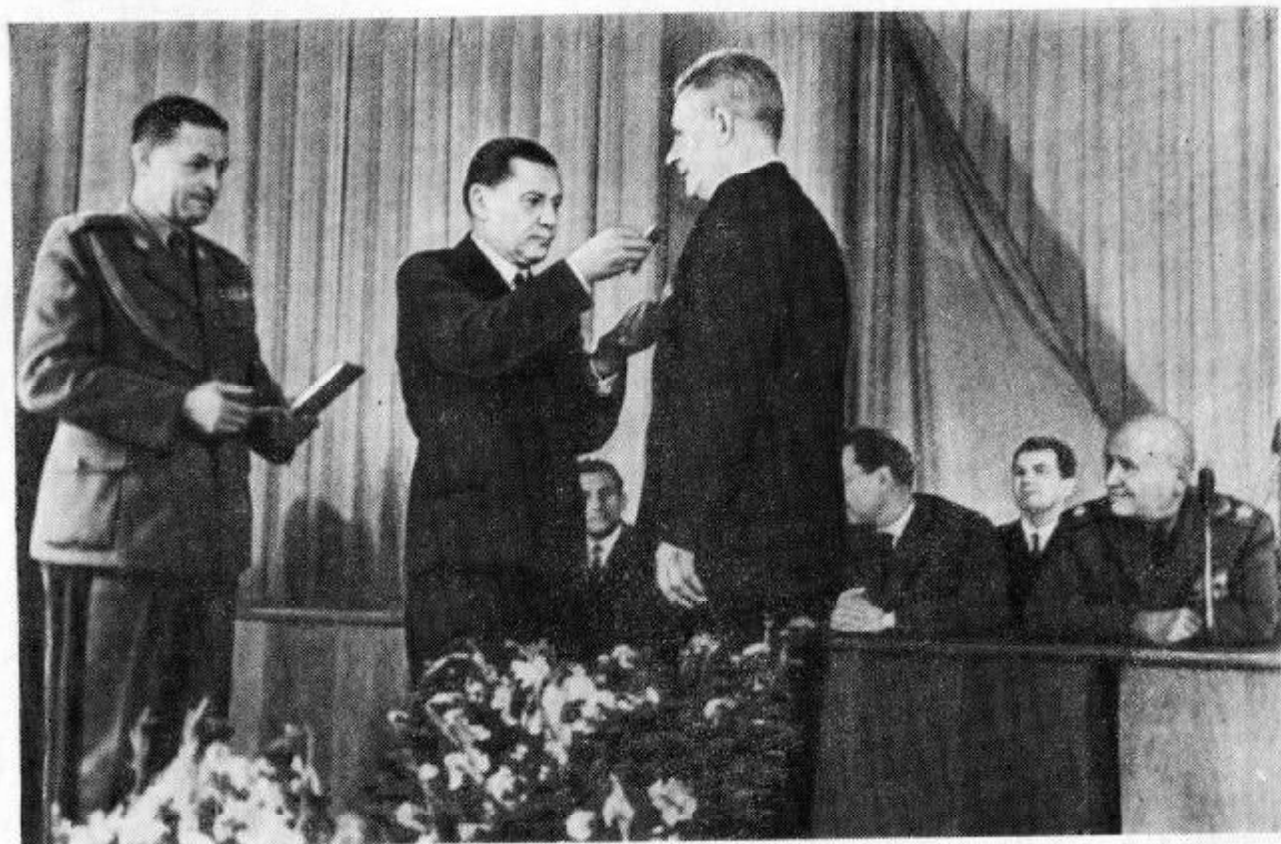

Памятник погибшим партизанам в селе Смагарин.

Встреча ветеранов партизанского соединения в селе Перемога. Крайний справа — Н. А. Москаленко.

Вручение И. Я. Юркину польского ордена «Золотой крест». 1964 г.